

КОЛСОН УАЙТХЕД ПОДЗЕМНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Идеальное соотношение исторической
точности и литературной фантазии.

TIME

Национальная книжная
премия США 2016 года

Пулитцеровская
премия 2017 года

CoRpus

КОЛСОН
УАЙТХЕД

ПОДЗЕМНАЯ
ЖЕЛЕЗНАЯ
ДОРОГА

Идеальное соотношение исторической
точности и литературной фантазии.

TIME

CoRRvS

Национальная книжная
премия США 2016 года

Пулитцеровская
премия 2017 года

t.me/marketologmanager

Колсон Уайтхед

Подземная железная дорога

© Colson Whitehead, 2016

© О. Новицкая, перевод, 2019

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Издательство CORPUS ®

* * *

Посвящается Джули

Аджарри

Когда Цезарь в первый раз заикнулся о побеге на Север, Кора сказала «нет».

В ней заговорила бабка. Когда невольников вывели из подземелья крепости Виды^[1], бабка Кору зажмурилась от слепящего глаза полуденного солнца и блеска воды. Она впервые в жизни увидела океан. В подземелье их держали до прибытия судна. Охотники из Дагомеи^[2] сперва поймали и увели с собой всех мужчин из ее деревни, потом, когда сменилась луна, они пришли опять, забрали всех женщин и детей и погнали их, скованных попарно, через джунгли к морю. Вглядываясь в черноту дверного проема, Аджарри думала, что там, в темноте, ее ждет отец. Уцелевшие мужчины из деревни рассказали ей, что, когда отец совсем обессилел из-за долгого перехода, дагомейцы прикончили его, чтобы не задерживал остальных, и бросили у дороги с проломленной головой. Мать ее к тому времени уже давно умерла.

По пути в порт бабка Кору несколько раз переходила из рук в руки, дагомейцы перепродавали ее друг другу, предлагая взамен то раковины каури, то стеклянные бусины. Трудно сказать, сколько за нее выручили в Виде, потому что после обычных в таких случаях препирательств на ломаном английском вся партия, восемьдесят восемь душ, пошла скопом за шестьдесят ящиков рома и пороха. Здоровые мужчины и женщины детородного возраста ценились дороже подростков, поэтому высчитать точную цену каждого раба в партии – дело сложное.

Шхуна «Нэнни» по пути из Ливерпуля в Виду уже успела зайти в два порта на Золотом Берегу, и капитан предпочел разбавить ранее купленный товар новым. Невольники, говорящие на одном языке, вполне способны и до мятежа договориться. Вида была для «Нэнни» последним портом захода по эту сторону Атлантики. Двое матросов с соломенными волосами посадили Аджарри в шлюпку, мурлыча что-то себе под нос. Белокожие любят черное мясо.

Тлетворный воздух заточения, темный трюм, вопли прикованных друг к другу рабов – все это постепенно сводило Аджарри с ума. Она была слишком юна, поэтому тюремщики не воспользовались ею сразу, но через шесть недель плавания бывалые члены судовой команды не

гнушались выволакивать ее из трюма. На пути в Америку она дважды пыталась покончить с собой: один раз пробовала уморить себя голодом, другой – утопиться. Оба раза ей помешали матросы, умевшие распознать планы и намерения живого товара. Когда Аджарри хотела броситься за борт, то не успела даже взобраться на планширь. Неестественность осанки и отчаянье на лице, как у тысяч невольников до Аджарри, выдали ее с головой. И теперь она скована, скована по рукам и ногам, чтобы другим неповадно было.

Сколько они с родней ни старались, чтобы на торгах в Виде их не разлучили, но остальных членов ее семьи купили португальские работорговцы с фрегата «Вивилья», который, по словам очевидцев, четыре месяца спустя дрейфовал в десяти милях от Бермудских островов. Вспыхнувшая на борту чума уничтожила всех. Местные чиновники приказали сжечь судно и с берега наблюдали, как парусник трещит и тонет. Бабка Кору о судьбе фрегата ничего не знала. До конца своих дней она представляла себе, что ее родные служат у добрых и щедрых хозяев где-нибудь на Севере и занимаются каким-нибудь неизнурительным ремеслом – прядут, ткут, но только не на плантации, только не так, как она. В ее воображении Исаии, Сиду и остальным удалось выкупить себя из неволи, они теперь жили как свободные люди в городе, который называется Пенсильвания, – она однажды слышала, как двое белых разговаривали про это место. Эти сказки дарили Аджарри утешение, когда под тяжестью своей ноши она готова была рухнуть и разбиться вдребезги.

Второй раз бабушку Кору продали, после того как она месяц провела в чумном бараке на острове Салливана, пока карантинный врач не подтвердил, что она и весь живой товар с «Нэнни» здоровы.

Еще один шумный день на невольничьей бирже. Крупные торги всегда привлекали колоритную толпу. В Чарлстон со всего побережья стекались торговцы и агенты, придирчиво проверявшие у выставленных на продажу рабов глаза, суставы, спины, и чтобы без венерических болезней и прочих неприятностей. Под вопли аукционистов зрители поедали свежие устрицы и горячую кукурузу. Рабов на помосте выставляли нагишом. Вокруг группы пареньков ашанти – это африканское племя славилось трудолюбием и силой – разгорелся настоящий ажиотаж, и в конце концов надсмотрщик с каменоломни купил негритят за ошеломительную цену. В толпе зевак

стоял мальчишка, держащий в руках леденец на палочке, и бабка Кору никак не могла взять в толк, что за штуку он тянет в рот.

Когда солнце уже почти село, агент купил ее за двести двадцать шесть долларов. За нее можно было бы выручить и больше, но рынок в тот год был затоварен молоденькими. Его костюм был из материи белее, чем все, что она в жизни видела. На пальцах сверкали перстни с разноцветными камнями. Когда он щипал ее за грудь, чтобы убедиться, что она в соку, коже было холодно от прикосновения металла. Ей поставили клеймо, не первое и не последнее, и приковали к остальным купленным за день невольникам. Той же ночью скованные цепью рабы начали длинный переход на юг, ковыляя за коляской, в которой ехал агент. «Нэнни» к тому времени уже легла на обратный курс, везя в Ливерпуль сахар и табак. В ее трюмах стало куда спокойнее.

В последующие годы бабку Кору столько раз продавали, обменивали и перепродавали, что порой казалось, будто над ней висит злой рок. Все ее владельцы почему-то разорялись один за другим. Первого хозяина облапошил мошенник, всучивший ему агрегат, якобы чистивший хлопок в два раза быстрее, чем коттон-джин^[3]. Чертежи выглядели очень внушительно, но в конечном итоге по распоряжению магистрата Аджарри наравне с остальным имуществом пошла с молотка за долги. В суматохе ее оценили в двести восемнадцать долларов. Из-за конъюнктуры на местном рынке цена чуть упала. Следующий хозяин скончался от водянки, после чего его вдова распродала имущество, чтобы вернуться на родину, в Европу, где было чище, чем на Юге.

Три месяца Аджарри провела у хозяина-валлийца, который проиграл ее, еще трех рабов да двух свиней в вист. И так раз за разом.

Цена на нее гуляла туда-сюда. Когда столько раз переходишь из рук в руки, поневоле становишься цепкой. Она научилась мигом обживаться на новых плантациях, отличать изуверов-«укротителей» от просто жестоких людей, трутней от тружеников, наушников, которым ничего нельзя говорить, от исповедников, которым можно рассказать все. Хозяева и хозяйки разной степени жестокосердия, поместья, где уровень притязаний отчаянно не соответствовал уровню возможностей. Кое-где плантатор мечтал просто свести концы с концами, но кое-где дамы и господа метили во властелины мира, словно это зависело от площади плантации в акрах. 248 долларов, 260

долларов, 270 долларов. Куда бы она ни попала, всюду сахарный тростник да индиго, кроме одного раза, когда неделю пришлось скручивать табачные листья. Но тут на табачную плантацию заехал торговец, которому требовались рабыни детородного возраста, желательно с целыми зубами и нраву смиренного. Из девчонки она к тому времени превратилась в женщину, так что ее мигом купили.

Она знала, что у белых существует наука, с помощью которой ученые мужи докапываются до сути вещей, чтобы понять, как что работает: как движутся по ночному небу звезды, как в крови происходит слияние различных влаг и соков, какая температура требуется, чтобы хлопок уродился на славу. Собственное черное тело и накопленные наблюдения научили Аджарри своей науке. Каждая вещь имеет цену, и стоит цене измениться, меняется все вокруг. Треснувший калек начал пропускать воду и стал цениться ниже, чем целый. Крючок, подцепивший сома, ценнее, чем тот, что не удержит даже наживку. Суть Америки в том, что люди в ней – это вещи. Старик не переживет путешествие на корабле через океан, поэтому незачем бросать деньги на ветер. А вот за молодого здорового детину из могучего племени покупатели готовы глотки друг другу рвать. Рабыня, рожающая одного за другим, рожает на самом деле живые деньги, чеканит их как монеты. Если ты вещь – телега, лошадь, раб, – твоя цена определяет твои шансы. Аджарри поняла, где ее место.

Оно в Джорджии. Приказчик с плантации Рэндалла купил ее за двести девяносто два доллара, несмотря на появившуюся у нее пустоту во взгляде, из-за чего она производила впечатление тупицы. И до конца жизни она носа не высунула с плантации Рэндалла. Здесь, на этом острове, откуда не вырваться, и был ее дом.

Замуж бабка Кору ходила трижды. Она питала слабость к широким плечам и большим рукам, так же, как и старик Рэндалл, хотя у хозяина и рабыни были для этого разные основания. Обе плантации Рэндалла могли похвастаться богатым поголовьем рабов: в северной части – девяносто негров, в южной – восемьдесят пять. Обычно выбирала сама Аджарри, когда выбирали ее – смирялась.

Ее первый муж очень уж пристрастился к кукурузному виски, под воздействием которого столь любимые ею большие руки превращались в большие кулаки. Поэтому Аджарри недолго горевала, когда его уводили прочь, – хозяин продал его на сахарную плантацию

во Флориде. Потом сошлась со славным парнем с южной части плантации. Пока его не прибрала холера, он любил пересказывать жене Библию – его бывший хозяин, когда дело касалось рабов и религии, придерживался прогрессивных взглядов. Ей нравились библейские истории и притчи. Белые в таких вещах знали толк. Разговоры о спасении души африканцам были ой как в жилу. Несчастные сыны Хама. Ее последнему мужу проткнули уши за то, что мед воровал. Пока умирал, из ран гной так и шел.

От своих мужей Аджарри родила пятерых детей. Все они появились на свет на дощатом полу хижины, на одном и том же месте. Она частенько грозила им за непослушание: вот тут я вас родила, тут и обратно засуну, коли мать слушать не будете. Научишь их повиноваться себе, так они, глядишь, станут повиноваться хозяевам и на том выживут. Двое померли от лихорадки, бедные. Один, когда играл, наступил ножкой на ржавый лемех плуга и умер от заражения крови. А младшенький, как его хозяин по головке деревянным чурбаном ударил, так глаз больше не открывал. Один за другим. Но зато, как сказала Аджарри женщина постарше, никто их от нее не отрывал, чтобы продать. Это верно, в то время Рэндалл негрятя продавал редко. Так что хоть знаешь, где умерли и от чего. Единственным ее ребенком, дожившим до отрочества, была Мэйбл, мать Кору.

Аджарри умерла среди хлопка; комки белой ваты вздымались вокруг нее, словно белые буруны свирепого океана. Последняя из своей деревни, отдавшая концы прямо на поле из-за гули в мозгу, когда кровь хлынула из носа и на губах выступила белая пена. Прямо среди рядов хлопчатника. А где еще ей было умирать? Свобода предназначалась другим, гражданам града Пенсильвания, бурлившего жизнью где-то на Севере, за тысячу миль отсюда.

В тот воскресный вечер, когда Цезарь обмолвился о подземной железной дороге, а Кора отрезала: «Нет», – в ней заговорила бабка.

Три недели спустя она сказала «да».

На этот раз в ней заговорила мать.

Джорджия

Награда 30 Долларов

Сего месяца 5-го дня с плантации нижеподписавшегося У. М. Диксона в Солсбери бежала молодая негритянка по имени ЛИЗЗИ. Означенная негритянка может скрываться в окрестностях плантации миссис Стил. Вышеупомянутое вознаграждение причитается как за поимку беглой негритянки, так и за сведения о содержании оной в какой-либо из тюрем сего штата. Любые лица, замеченные в укрывательстве означенной беглой негритянки, подлежат преследованию и наказанию по всей строгости закона.

У. М. Диксон

1820 года, июля 18-го дня

Дни рождения Пройдохи отмечали раз или два в год и старались, чтобы праздник получился на славу. Это всегда было воскресенье, короткий день на плантации. В три часа пополудни десятники давали сигнал об окончании работы, и каждый невольник с северной части плантации, чтобы начать приготовления к вечеру, стремился как можно быстрее разделаться с накопившимися за неделю делами: починить что надо, обобрать мох, подлатать крышу – все на скорую руку. Праздник важнее. Исключения составляли только те, кого выпускали в город на отхожий промысел, или кто заранее подрядился делать какую-то работу на стороне. У этих выхода не было: даже если бы они решились отказаться от лишнего заработка – а кто же от такого откажется? – ни у одного раба не хватило бы наглости объяснить белому нанимателю, что сегодня он работать не будет, потому что спешит на день рождения. У черномазых дней рождения не бывает, это всем известно.

Сидя на кленовом чурбачке, Кора выковыривала землю из-под ногтей. Она всегда по возможности давала на общий праздничный стол репу или зелень со своей грядки, но сегодня решила по-другому. Кто-то вопил неподалеку, похоже, один из новеньких, которых Коннелли еще не успел согнуть в бараний рог. Ему так же громко что-то проорали в ответ. Завязалась перепалка, в громких голосах сквозила не столько злоба, сколько гонор. Если уж они заранее так раздухарились, то на дне рождения точно будет дым коромыслом.

– Если бы ты могла выбрать себе день рождения, – спросила Кору Милашка, – ты бы что выбрала?

Милашка стояла против света, солнце било Коре в глаза, так что лица подруги она не видела, но отлично знала, что на нем написано. У Милашки все всегда без затей. Нынче вечером будет праздник. Она упивалась этими редкими отдушинами, будь то день рождения Пройдохи, Рождество или ночи во время страды, когда каждый, у кого были две руки в наличии, выходил на ночную уборку хлопка, и десятники по приказу Рэндаллов раздавали им кукурузный виски, чтобы работалось веселей. Да, это была работа в поле, но под луной дело и вправду спорилось. Во время танцев Милашка первой кричала скрипачу, чтобы не филонил, и первой пускалась в пляс. Она вечно и Кору тащила за собой, хотя та упиралась и жалась в сторонке. Дай Милашке волю, так они бы, взявшись за руки, вертелись круг за кругом, и Милашка при каждом повороте притягивала мужские

взгляды, а там, глядишь, и Кора кого подцепила бы. Но Кора никогда не танцевала. Она наблюдала.

– Я же тебе говорила, когда я родилась, – сказала она Милашке.

Она родилась зимой. Мэйбл, ее мать, не раз жаловалась на трудные роды, на то, какой в то утро вдруг ударил мороз, как вой ветра врывался в щели хижины. Как из матери несколько дней хлестала кровь, а Коннелли и не почесался, а за лекарем послал, только когда от нее половина осталась.

Иногда сознание Кору играло с ней злую шутку, и рассказ матери превращался в одно из ее собственных воспоминаний, расцветиваясь ликами теней прошлого, давно умерших рабов, которые смотрели на нее с любовью и лаской. Даже те, кого она ненавидела, кто пинал ее и воровал у нее еду, когда матери не стало.

– Ну а если бы ты могла выбрать? – настаивала Милашка.

– День рождения нельзя выбрать. Это решено за тебя.

– Ладно, хорош дуться!

С этими словами Милашка умчалась прочь.

Кора потеряла себе лодыжки и икры, радуясь возможности дать ногам отдохнуть. Праздник, не праздник – на этом кленовом чурбачке рядом со своей грядкой она встречала каждый воскресный вечер, когда после короткого дня в поле можно было присесть и чем-то заняться. Эти несколько часов в неделю она была сама себе хозяйка, это было ее время, чтобы выполоть сорняки, обобрать гусениц, проредить шпинат и сверкать глазами в сторону всякого, кто посягает на ее вотчину. Постоянный уход за грядкой был необходим, чтобы на ней что-то росло, но главное, это был некий символ, означавший, что с того дня, как она встала на тропу войны, решимости в ней не убавилось.

Земля под ногтями имела историю, самую древнюю из всех, ведомых Коре. Едва Аджарри после долгого перегона появилась на плантации, она со скандалом отвоевала себе за хижинкой клочок земли и разбила грядку. Хижина была последней в веренице лачуг, где жили рабы. До них простиралась поля, за ними начинались болота. Старик Рэндалл однажды увидел во сне море белого цвета, которое разливалось куда хватало глаз, и мигом переключился с надежного индиго на барбадосский хлопчатник. Он завязал новые связи в Новом Орлеане, договорился с откупщиками, которых кредитовал Банк Англии. Деньги хлынули рекой. В Европе был хлопковый голод,

который необходимо было спешно утолять. Кипа за кипой товар шел в Европу. Однажды ночью вернувшись с поля рабам велено было валить лес и тесать бревна для новых хижин.

Сейчас, глядя на то, как снует вокруг этих лачуг туда-сюда народ, Кора с трудом могла себе представить, что когда-то этих четырнадцати хижин здесь просто не было. Несмотря на ветхость и жалобы, что стоят они на краю света, в лачугах была вековечность вздымавшихся на Западе гор или реки, разрезавшей плантацию на две части. Они источали незыблемость, а в душах тех, кому выпало в них жить и умирать, будили два вечных чувства: зависть и злобу. Додумайся тогда строители оставить зазор между старыми и новыми постройками пошире, скольких бед удалось бы избежать в последующие годы!

Белые готовы препираться в суде и устраивать тяжбы из-за территорий за сотни миль, которые неточно нанесены на карту. Рабы с той же горячностью бились за клочки земли у себя под ногами. На полоске глины между лачугами можно было держать козу на привязи или кур в клетушке, там можно было выращивать еду для приварка, чтобы в животе было что-то кроме похлебки с отрубями, которую по утрам раздавали на кухне. Раздавали тем, кто успел прийти раньше остальных. Когда старый Рэндалл, а позднее его сыновья решали продать невольника, остальные принимались делить его клочок земли еще до того, как на купчей успевали высохнуть чернила. Если владелец такого клочка по вечерам мирно возился на своей грядке, улыбаясь или мурлыкая что-то себе под нос, у соседа вполне могло возникнуть желание выкинуть его оттуда силой. И к кому тогда бежать жаловаться? Тут ни судов, ни судей нет.

– Мама никого близко не подпускала к своему полю, – рассказывала Мэйбл дочери. «Поле», конечно, громко сказано, потому что по площади там с трудом набегало три квадратных ярда.

– Всякому, кто осмеливался просто посмотреть, грозились череп молотком проломить.

Образ Аджарри в памяти Кору не вязался с бабкой, которая ради грядки с оружием в руках была готова броситься на проходящих мимо рабов, но когда грядка перешла под Корин надзор, девочка поняла, что так оно и было на самом деле. Аджарри блюла свою землю, несмотря на происходившие на плантации изменения. Рэндаллы купили ранчо Спенсера на севере, потом решили расширяться на запад, купили еще

одну плантацию, южнее, из рисовой сделали ее хлопковой и добавили по паре невольничьих хижин в каждом ряду, но грядка Аджарри в центре всех этих пертурбаций по-прежнему оставалась на своем месте, словно пень, который не выкорчевать, потому что он ушел корнями слишком глубоко. После смерти Аджарри заботу о росшем на грядке ямсе, бамии и прочем разном возложила на себя Мэйбл. Но когда грядка перешла к Коре, поднялся переполох.

Как Мэйбл исчезла, Кора осталась беспризорной. Ей было одиннадцать, а может, только десять – точного возраста никто не знал. От пережитого потрясения мир вокруг нее стал бесцветным. Первым цветом, который вернулся, была сочная терракота – красная почва на их семейной грядке. Благодаря ей Кора пробудилась к жизни и к людям и решила, что свое из рук не выпустит, несмотря на то, что мала и смотреть за ней больше некому. Мэйбл была женщиной слишком уж неразговорчивой и несговорчивой, поэтому никто ее особенно не любил, но к Аджарри при жизни невольники относились с почтением. Тень покойной матери служила дочери защитой. Все старые рабы Рэндаллов либо поумирали, либо давно были проданы. Кора мысленно составляла список возможных сторонников: неужто не осталось ни одного из бабкиных приверженцев? Ни-ко-го. Одни покойники.

Она сражалась за свою глину. Гоняла малолетних паразитов, не доросших до работы на поле, которые повадились топтать ее рассаду; поднимала крик, если они выкапывали побеги ямса. Голосила она зычно, как на праздниках, когда созывала детвору, чтобы бегать взапуски или играть. Зла на них она не держала.

Но претенденты на землю обошли ее с флангов. Ава. Они с матерью Кору вместе росли на плантации. Обе щедро хлебнули пресловутого рэндалловского «гостеприимства», которое при всей изошренной чудовищности, не укладывающейся в голове, было в своих извращениях чем-то столь же будничным, как погода за окном. Иногда подобные переживания сближают, иногда стыд за собственную беспомощность заставляет жертву возненавидеть свидетелей. Ава и Мэйбл остались врагами.

У жилистой сильной Авы руки были проворными, как болотные гадюки. Эти руки своего не упускали и были скоры на оплеухи детворе за безделье и прочие грехи. О своих курах она заботилась куда больше,

чем о детях, поэтому, желая расширить площадь под клетушки, зарилась на Корину грядку.

– Все ей одной, а какое добро пропадает! – шипела она, водя кончиком языка по зубам.

Под крышей хижины, где кроме Авы и Кору ютилось еще восемь человек, они каждую ночь спали бок о бок, и Кора замечала копившуюся неприязнь Авы. От злобы ее дыхание словно отсырело и отдавало кислым. Каждый раз, когда Кора вставала, чтобы помочиться, Аве непременно надо было ей наподдать.

Однажды вечером, вернувшись в хижину, она услышала от Мозеса: – А ты с сегодняшнего дня у Иова.

Ава за ее спиной договорилась с Мозесом и как надо с ним расплатилась. После того как надсмотрщик Коннелли повесил Мозеса, сделав одним из своих подручных, этот бывший полевой негр возомнил себя третейским судьей во всех деревенских распрах. На поле полагалось поддерживать какой-никакой порядок, а вмешиваться в некоторые делишки белому было не с руки. Мозес же за все подобное брался с упоением. Его рожа, похожая на нарост, торчащий на потном коренастом стволе шеи, казалась Коре мерзкой. Так что, когда проступило столь же мерзкое нутро, она не удивилась – рано или поздно, оно всегда проступает.

Это уж как закон. Как солнце восходит.

Кору сплавили к Иову, куда отправляли изгоев. Самых жалких. Без надежды на обжалование, потому что там законы были не писаны, либо переписывались что ни день. Даже барахлишко ее уже туда перетащили.

Все давно забыли того бедоносца, по имени которого стали называть эту хижину. Он довольно пожил, прежде чем сгинуть от бед, воплощением коих стал. К Иову всех изувеченных надсмотрщиками; к Иову всех, кого сломила работа, неважно, видно это глазу или нет; к Иову всех, кто поехал умом. К Иову всех, кто без призора.

Сперва к Иову отправляли мужчин, увечных недолюдей. Потом там обосновались женщины. Белые и цветные мужчины грубо пользовались их телом, они рожали на свет хилых усохших заморышей, от побоев теряли рассудок и в темноте твердили имена своих мертвых детей: Ева, Элизабет, Натаниэль, Том. Кора, не в силах сомкнуть глаз, жалась на полу в общей комнате, сама не своя от страха.

Она не могла заснуть среди этих парий и проклинала собственное малодушие, с которым ничего не могла поделать. Девочка таращила глаза в темноту, где проступали силуэты. Очаг, стропила, поддерживавшие чердак, развешанные по стенам инструменты. Впервые в жизни ей пришлось проводить ночь вне стен, в которых она родилась. Сотня шагов до них казалась доброй сотней миль.

Со следующим шагом Ава не спешила. И тут появился новый противник: старый Абрахам. Старый Абрахам был далеко не стар, а просто держал себя как старый брызга и человеконенавистник с той поры, как научился сидеть. Никаких специальных видов на Корину грядку у него не было, он хотел отобрать ее из принципа. С какой стати он и все остальные должны уважать права этой соплячки только потому, что ее бабка застолбила когда-то эту полоску красной глины? Старый Абрахам в традиции не верил. Слишком уж много раз его перепродавали по весомым соображениям. Бегая туда-сюда по разным поручениям, Кора часто слышала, как он подбивал остальных поделить ее участок.

– А то все этой одной.

Все ей. Все три квадратных ярда.

Потом появился Блейк. Летом младший из Рэндаллов, Терренс, как раз решил, что им с братом пора чувствовать себя хозяевами плантации. Они закупили партию негров не то в Северной, не то в Южной Каролине. Шестеро из них, если агент не врал, были из племен фанти^[4] и мандинго^[5], то есть и телом, и темпераментом сама природа предназначила их для полевых работ. На плантации Рэндалла эти новички, и среди них Блейк, Пот и Эдвард, жили единым племенем и были не прочь поживиться тем, что плохо лежит. Терренс Рэндалл с первого дня записал их в любимчики, а Коннелли постарался сделать так, чтобы старожилы плантации это накрепко усвоили. Много ума не надо, чтобы не становиться у фаворитов на пути, когда они не в духе или когда, выпив всю брагу, буянят в воскресенье после работы.

Здоровый как бык Блейк, который ел и вкалывал за двоих, вскоре стал живым примером финансовой прозорливости Терренса Рэндалла. Одно потомство от такого молодца сулило кучу денег. Он постоянно затевал потасовки не только с друзьями, но и с прочими, красуясь, поднимая пыль до небес и неизменно выходя победителем. Когда он

пел, его зычный голос разливался над полем, и даже те, кто презирал его, начинали подтягивать. Человек он был поганый, но под звуки, которые извергало его тело, работа спорилась.

Покрутившись несколько недель на плантации, Блейк, подумывавший о том, что бы ему урвать на соседней, северной части поместья, решил, что Корина грядка отлично подойдет, чтобы держать на ней собаку. Солнце, ветерок, да в двух шагах – чего еще надо? Как-то после одной из отлучек в город он вернулся в сопровождении дворняги. Псина на плантации прижилась: пока Блейк был на работе, она болталась возле коптильни и от каждого шороха в ночи заходилась брехливым лаем. Блейк умел по мелочи плотничать – тут, вопреки обыкновению, агент, пытавшийся набить ему цену, не солгал. Для своей шавки он сколотил будку, которой перед всеми хвастался. Будку искренне хвалили, потому что она вышла на славу – ладный домик с правильными углами, дверцей на петлях и прорезными силуэтами солнца и полумесяца на задней стенке.

– Скажи, красота? – спрашивал Блейк у старого Абрахама. Ему вдруг понадобилось беспристрастное мнение.

– Работа тонкая. Там внутри, поди, и кровать есть?

Блейк действительно стачал наволочку и набил ее мхом. По его мнению, лучшего места для будки, чем полоска земли рядом с его хижинкой, было не найти. Раньше Кора была для него пустым местом, но теперь, когда она стояла рядом, он посмотрел ей в глаза, предупреждая, что он ее запомнил.

Кора пыталась взывать к тем, кто, как она знала, был в долгу перед ее матерью. Ее послали куда подальше. Бо, которую Мэйбл выходила после лихорадки, отдавая ей свой ужин и отпаивая бульоном с кореньями, пока несчастная не открыла наконец глаза, так вот, эта самая Бо, пробавлявшаяся шитьем, сказала, что свой долг вернула, причем с лихвой, а Коре посоветовала убираться к Иову, где ей самое место. Кора помнила, как после пропажи кое-какого садово-огородного инструмента Мэйбл обеспечила алиби Кальвину. Не сочини она тогда что-то в его оправдание, то Коннелли, известный за плечных дел мастер, своей плеткой-девятихвосткой спустил бы с Кальвина шкуру. А Мэйбл, если бы ее обман выплыл, грозила бы та же самая участь. Кора прокралась к Кальвину после ужина: помоги, умоляю! Он только

отмахнулся. Мэйбл, кстати, говорила, что так и не дозналась, куда он сплавил пропавший инструмент.

Прошло какое-то время после того, как Блейк публично заявил о своих притязаниях, и однажды утром, когда Кора прибежала из хижины Иова проверить свою грядку, ее ждала неприглядная картина. Рассвет выдался холодный, и землю покрывала млечная роса. Внезапно она увидела, что осталось от ее ранней капусты. Выкорчеванные побеги, сваленные в кучу у крыльца Блейка, успели подвднуть. Землю перекопали и утрамбовали, так что получился двор вокруг собачей будки, которая торчала посреди ее грядки, словно барский особняк в самом сердце плантации. Псина, будто зная, чью землю захватила, высунула из будки морду, выказывая Коре свое презрение.

Заслышав лай, на пороге вырос Блейк. Он встал, скрестив руки, и сплюнул.

Краем глаза Кора заметила людей вокруг – шушукающиеся бурчащие тени. Смотрят на нее. Ее мать в могиле. Ее саму переселили в лачугу для отребья, и ни один человек не встал на ее защиту. А теперь этот громила, в три раза крупнее ее, забрал себе ее собственность. Кора лихорадочно обдумывала, что делать. Сегодня, когда она стала старше, можно было бы кинуться к соседкам по хижине Иова, к Милашке, но это сегодня. А тогда?

Ее бабка Аджарри не раз обещала раскроить череп каждому, кто хоть пальцем тронет ее землю. И Коре всегда казалось, что это чересчур. Как во сне, она дошла до хижины Иова и сдернула со стены тесак, с которого не спускала глаз бессонными ночами. Он остался от кого-то из прежних обитателей, нашедших свой страшный конец либо от чахотки, либо от порки плетьюми, либо от поноса, изнурительного поноса, когда с говном вываливаются на пол кишки.

В деревне уже прослышали о случившемся, и высыпавшие из лачуг зеваки в нетерпении тянули шеи. Кора проследовала мимо них, пригнувшись, словно двигалась против ураганного ветра. Ни один человек не сделал попытки остановить ее, настолько абсурдным казалось все происходящее. Первый удар тесака обрушил крышу будки. Собака завизжала, потому что от ее хвоста осталась половина, и бросилась в укрытие за хозяйским домом. Вторым ударом Кора снесла левую стенку будки, а последним окончательно сравняла ее с землей.

Она стояла, тяжело дыша, зажав тесак в обеих руках. Лезвие ходило туда-сюда, словно в противостоянии с призраком. Шутить Кора не собиралась.

Сжав кулаки, Блейк шагнул ей навстречу. Его соплеменники маячили у него за спиной напирая. Вдруг он остановился. Что произошло в тот момент между двумя этими персонажами – здоровенным верзилой и щуплой девчонкой в белом платьишке, – можно объяснить в зависимости от точки зрения. Наблюдавшие за происходящим со стороны старых хижин видели, что лицо Блейка исказилось от изумления и боли, как у человека, наступившего на осиное гнездо. Те, кто стоял у новых лачуг, видели, что взгляд Кору мечется туда-сюда, словно она оценивает наступающего неприятеля, причем не отдельного человека, а неприятеля в широком смысле. Она готова была сразиться с армией. Вне зависимости от исхода важнее всего был посыл, читавшийся и в позе, и в выражении лица. Этот посыл гласил: если сунешься, пеняй на себя, – и противная сторона считала правильно. Они стояли друг перед другом, пока Элис не ударила в гонг. Время завтрака, лишаться похлебки никто не собирался. Вечером, вернувшись с хлопкового поля, Кора привела грядку в порядок и прикатила к ней кленовый чурбачок, оставшийся от какой-то стройки. На этом чурбачке она восседала теперь каждую свободную минуту.

Если до Авиных интриг Кора была в лачуге Иова чужой, то теперь она стала там своей. Самой злосчастной, самой долговременной ее обительницей. Работа рано или поздно доканывала увечного, умалишенных либо продавали по дешевке, либо они сами кидались на нож. В лачуге ненадолго появлялись новые жильцы. А она оставалась. Оставалась у себя дома.

Будку Кора порубила на дрова. Благодаря этому обитатели хижины Иова не зябли целую ночь, но связанная с будкой легенда окружала Кору до ее последнего дня на плантации Рэндаллов, превращая девочку в меченую. Блейк и его дружки начали болтать про нее разное. Блейк подробно расписывал, как однажды, проснувшись за конюшнями, увидел стоявшую над собой Кору с тесаком в руках. По его словам, она выла. Блейк, прирожденный актер, мастерски изображал эту сцену в лицах, на потеху публике. Едва у Кору под платьем наметилась грудь, как Эдвард, самый гнусный тип их шайки,

начал похваляться, что Кора задирала перед ним подол, похотливо с ним заигрывая и угрожая снять с него скальп, если он не ответит ей на чувства. Девушки на плантации якобы видели, как в полнолуние она крадучись выходит из хижины и бежит в лес, чтобы совокупиться там с ослами и козлицами. Даже те, кто находил подобные истории маловероятными, почитали за лучшее не числить странную девочку среди порядочных.

Не успела в Коре расцвести женщина, как Эдвард, Пот и еще парочка невольников с южной части плантации затащили ее за коптильню. Те, кто видел и слышал, что там творилось, решили не вмешиваться. Женщины из хижины Иова потом собирали Кору по кускам. Блейка к тому времени на плантации уже не было. Возможно, однажды заглянув ей в глаза, он предупредил бы своих дружков, чтобы с ней не связывались, себе дороже выйдет. Но его уже не было. Через три года после того, как Кора порубила собачью будку, Блейк бежал и несколько недель прятался на болотах. Выдал его лай злополучной собаки. И Кора могла бы сказать, что поделом, не будь наказание беглого негра при поимке таким, что о нем и думать нельзя было без дрожи.

Большой стол уже выволокли из кухни и теперь стряпали на нем яства к праздничной трапезе. На одном конце охотник свеживал енотов, на другом Флоренс скоблила гору сладкого картофеля. Под большим котлом трещал и посвистывал огонь. В закопченной посудине вскипал суп, куски капусты метались вокруг свиной головы, которая то тонула, то взмывала на поверхность, проглядывая сквозь серую пену. Честер попытался стащить пригоршню коровьего гороха, но тут же получил от Элис поварешкой.

– Что ж ты сегодня, Кора, с пустыми руками? – спросила Элис.

– Так рано ж еще, ничего не выросло, – отозвалась девушка.

Элис для виду разочарованно вздохнула и снова занялась стряпней.

«Вот она, неправда», – сказала себе Кора, делая зарубку в памяти. То, что на грядке ничего не выросло, тоже было неправдой. На прошлый праздник она пожертвовала на общий стол два кочана капусты, которые были благосклонно приняты, но выходя из кухни, Кора допустила тактический просчет: зачем-то оглянулась на пороге и увидела, как Элис отправляет ее капусту в ведро с помоями. Пошатываясь, она вышла на воздух. Неужели стряпуха брезгует ее овощами? Неужели таким вот образом она поступала с каждой репой или брюквой, с каждым пучком свежей зелени, которые Кора в течение пяти лет отрывала от себя? С кого это началось? С Кору? С Мэйбл? С бабки Аджарри? У лиха был свой черед, одно тянуло за собой другое, только успевай уворачиваться.

Выяснить с Элис отношения было бессмысленно. Она слыла любимой поварихой в семье старого Рэндалла, а теперь и в доме Джеймса, который вырос на ее сладких пирожках с начинкой.

Братья Рэндаллы.

Джеймса с малолетства можно было унять каким-нибудь лакомством с кухни Элис. Сахарное яблоко как рукой снимало любую истерику или вспышку бешенства. Его младший брат Терренс был не таков. У кухарки рядом с ухом до сих пор сохранился желвак – памятка о том, как юный мастер Терренс выразил свое недовольство приготовленным ею бульоном. Ему тогда было десять. Норов проявился буквально с первых шагов, а подступающая зрелость и примеряемые на себя властные полномочия эти гнусные качества только отшлифовывали. Если у Джеймса был нрав наutilusа, погруженного в глубины собственного аппетита, то Терренс готов был

идти на abordаж даже против «Летучего голландца». Ну, что скажешь, хозяин – барин.

Кора шла под грохот кастрюль и вопли негритят, предвкушавших угощение. С южной части плантации не доносилось ни звука. Много лет назад братья Рэндаллы, бросив монетку, разграничили полномочия, и именно это сделало возможным сегодняшний праздник. Рэндалл-младший на увеселения рабов смотрел косо, на его землях они были не заведены. Каждый из братьев управлял своей частью отцовского наследства сообразно собственному темпераменту. Джеймс довольствовался стабильными урожаями модной культуры – хлопчатника – и пусть медленным, но неуклонным приростом доходов от поместья. Земля и трудившиеся на ней негры давали в итоге больше, чем мог предложить любой банк. Терренс предпочитал более рискованные стратегии, стремясь любой ценой увеличить грузы, отправляемые в Новый Орлеан. Если черная кровь – это деньги, то рачительный хозяин, чтобы пустить ее, без зазрения совести перережет неграм вены. Он выжимал из своих рабов все, до последнего доллара.

Честер с мальчишками вцепились Кору, и она вздрогнула от неожиданности. Да ладно, это же просто детвора. Им охота бегать взапуски. Обыкновенно Кора выстраивала их в линию, следила, чтобы никто не заступал за черту, унимала непосед, а бывало, отправляла кого-то состязаться с детьми постарше. Так в этом году она поступила с Честером. Он тоже рос беспризорником. Его родителей продали, когда ему еще года не было. Кора присматривала за ним. Коротко остриженный, с воспаленными глазами, он за последние полгода здорово вытянулся. Работа на хлопке разбудила что-то в его гибком теле. Коннелли, скупой на похвалы, сказал, что из него получится отменный сборщик.

– Чтоб быстро бежал сегодня, – сказала Кора.

Он скрестил руки на груди и посмотрел на нее искоса: дескать, разберемся. Честер, сам того не зная, потихоньку превращался в мужчину. На будущий год он уже не станет бегать взапуски, а будет с дружками подпирать стенки, замышляя какую-нибудь выходку.

Рабы, и стар, и млад, собирались по сторонам тележной дороги. Подходили женщины, потерявшие детей, чтобы вновь терзаться тем, что судьба пообещала, но отняла и не даст уже никогда. Группы мужчин угощали друг друга брагой, чувствуя, как унимается в их

душах обида. Женщины из хижины Иова редко участвовали в общих сборищах, но Нэг удалось выманить их, ловко отогнав малышню в сторону, чтобы не мозолили глаза.

Милашка, судившая гонку, стояла на финише. Дети не догадывались, но взрослые знали, что в победители она стремится протащить своих любимчиков. Там же, на финише, восседал в кленовом кресле-качалке Пройдоха. Он сидел в нем на крыльце ночи напролет, глядя на звезды, а в дни рождения вытаскивал его на улицу, чтобы быть в гуще веселья, устраиваемого в его честь. Пробежав дистанцию, участники забега подходили к Пройдохе, который наделял каждого, независимо от занятого места, куском имбирной коврижки.

Честер тяжело дышал, упираясь руками в колени. К концу дистанции он скис.

– Почти победа, – сказала ему Кора.

– Почти, – хмыкнул мальчуган и пошел за своим куском пирога.

После последнего забега Кора подошла к старику и потрепала его по руке. Интересно, он видит что-нибудь через свои бельма?

– Сколько тебе лет? – спросила она.

– Дай подумать, – пробормотал он сонно.

В прошлый свой день рождения он сказал, что ему сто один год. Даже если вполовину меньше, он все равно был самым старым негром на северной и южной частях плантации Рэндаллов. Тут уже, по большому счету, не важно, будь тебе девяносто восемь или сто восемь. Жизни удивить тебя нечем, разве что очередным воплощением жестокости.

Может, шестнадцать, может, семнадцать. Так Кора отсчитывала собственные годы. Год назад Коннелли велел ей идти замуж. За год до того ее обработали Пот с дружками. Они не стали больше насильничать, но с той поры, учитывая недобрую славу о хижине Иова и рассказы о том, что она с приветом, ни один стоящий парень в ее сторону даже не посмотрел. Шесть лет назад она осталась беспризорницей.

Пройдоха со своими днями рождения все правильно рассчитал, одобрительно подумала Кора. В одно прекрасное воскресенье он просто просыпался и говорил, что у него сегодня день рождения. Иногда такое случалось по весне, в самый разгар дождей, иногда по осени, после страды. Иногда он пропускал пару-тройку лет по

забывчивости или по каким-то личным обидам, когда ему казалось, что негры на плантации праздника не заслуживают. С его капризами все мирились. В глазах остальных он был самый старый цветной из всех, кого они когда-нибудь встречали, испытавший на себе все мыслимые и немыслимые пытки, которые только могли прийти в голову белым. У него были бельма на обоих глазах, одна нога короче другой, искалеченная рука, сведенные пальцы которой навеки сомкнулись вокруг невидимого черенка лопаты, но он был жив.

Белые оставили его в покое. Старый Рэндалл смотрел на его дни рождения сквозь пальцы, и его сын Джеймс, вступивший в права наследства, делал то же самое. Коннелли, надсмотрщик, старался не лезть в бутылку, когда по воскресеньям выяснялось, кого именно из девушек с плантации Пройдоха в этом месяце выбрал себе в жены. По поводу всего этого белые как воды в рот набрали: либо не хотели связываться, либо решили, что свобода в малых дозах – лучшая из пыток, поскольку превращает полную свободу в недостижимую мечту.

Рано или поздно праздник придется на истинный день рождения Пройдохи. Если он до этого доживет. Нет, правда, начни Кора год за годом выбирать себе новый день рождения, то, глядишь, когда-нибудь и попадет в точку. Например, сегодняшней день вполне мог бы оказаться днем ее рождения. На самом деле, что с того, если знаешь, когда именно появился на свет в этом мире для белых? Зачем такое помнить? Это лучше забыть.

– Кора!

Большая часть невольников с северной половины плантации отправилась на кухню угощаться, но Цезарь мешкал. Вот он, значит, какой. С момента его появления на плантации они ни разу и словом не перекинулись. Новичков быстро предупреждали о женщинах из хижины Иова, чтобы они времени зря не тратили.

– Может, поговорим?

Джеймс Рэндалл купил его и еще троих рабов у заезжего торговца года полтора назад, после эпидемии лихорадки: женщины, одна и другая, стали прачками, а Цезарь и Принс пополнили ряды полевых негров. Кора видела, как он режет по дереву, ковыряет изогнутым лезвием сосновые чурбаки. С буйными компаниями вроде не якшался, но, кажется, подкатывал к Фрэнсис, одной из горничных. Интересно,

он с ней спит? Милашка наверняка знает. Кора все как маленькая, а Милашка всегда в курсе, кто с кем и какой будет расклад.

– Тебе чего надо? – осторожно спросила она.

Он даже не взглянул по сторонам, чтобы проверить, не подслушивает ли их кто-нибудь. Подслушивать было некому, он все заранее рассчитал.

– Я на Север собираюсь, – произнес Цезарь. – Бежать хочу. Скоро. Пойдешь со мной?

Кора пыталась угадать, кто его подослал, чтобы сыграть с ней такую шутку.

– Ты собираешься на Север, а я собираюсь на ужин.

Цезарь держал ее за руку, бережно, но настойчиво. У него было поджарое сильное тело, как у всех молодых, кто работал на хлопке, но свою силу он носил играючи. Круглое лицо с широким приплюснутым носом, еще, кажется, ямочки на щеках, когда он смеется. Почему вдруг эти ямочки мелькнули у нее в голове?

– Я не хочу, чтобы ты на меня донесла, – сказал Цезарь. – Так что приходится тебе доверять. Я скоро уйду. И зову тебя с собой. На удачу.

Она его раскусила. Ты не меня обманываешь. Ты обманываешь себя, простофиля. Запах енотового мяса напомнил ей, что праздник в разгаре, и она высвободила руку.

– А я не хочу умереть от руки Коннелли, пули патрульщиков или ядовитых змей.

Склонившись над первой миской супа, она все не могла перестать кривиться по поводу Цезаревой дурости. Белые каждый день пытаются медленно угробить тебя. А иногда они пытаются угробить тебя по-быстрому. И какой смысл подставляться по доброй воле? Это как раз тот случай, когда ты вправе сказать «нет».

Милашку она нашла, но спрашивать ее о сплетнях про Цезаря и Фрэнсис не стала. Если он всерьез задумал такое, то Фрэнсис, считай, вдова.

Но с тех пор, как ее переселили в хижину Иова, ни один парень на плантации ни разу не говорил с ней так долго.

Близился поединок борцов. Зажглись факелы, и откуда ни возмись появились кукурузная водка и брага – их пустили вкруговую, чтобы поддержать энтузиазм зрителей. К этому времени мужья, жившие на

южной части плантации, подспели с воскресным визитом к своим женам. Пока отмахиваешь пешком несколько миль, фантазия успеваешь разыграться. Предстоящие супружеские ласки одних жен радовали больше, других меньше.

– Вот с таким бы я поборолась, – хихикнула Милашка, стреляя глазами в сторону Мейджора.

Мейджор, словно по команде, посмотрел на нее. Этот паренек вот-вот превратится в отменного мужика. Работящий, так что десятники на него лишней раз хлыст поднимать не станут. К Милашке в силу ее возраста относится с почтением, поэтому, глядишь, Коннелли их и сведет вместе. Мейджор и его соперник извивались на траве. Ну, давайте, лупите друг друга, раз не можете лупить кого следует. Мальчишки, протиснувшись между взрослыми, заключали друг с другом пари, хотя ставить им было нечего. Это сейчас они дергают сорняки и таскают мусор, но в один прекрасный день работа на хлопке сделает из них таких же больших и крепких парней, как те, что сейчас выкручивают друг другу руки, пытаясь уложить соперника на лопатки. Давай, задай ему жару, пусть знает, с кем дело имеет!

Когда заиграла музыка и начались танцы, все в очередной раз оценили, какой же Пройдоха молодец, ведь он как всегда точно угадал со своим днем рождения. Он всякий раз улавливал это общее напряжение, это разлитое в воздухе предчувствие беды, нависавшее над их каждодневным рабским бытом. Оно нарастало. И вот за несколько часов эта черная туча почти рассеялась. И про завтрашнее утро на хлопке можно было думать без дрожи. И про послезавтрашнее тоже. И про множество других дней, потому что души невольников наполнялись, пусть не досыта, воспоминаниями об этой теплой ночи и предвкушением грядущих дней рождения. Внутри хоровода душе было где спрятаться от царящего снаружи убожества.

Нобль поднял над головой бубен и ударил в него. Он слыл проворным сборщиком хлопка на поле и первым заводилой в деревне. Сегодня ночью пригодилось и то, и другое: ладони хлопают, локти присогнуты, бедра ходят вправо-влево.

Есть музыкальные инструменты, и есть те, кто на них играет, но порой не скрипач играет на скрипке, а скрипка начинает играть на нем, подчиняя его мелодии. Так случалось, когда на гуляньях Джордж и Уэсли брали в руки один скрипку, другой банджо. Пройдоха сидел в

своей качалке, притоптывая босыми ногами о землю. Рабы шагнули в круг и пустились в пляс.

Кора не пошла танцевать. Музыка закружит, а потом оставит тебя один на один с женщиной, а кто знает, что у него на уме? Все в движении, делай что хочешь. Он может притянуть тебя к себе, взять тебя за руки, пусть даже без дурных мыслей. На одном из дней рождения Пройдохи Уэсли сыграл им мелодию, которую выучил, когда жил на Севере, поэтому никто из них ее никогда не слышал. Кора не удержалась и, зажмурившись, пошла кружиться вместе с остальными, а когда открыла глаза, перед ней стоял Эдвард с горящим взглядом. Даже после того, как ни Эдварда, ни Пота уже на свете не было – Эдварда вздернули за попытку обмануть весовщика, подложив в мешок с хлопком камни, а Пот от крысиного укуса пошел черно-лиловыми пятнами и тоже давно в земле, – Кора содрогалась при одной мысли о том, что хоть на мгновение даст себе волю. Джордж наяривал на своей скрипке, ноты взметывались в небо, как искры ночного костра. Никто не подошел к Коре, чтобы затащить ее в общее безумное веселье.

Музыка прекратилась. Хоровод рассыпался. На миг раба может подхватить вихрь свободы. Убаюкать сладкой грезой промеж вспаханных борозд, промелькнуть в запутанных хитросплетениях предрассветного сна. Настигнуть на середине куплета в жаркую воскресную ночь. И всегда тут же – крик надсмотрщика, сигнал на работу, тень хозяина, напоминание о том, что в вечном своем рабстве человеком тебе дано быть только мгновение.

Из большого дома вышли братья Рэндаллы и теперь стояли среди невольников.

Рабы расступились, тщательно выверяя, какое расстояние подчеркнет правильное соотношение почтительности и страха.

Годфри, лакей Джеймса Рэндалла, держал в руках фонарь. Если верить старому Абрахаму, старший из братьев пошел в мать, толстую и непоколебимую, как бочка, а младший, Терренс, был весь в отца: высокий, с лицом хищного сыча, готового камнем броситься на жертву. От отца они унаследовали не только плантацию, но и портного, который раз в месяц приезжал из города в экипаже с образцами льняных и хлопковых тканей. С самого детства братьев одевали

одинаково, и, став взрослыми, они не изменили своих привычек. Над чистотой их белоснежных панталон и рубашек бились черные руки местных прачек. В оранжевом отсвете костра их выступившие из темноты белые фигуры казались призраками с того света.

– Масса Джеймс, – пробормотал Пройдоха. Его здоровая рука сжала подлокотник кресла, но сам он не пошевелился. – Масса Терренс.

– Не обращайтесь на нас внимания, – отозвался Терренс. – Мы с братом говорили о делах, а потом услышали музыку. И я у него еще спросил, что это за дикий грохот.

Рэндаллы потягивали вино из хрустальных бокалов и, судя по всему, уже опорожнили не одну бутылку. Кора поискала глазами Цезаря в толпе и не нашла. В прошлый раз, когда оба брата вместе приходили на северную половину плантации, его тоже не было. А это уроки, которые надо хорошо выучивать. Когда Рэндаллы вдруг появляются в деревне, жди беды. Не сейчас, так после. В твою жизнь вторгается неведомая сила, которую ты не можешь предсказать.

Джеймс вообще был в деревне редким гостем. Все насущные дела он препоручил своему клевету Коннелли. Если с визитом случался какой почтенный сосед или любопытствующий плантатор из далеких краев, он соглашался лично показать ему поместье, но такое случалось не часто. С неграми он не разговаривал, а те, вымуштрованные плетями, продолжали работать в его присутствии, не поднимая глаз. Когда во владениях старшего брата появлялся Терренс, он сразу же принимался оценивать его рабов, подчеркивая, какие мужчины сильнее, а женщины привлекательнее. Если на половине брата он довольствовался лишь похотливыми взглядами, то на своей части плантации давал себе полную волю.

– Я люблю пробовать свои черносливинки, – говаривал он, выискивая в хижинах новенькую себе по вкусу.

Чужих уз и привязанностей он не щадил, заявляясь к новобрачным в их первую ночь, чтобы наглядно продемонстрировать мужу, как именно следует выполнять супружеский долг. Свои черносливинки он пробовал, кожицу надкусывал и навсегда оставлял отметину.

Все знали, что Джеймс не по этой части. В отличие от отца и младшего брата он предпочитал утеху за пределами плантации. Время от времени на ужин приглашались дамы из округа, и тогда Элис из

кожи вон лезла, стряпая самые изысканные, самые соблазнительные яства. Старая миссис Рэндалл уже много лет как умерла, и Элис верила, что появление на плантации женщины сможет облагородить нравы. Джеймс месяцами принимал у себя этих бледных особ, одну за другой. Их белые ландо подпрыгивали на грунтовой дороге, ведущей к большому дому. Кухарки и горничные хихикали и перешептывались. Потом очередная пассия исчезала, и на ее место заступала новая.

По словам камердинера Прайдфула, плотские утехы Джеймс вкушал исключительно в специальных номерах одного новоорлеанского заведения. Мадам придерживалась широких взглядов, на жизнь смотрела современно и была сведуща в прихотливых модуляциях похоти. Прайдфул рассказывал такое, что уму непостижимо, и хотя, как он уверял, все сведения были получены напрямую от тамошней прислуги, с которой за долгие годы он успел коротко сойтись, но кто же поверит, чтобы белый человек соглашался добровольно подвергать себя порке?!

Терренс ковырял землю концом трости. Это была отцовская трость с серебряным набалдашником в виде волчьей головы. Спины многих присутствующих помнили ее удары.

– Джеймс мне как-то рассказывал о негре, который наизусть декламирует Декларацию независимости, – проронил он. – Мне до сих пор не верится, и вот сегодня, раз уж, судя по шуму и грохоту, вы все тут собрались, мне бы хотелось на него взглянуть. Покажешь, Джеймс?

– Сейчас устроим, – отозвался Терренс-старший. – Где этот парень, как его, Майкл?

Никто не произнес ни слова. Годфри отчаянно размахивал во все стороны фонарем. Из всех десятников Мозеса угораздило встать к Рэндаллам ближе всех, поэтому, откашлявшись, он осторожно ответил:

– Помер Майкл, масса Джеймс.

Одного из негрят он успел послать за Коннелли, рискуя нарушить его воскресное греховодничество с очередной наложницей, но, взглянув на выражение лица Джеймса Рэндалла, понял, что с ответом лучше не мешкать.

Майкл, о котором шла речь, действительно обладал способностью затверживать наизусть длинные отрывки текста. Коннелли со слов работорговца, уступившего им Майкла, рассказывал, что его прежний

владелец, находясь под глубоким впечатлением от говорящих попугаев-амазонов, рассудил, что коли птицу можно обучить разухабистым стишкам, то уж невольника и подавно, ведь мозг ниггера даже на взгляд больше птичьего.

Майкл был сыном его кучера и обладал той животной смышленостью, какой порой отличаются свиньи. Хозяин и подвернувшийся ему под руку ученик начали с простеньких виршей и коротких отрывков из сочинений английских рифмоплетов. Они спотыкались о слова, которых черномазый не понимал вовсе, да и хозяин, по совести, понимал с грехом пополам. Этот отпетый мошенник, которому в приличном обществе было не раз указано на дверь, напоследок возжелал отмщения и к этому-то отмщению твердо решил направить свой парус. Они сотворили невозможное – сын кучера и владелец табачной фермы. Декларация независимости США стала их лебединой песней. «Набор бесчисленных несправедливостей и насилий».

Талант Майкла так навсегда и остался салонной забавой, его выводили на потеху гостям, когда разговор дежурно касался ущербности и убогости черномазых. Потом хозяину все наскучило, и он продал Майкла на Юг. К тому времени, как парень оказался на плантации Джеймса Рэндалла, из-за наказаний, а может, и пыток, он поехал умом. Работник он был так себе, все жаловался на шум и порчу, которую навели, чтобы лишить его памяти. Коннелли под горячую руку выбил у него из башки те немногие мозги, что там водились. Порка была такой, что после нее не встанешь, и она свое дело сделала.

– Почему мне не сообщили? – спросил Джеймс с плохо скрываемым раздражением.

Декламацию Майкла уже дважды демонстрировали гостям, это было хоть какое-то развлечение.

– Тебе, Джеймс, надо получше следить за своим хозяйством, – язвительно бросил Терренс, никогда не упускавший случая уколоть брата.

– Не твое дело, – огрызнулся старший.

– Мне рассказывали, что ты позволяешь своим рабам устраивать гулянья, но тут просто настоящий кутеж. Уж не хочешь ли ты на этом фоне выставить меня злодеем?

– Брось, Терренс, только не говори мне, что тебе важно, что о тебе думают ниггеры.

Джеймс повернулся в сторону дома. Его стакан был пуст.

– Нет, погоди, меня от их песен разобрало. Пусть еще споют.

Джордж и Уэсли испуганно жались в сторонке, ни Нобля, ни его бубна видно не было. Джордж сжал губы в нитку и жестом приказал музыкантам начинать.

Трость Терренса отбивала такт. Оглянувшись на толпу невольников, он разочарованно протянул:

– Вы что, не желаете танцевать? Нет уж, извольте, ты и ты, живо!

Не дожидаясь сигнала от хозяина, толпившиеся в проулке рабы с северной половины плантации вразнобой пошли плясать, отчаянно пытаясь вызвать к жизни прежний ритм, чтобы устроить для хозяев представление. Кривобокая Ава, у которой способности притворяться не ubyло с той поры, как она ела поедом Кору, сейчас гикала и притоптывала ногами так, словно на дворе был разгар рождественского веселья. Представление на потеху хозяевам было привычным делом, напускной личиной со своими тонкостями и преимуществами, поэтому, отринув страхи, невольники очертя голову пустились в пляс. Какие коленца они выкидывали, какие прыжки, как перекликались, как вопили! Мир не слыхал песни зажигательнее; ни один цветной музыкант не смог бы превзойти их. Кору тоже затащило в круг. Она, как и остальные, не сводила с Рэндаллов глаз. Пройдоха лупил себя по коленям, отбивая ритм. Кора нашла в толпе лицо Цезаря, стоявшего в тени кухни. Оно было непроницаемым. Потом он ступешался.

– Ах ты, гаденыш!

Это был голос Терренса.

Он стоял, вытянув перед собой руку, словно замаранную чем-то, одному ему видимым Кора разглядела, что это было: на манжете его тонкой белой рубашки алело крохотное винное пятнышко. Расплясавшийся Честер толкнул хозяина.

С причитаниями мальчик упал Терренсу в ноги:

– А-а-а, простите, масса, простите!

Трость с размаху опускалась на его голову и плечи, снова и снова, снова и снова. Под градом ударов негритенок с визгом вжался в землю.

Рука Терренса поднималась и падала. Джеймс утомленно смотрел в сторону.

Из-за одной брызнувшей на рубашку капли вина. Кора чувствовала, как что-то поднимается снизу. Долгие годы с того дня, как она тесаком порубила собачью будку в щепы, с ней не случалось подобного. Она видела висевшие на ветвях деревьев тела, которые расклевывали грифы и вороны. Видела женщин, с которых спускали шкуру ударами плетки-девятихвостки, так что обнажались кости и мясо. Видела трупы, жарившиеся на кострах, видела тех, кого жарили заживо. Видела ступни ног, отрубленные за побег, и кисти рук, отсеченные за воровство. Видела, как бьют мальчишек и девчонок младше Честера, и ничего не делала. Но в эту ночь ее сердце снова захлестнуло, и прежде чем рабыня в ней сумела возобладать над человеком, она, не помня себя, бросилась к мальчику и встала между ним и тростью. Кора стиснула трость в руке, как обитатель болот сжимает пальцами змею, и не сводила глаз с набалдашника. Серебряный волк скалил свои серебряные зубы. Потом трость вырвалась у нее из рук. Потом она опустила ее на голову. Потом еще один удар, на этот раз серебряные зубы впились ей в глазницу. Земля вокруг была залита кровью.

В том году в хижине Иова жили семь женщин. Самую старшую из них, Мэри, отправили сюда, потому что с ней случалась падучая. Она каталась по земле с выпученными глазами и пеной изо рта. Много лет подряд она враждовала с другой сборщицей хлопка, Бертой, и та, в конце концов, навела на нее порчу. Старый Абрахам, правда, утверждал, что падучая у Мэри с рождения, но кто ж его будет слушать. Даже если это так, те, детские припадки с нынешними рядом не стояли. Очнувшись, она ничего не соображала, чувствуя только вялость и апатию, поэтому работать не могла, что влекло за собой наказание, после которого она вновь не могла работать. Человека, впавшего у десятника в немилость, мог обидеть любой, поэтому, опасаясь издевательств со стороны соседей, Мэри со своим скарбом сама перебралась в хижину Иова. Тащила по проулку, нога за ногу, никто ее не остановил.

В коровнике с ней вместе работали Маргарет и Рида. Этих двоих до появления на плантации Рэндаллов так искорежили пережитые мучения, что прижиться на новом месте они не смогли, так и остались торчать занозами. У Маргарет в самые неподобающие моменты из глотки вырывались чудовищные звуки: звериные вопли, отчаянный вой или грубая брань. Когда хозяин обходил свои владения, она обеими руками зажимала рот, боясь, что он заметит ее хворобу. Риду ни кнутом, ни пряником нельзя было заставить мыться. От нее воняло.

Люси и Титания не разговаривали: первая не желала, а вторая не могла, потому что прежний владелец отрезал ей язык. Обе работали на кухне под началом Элис, которой слушать собственный голос нравилось больше, чем терпеть рядом чужую трескотню.

Еще две той весной порешили себя – многовато, конечно, но, в общем-то, ничего примечательного. Их все равно никто ни в грош не ставил, так что к началу зимы все уже благополучно забыли, как их звали.

И последние – Нэг с Корой, уделом которых был хлопок, от сбора до фасовки.

К концу рабочего дня Кору не держали ноги, и Нэг, подхватив ее, потащила девушку в хижину Иова. Десятник видел, как они почти ползут с поля домой, но не сказал ни слова. Корино очевидное для всех безумие служило индульгенцией от каждодневных нагоняев. Проходя мимо Цезаря, который что-то выстругивал ножом из дерева под

навесом, где толкались молодые невольники, Кора привычно отвела взгляд. Лицо ее было каменным, как всегда при встрече с ним после их разговора о побеге.

Со дня рождения Пройдохи миновало две недели, но Кора до сих пор не оправилась. От ударов по лицу один глаз заплыл и не открывался, а на виске зияла глубокая рана. Теперь опухоль спала, но на том месте, где приложился пастью серебряный волк, остался страшный крестообразный шрам. Памятка о ночном гулянье. Но куда больнее была порка, которую задал ей Коннелли под привычными ко всему сучьями пыточного дерева.

Коннелли был одним из белых, нанятых для работы еще стариком Рэндаллом. Вступив в права наследства, Джеймс оставил его надсмотрщиком на своей части плантации. Когда Кора была маленькой, ирландские рыжие кудри Коннелли полыхали из-под полей соломенной шляпы, словно крылья красного кардинала. Сперва он прятался от солнца под широким черным зонтом, но в конце концов бросил, так что теперь белизна рубахи резко контрастировала с дочерна загоревшей кожей. Волосы с годами поседели, брюхо стало нависать над ремнем, но в остальном это был тот же человек, который порол плетью ее бабуку и мать. По деревне он вышагивал, скособочившись, словно старый вол, и ничто на свете не могло заставить его прибавить шагу. Движения Коннелли обретали скорость только в тех случаях, когда подворачивался случай пустить в ход девятихвостку. Тут его охватывала буйная энергия ребенка, упивающегося новой забавой.

История, которая вылезла наружу во время неожиданного появления Рэндаллов в деревне, старого надсмотрщика не порадовала. Во-первых, его оторвали от плотских утех с Глорией, его нынешней бабой. Гонцу он всыпал, но из койки вылез.

Во-вторых, вся эта история с Майклом. О его гибели Коннелли хозяину не докладывал, поскольку Джеймса Рэндалла текучка рабочей силы на плантации никогда не интересовала, но Терренс своими расспросами заострил на этом внимание.

А тут еще Честер со своей неуклюжестью и Корино непостижимое заступничество. На рассвете следующего дня Коннелли исполосовал обоих. Первым, согласно хронологии проступков, свое получил Честер, а Кора за ним, да так, что окровавленные спины пришлось

омывать настоем лягушачьей травы, чтобы унять кровь. Для Честера это была первая порка в жизни, для Кору – первая за последние полгода. Спустя сутки Коннелли экзекуцию повторил, а потом всыпал им еще раз, для острастки. По рассказам домашних слуг, масса Джеймс сильнее всего взбеленился не из-за поведения Честера и Кору, а из-за посягательства Терренса на его собственность, да еще в присутствии многочисленных свидетелей. Это была квинтэссенция ярости старшего брата по отношению к младшему на почве собственнических интересов. Честер больше с Корой даже словом не обмолвился.

Нэг помогла девушке подняться на крыльцо. Едва они переступили порог хижины Иова, где никто из невольников уже не мог их видеть, у Кору подкосились ноги.

– Давай я принесу тебе поужинать, – сказала Нэг.

Она, подобно Коре, оказалась в хижине Иова из-за интриг. Много лет Нэг слыла фавориткой Коннелли и чуть не каждую ночь проводила в его постели. Еще до того, как надсмотрщик удостоил ее жалких своих милостей, эта крутобедрая сероглазая девка задирала нос так, будто и не цветная вовсе, но тут стала положительно несносной. Только и знала, что прихорашиваться целыми днями да злорадствовать над чужой горькой долей, которая на плантации только ее и обходила стороной. Мать ее со многими белыми господами жила невенчанной женой и дочь свою распутству обучила на славу. Даже когда Коннелли сплавил детей, которых Нэг от него нарожала, она лишь заискивающе склонилась перед его волей. Северная и южная части огромной плантации Рэндаллов все время сбывали друг другу искалеченных в порках негров, паршивых работников и всякое жулье, словно в некой игре без правил сбрасывали слабые карты. Потомство Нэг и Коннелли получилось очень приметным. Коннелли зверел, завидев, что в кудряшках его ублюдков-полукровок на солнце вспыхивает ирландская рыжина.

Однажды утром он без обиняков дал понять Нэг, что ей в его постели больше не место. Этого дня только и дожидались ее недруги. И все, кроме нее, чувствовали его приближение. Вернувшись с хлопкового поля, она обнаружила, что ее скарб уже швырнули в хижину Иова, ознаменовав тем самым ее падение в глазах деревни. Ее

позора они алкали больше, чем пищи. Хижина парий закалила Нэг. Так уж получалось, что тут проступало нутро каждого обитателя.

С матерью Кору Нэг дружбы никогда не водила, что не помешало ей привязаться к девочке, оставшейся беспризорницей. Ночью после праздника и все последовавшие за ним дни экзекуций они с Мэри выхаживали Кору, врачую то, что осталось от кожи, рассолом и припарками и заставляя девушку есть. Они гладили ее по разбитой голове и пели над ней колыбельные, словно баюкая через нее детей, которых лишились. Милашка приходила проведать подругу, но дурная слава хижины Иова была ей введена, поэтому в присутствии Нэг, Мэри и остальных женщин она дергалась и долго сидеть с Корой не могла, нервы сдавали.

Кора лежала на полу и стонала. После побоев прошло две недели, и все это время ее терзали приступы головокружения и пульсирующая боль в голове. По большей части ей удавалось, преодолевая это, работать в поле, но порой она могла только, боясь шелохнуться, стоять и ждать, пока не сядет солнце. Каждый час, когда водоноска шла вдоль поля с ковшом, она вылизывала его чуть не досуха, чувствуя на зубах металлический привкус. Сейчас силы ей совсем изменили.

Мэри подошла к ней с влажной тряпкой.

– Снова мутит? – спросила она, кладя тряпку на лоб Кору.

В ней сохранились неистраченные запасы материнской любви к пятерым ее детям, трое из которых умерли во младенчестве, а выживших продали, едва они подросли и научились таскать воду да полоть траву на дорожках, ведущих к хозяйскому дому. Мэри и оба ее мужа были из народа ашанти, а на такой товар желающих было хоть отбавляй. Кора пошевелила губами в знак безмолвной благодарности. Стены хижины готовы были обрушиться на нее. На чердаке чем-то громыхла одна из женщин – судя по воню, Рида. Нэг растирала Коре ладони:

– Я уж и не знаю, что хуже: если ты совсем сляжешь и перестанешь мозолить им глаза или если ты выкарабкаешься и попадешься на глаза masse Терренсу, когда он сюда придет.

От неизбежности появления Рэндалла-младшего Кора совсем сникла. Джеймс Рэндалл занемог и слег после поездки в Новый Орлеан, куда прибыл для переговоров с группой торговых агентов из Ливерпуля и посещения обители порока. На подъезде к дому с ним

прямо в экипаже случился обморок, и с тех пор на плантации его не видели. Домашние негры распускали слухи, что пока старший брат не поправится, плантацией будет заправлять Терренс. Утром ему предстояло обойти северную часть, чтобы привести ее в гармонию с подвластной ему южной частью. Никто не сомневался, что гармония эта будет замешана на крови.

Руки подруг Кора куда-то ускользнули, стены хижины разжали свою хватку, и она лишилась чувств. Очнувшись она в непроглядной темноте. Кто-то положил ей под голову скатанное байковое одеяло. Вся хижина спала. Кора дотронулась до шрама на виске. Из него сочилась сукровица. Она понимала, почему бросилась на защиту Честера. Но тщетно пыталась вызвать в памяти остроту того мгновения, хотя бы малую толику обаявшего ее тогда чувства. Оно пряталось в том самом дальнем уголке ее души, откуда вдруг выплеснулось, и выманить его оттуда не было никакой возможности. Чтобы хоть как-то сладить со с недавним ее беспокойством, Кора доползла до своей грядки, села на кленовый чурбачок, потянула носом воздух и прислушалась. На болоте кто-то охотился, темнота оживала всплесками и присвистами. Каково это – выйти туда и вперед, через ночь, на Север, к свободным штатам. На такое решиться можно, только окончательно попрощавшись с головой.

Как ее мать.

До своего побега Мэйбл – точное отражение Аджарри, которая, как попала на земли Рэндаллов, так всю жизнь с них ни ногой, – пределов плантации не покидала ни разу. Своих намерений она никак не проявляла; по крайней мере, ни один из допрашиваемых впоследствии не сознался, что знал о них, а в деревне, кишущей мелкими душонками и доносчиками, где за то, чтобы избежать порки девятихвосткой, каждый мать родную готов продать, это было делом неслыханным.

Накануне Кора заснула у матери под боком, и больше никогда ее не видела. Старый Рэндалл забил тревогу и вызвал патрульщиков. Не прошло и часа, как охотничий отряд рассеялся по болотам, еле поспевая за сворой Нейта Кетчума. У Кетчума ловля беглых негров была в крови, в его семье этим профессионально занимались из поколения в поколение. Специально выведенные и натренированные гончие брали след черномазого и шли по нему, не теряя, через

несколько округов; а скольких заблудших они загрызли или покалечили! Когда эти твари рвались с поводка, делая стойку, от их лая каждому жителю деревни хотелось затаиться у себя в хижине. Но впереди лежал день на уборке хлопка, и рабам приходилось согбенно делать, что прикажут, несмотря на поднятый собаками шум и вой да на предчувствие кровавой расправы.

Объявления о розыске беглянки были расклеены в радиусе нескольких сотен миль. Свободные негры, зарабатывавшие себе на жизнь поимкой беглых, прочесывали окрестные леса и пытались выведать что-нибудь у потенциальных соучастников. Патрульщики и шайки белого отребья извели и запугали всю округу. Невольничьи деревни на соседних плантациях они перевернули вверх дном, а рабов для острастки подвергли поркам. Но ни гончим, ни загонщикам напасть на след Мэйбл не удалось.

Старик Рэндалл нанял колдунью и потребовал наложить заклятие на его земли, чтобы навести на всякого беглого, в жилах которого течет африканская кровь, страшную порчу. Ведьма позарывала в потайных местах разных фетишей, забрала причитавшееся ей вознаграждение, села в запряженную мулом повозку и была такова. После ее отъезда на плантации не утихали горячие споры о природе заклятия: на кого оно распространялось? Только на тех, кто намеревался сбежать, или на любого цветного, заступившего за магическую черту? Неделю ни один человек на болота и носа не показывал, но потом рабы опять повадились там ковыряться и охотиться, ведь без приварка туго.

Про Мэйбл не было ни слуху ни духу. На плантации Рэндаллов такое случилось впервые. Беглым ни разу не удавалось вырваться на волю: их предавали друзья, подводили звезды, уводя назад, в тенета рабства. После возвращения на плантацию их подвергали изуверским надругательствам и только потом позволяли умереть на глазах у остальных, с суеверным ужасом наблюдавших за постыдной кончиной собратьев.

Прошла неделя, и на плантацию прибыл сам Риджуэй, не к ночи будь помянутый охотник на беглых, а с ним вместе пятеро его подручных, по виду – отъявленные головорезы. Возглавлял кавалькаду зловещий индеец-разведчик, на шее которого болталось ожерелье из сморщенных человеческих ушей.

Риджуэй был шести с половиной футов ростом, с квадратным лицом и толстой, как рукоять кувалды, шеей. Ни при каких обстоятельствах он не выходил из себя, но вокруг него возникала атмосфера гнетущей угрозы, подобная грозовому фронту, который, вроде где-то далеко, но вдруг обрушивается на твою голову с неистовой силой.

Переговоры с Риджуэем длились около получаса. Он сделал какие-то пометки в маленькой книжице; на домашних слуг произвел впечатление человека крайне сосредоточенного и велеречивого. В следующий раз он появился на плантации только через два года, перед самой смертью старика Рэндалла, чтобы лично принести ему извинения за провал. На этот раз индейца с ним не было, его место занял молодой наездник с длинными черными волосами, у которого поверх кожаного жилета красовался все тот же жуткий трофей, низка ушей. Риджуэй оказался в этих краях по делам; он привез соседнему плантатору доказательства поимки двух беглых негров — две отрезанные головы в кожаном мешке. Хозяева порой предпочитали не возвращать пропавших невольников, а преподать урок оставшимся, поскольку за нарушение границы штата Джорджия беглого раба так и так ожидала смертная казнь.

Риджуэй подтвердил, что и до него дошли слухи о пущенной на юге Джорджии новой ветке подземной железной дороги, хотя поверить этому было решительно невозможно. Старик Рэндалл разразился ядовитыми комментариями. Риджуэй заверил его, что всех сочувствующих предадут общественному поруганию и изведут на корню. Вымажут дегтем, вываляют в перьях, в общем, сделают все, чего требуют местные нравы. Он еще раз извинился, откланялся, и его шайка вихрем помчалась на другой конец округа, где их ждал следующий заказ. От заказчиков у них отбою не было, ибо поток беглых, таящихся по щелям да закоулкам, которых надлежало вернуть законным владельцам, не оскудевал.

Перед решительным шагом Мэйбл тщательно собирала вещи. Мачете. Кресало и трут. Пара башмаков, позаимствованных у соседки по хижине, потому что они были покрепче, чем ее собственные. Неделю за неделей опустошенная грядка красноречиво свидетельствовала о необъяснимом исчезновении хозяйки. Накануне побега она выкопала оттуда все подчистую, не оставив ни головки

брюквы, ни клубенька ямса – довольно обременительная и неподходящая ноша для путешественницы, которой главное – унести ноги, да поскорее.

Оставшиеся в земле углубления и комья глины вокруг напоминали всякому проходящему мимо о том, что случилось. Но однажды утром грядка была аккуратно перекопана. Ползавшая рядом на коленях Кора засадила ее по новой. Она вступила в права наследства.

Теперь, при неверном свете луны, с раскалывающейся головой, Кора оценивающе осматривала свой крохотный огород. Сорняки, жуки-долгоносики, нечеткие отпечатки чьих-то лап. С того злополучного праздника она ни разу не была здесь. Пора было вновь приниматься за дело.

Визит Терренса на следующий день прошел спокойно, если не считать одного эпизода. Коннелли показывал ему владения старшего брата так, словно младший несколько лет их толком не видел. Вел он себя на удивление мирно, воздерживаясь от привычных сардонических замечаний.

Они обсудили цифры по прошлогоднему урожаю, посмотрели в конторских книгах записи по весовой за прошлый сентябрь. Терренс побранил надсмотрщика за его каракули, но, если не считать этой вспышки, все прошло тихо-мирно.

Ни рабов, ни хижины осматривать не стали.

Верхом Терренс Рэндалл и Коннелли объехали хлопковые поля, сравнивая урожай на южной и северной частях плантации. При их приближении рабы удваивали рвение, и волна бешеного усердия перекатывалась от ряда к ряду.

Неделю за неделей невольники мотыжили землю, выдирая тяпками сорняки. Кусты хлопчатника уже вымахали Коре по плечо, побеги трепетали и гнулись под тяжестью листвы и коробочек, которые день ото дня становились все крупнее. Не пройдет и месяца, как каждая из них взорвется комом снежно-белой ваты. Когда белые проезжали мимо, Кора молила Бога сделать кусты повыше, чтобы ей было куда прятаться. Их удаляющиеся спины уже маячили где-то впереди, как вдруг Терренс обернулся. Он кивнул, указал на нее тростью и поехал дальше.

Джеймса Господь прибрал через два дня. Врач сказал, почки. Старожилы поместья невольно сравнивали кончину старшего сына с кончиной отца. У местных плантаторов старик Рэндалл всегда пользовался уважением. Сейчас, конечно, в центре внимания оказались лихие покорители Запада, но что до здешних мест, то их истинными пионерами были Рэндалл и иже с ним. Именно благодаря их усилиям много лет назад во влажном аду Джорджии выпестовалась новая жизнь. За то, что Рэндалл первым переключился с индиго на хлопок, плантаторы почитали его провидцем, приведшим их к прибылям. Немало изнемогавших от бремени кредитов неопитов обращались к нему за советами, которыми он щедро и охотно делился, и со временем, следуя им, достигали завидного изобилия.

Чтобы рабы могли проводить старого хозяина в последний путь, их сняли с работы. Сгрудившись в стороне, они смотрели, как благородные белые господа и дамы отдают последний долг покойному. Гроб несли на плечах домашние слуги, и сначала это всех скандализировало, но по зрелом размышлении было воспринято как проявление искренней привязанности, возникающей между рабовладельцем и его рабами, взять хоть сиськи чернокожей няньки, которые каждый сосал во младенчестве, или ловкие руки слуг, снующие в мыльной пене во время купания. Под конец панихиды пошел дождь. Церемонию пришлось прервать, но каждый из присутствующих вздохнул с облегчением. Засуха стояла слишком долго. Хлопок следовало хорошенько напоить.

К моменту смерти Джорджа Рэндалла оба брата практически не поддерживали отношений ни с теми, кто приходился их отцу ровней, ни с его протеже. Судя по документам, у Джеймса было немало деловых партнеров, со многими из которых он общался лично, но друзей он не завел. К слову, старший брат Терренса Рэндалла обыкновенной человеческой сентиментальности был лишен напрочь.

На его похороны почти никто не приехал. Рабы трудились на хлопке – урожай на носу, так что какой с них спрос. Терренс говорил, что все прошло согласно последней воле брата. Джеймса погребли в тихом уголке обширного поместья рядом с родителями, а также Платоном и Демосфеном, двумя принадлежавшими старику Рэндаллу мастифами, в которых что покойный хозяин, что черномазые души не чаяли, хоть псы не прочь были поохотиться на кур.

Терренс отправился в Новый Орлеан, чтобы разобраться с делами покойного брата касательно продажи хлопка. Вряд ли хоть про одного беглеца можно сказать, что он бежал потому, что пришла пора, но установление власти Терренса на обеих частях плантации стало мощным аргументом в пользу того, что бежать и вправду пора. Обитатели северной части плантации всегда дорожили тамошним более мягким климатом. Покойный Джеймс Рэндалл отличался жестокостью и грубостью, свойственной каждому белому, но по сравнению с братцем слыл сущим образцом ровного нрава. От историй про то, что творилось на южной части плантации, даже если не вдаваться в частности, а судить по количеству, кровь стыла в жилах.

Большой Энтони решил, что, раз пришла пора, надо действовать. В деревне, конечно, были парни и посметливее, но он своего никогда не упустил. Со времен Блейка это был первый побег с плантации. На заклятье, наложенное колдуньей, Энтони бесстрашно наплевал. Констебли схватили его, спящего, в сенном сарае за двадцать с лишним миль от поместья Рэндаллов. Вернули беглого владельцу в железной клетке, сработанной кем-то из местных умельцев. Дескать, решил на свободе крылышки расправить, – не выйдет, пожалте под замок. На дверце клетки была специальная рамка для картонки с именем обитателя, но про нее никто не вспомнил. Уезжая с плантации, констебли увезли клетку с собой.

Накануне истязания Большого Энтони – всякий раз, если белый хозяин откладывал наказание, он желал превратить его в представление – Цезарь пришел в хижину Иова. Мэри, хоть и оторопела, но впустила его. Гости к ним не почти заживали, а из мужчин приходили только бедоносцы-десятники. Кора никому из товарок не рассказала о его предложении.

В хижине было полно женщин, они либо спали, либо подслушивали, так что не поговорить, поэтому Кора положила то, чем занималась, на пол и вышла с Цезарем на улицу.

Здание школы старик Рэндалл построил для своих сыновей и будущих внуков, до которых надеялся дожить, но вряд ли в обозримом будущем то, что от него осталось, могло быть использовано по назначению. С того момента, как братья Рэндаллы завершили свое образование, развалюха служила исключительно местом свиданий и

занятий особого толка. Милашка увидела, как Кора и Цезарь направляются туда, но Кора, заметив оживление подруги, отрицательно помотала головой.

Внутри воняло. Гниющее здание давно стало местом постоянного обитания всякой живности. Столы и стулья из него вынесли, освободив место для засохших листьев и паутины. Интересно, водил он сюда свою Фрэнсис, когда приударял за ней, и чем они тут занимались? Перед поркой Кору раздевали донага, и Цезарь видел выступавшую у нее на коже кровь.

Проверив, нет ли кого под окнами, Цезарь сказал:

– Зря они так с тобой.

– Тебя не спросили.

Две недели назад она держала его за дурачка. Сегодня он показался ей много взрослее своих лет, словно один из умудренных деревенских старцев, истинный смысл слов которых доходит до тебя через несколько дней, а то и недель, когда ты сталкиваешься с неотвратимой правдой.

– Да лучше бы давно ушли. Ну как, пойдешь со мной?

Раскусить его она так и не смогла. Все три раза, когда ее пороли по утрам, он стоял в первых рядах зрителей. Невольники обязаны были смотреть, как истязают их собратьев, чтоб другим неповадно было, но в какой-то момент каждый украдкой отводил глаза, хоть на мгновение, либо потому, что от чужой боли становилось тошно, либо потому, что понимал, что рано или поздно плеть погуляет и по его спине. Вроде напрямую тебя не касается, а вдруг получается, что касается. Но Цезарь стоял, не шелохнувшись. Он не встречался с Корой глазами, а рассматривал что-то за ней, что-то очень важное и трудно различимое.

– Ты, поди, надеешься, что я принесу тебе удачу, потому что Мэйбл удалось уйти, да? Зря надеешься. Я не заговоренная. Сам видел, что ждет любого смутьяна.

Цезарь стоял на своем.

– Когда он вернется, дело будет дрянь.

– Почему ж «будет»? Дело и сейчас дрянь. И всегда было.

Она повернулась и пошла прочь. Задержка в наказании Большого Энтони объяснялась тем, что Терренс потребовал новые колодки. Плотники и столяры работали ночь напролет, чтобы к утру возвести пыточные орудия, украшенные претенциозными и грубо

намалеванными изображениями минотавров, грудастых русалок и прочих мифологических существ, резвящихся на природе. Колодки установили на разбитой перед домом лужайке, поросшей сочной травой. Двое подручных Коннелли подвесили Большого Энтони за руки, и он болтался так первые сутки.

На второй день на плантацию прибыла группа гостей в экипажах. Весь высший свет Атланты и Саванны, сливки общества, люди, с которыми Терренс познакомился в своих поездках, и еще журналист из Лондона, приехавший корреспондентом в Америку. Обедали гости за накрытым на лужайке перед домом столом. Они смаковали приготовленный Элис черепаховый суп и ягненка и на все лады превозносили кухарку, до которой их похвалы все равно не дошли. В течение всего обеда Большого Энтони у них на глазах пороли кнутом. Обед длился долго, спешить было некуда. В промежутках между глотками журналист делал какие-то пометки в блокноте. Когда подали десерт, вся честная компания перешла в дом, чтобы не кормить москитов, а Большого Энтони все продолжали истязать.

На третий день сразу после обеда невольников пригнали с поля, всей кухне, посудомойкам, конюхам и домашним слугам велено было бросить дела и собраться на лужайке. Пока гости Терренса Рэндалла потягивали ромовый пунш, Большого Энтони облили маслом и стали жарить заживо. Его вопли присутствующим настроения не отравляли, потому что в первый же день ему отрезали мужское достоинство, запихнули его в рот, а губы зашили. Колодки дымились, обугливались, потом загорелись, и намалеванные фигуры, извивающиеся в языках пламени, казались живыми.

Терренс обратился с речью к рабам с северной и южной частей плантации. Плантация теперь единая, методы и цели на ней тоже единые. Он выразил свою печаль в связи с кончиной брата и сказал, что находит утешение в том, что Джеймс теперь в раю, вместе с отцом и матерью. Говоря все это, он прохаживался между рабами, постукивая тростью, ероша волосы негрityтам, тиская своих зазноб с южной половины. У какого-то еще не знакомого ему молодого парня он решил сразу проверить зубы; желая лучше их рассмотреть и кивая в знак одобрения головой, едва не свернул бедняге челюсть.

Чтобы удовлетворить все возрастающий мировой спрос на хлопок, продолжал он, дневная норма у каждого сборщика будет увеличена в

процентном отношении в соответствии с его показателями в прошлом году. Поля подвергнутся перепланировке, чтобы вместить максимальное количество рядов хлопчатника. Прохаживаясь, он наотмашь хлестнул по лицу человека, который плакал, глядя на бьющегося в колодках товарища.

Подойдя к Коре, Терренс запустил руку в вырез ее платья и нащупал грудь – одну, другую, – потом стиснул ее. Кора не шелохнулась. С того момента, как Терренс начал свою речь, не шелохнулся ни один невольник, даже для того, чтобы зажать себе нос, в который бил запах паленого человеческого мяса.

Больше никаких гуляний, ни на Рождество, ни на Пасху, заявил он.

Все замужества-женитьбы теперь будут только с его ведома и одобрения, он будет лично оценивать правильность выбора и перспективность потомства. Новый налог на отхожий промысел по воскресеньям. Кивнув Коре, он продолжал обходить своих чернокожих, излагая грядущие реформы.

Речь Терренса подошла к концу. Было понятно, что невольники будут стоять как стояли, пока Коннелли не прикажет им разойтись. Леди из Саванны наполнили свои бокалы новой порцией пунша из кувшина. Журналист достал новый блокнот и продолжал строчить. Масса Терренс присоединился к гостям и пригласил всех посмотреть, как растет хлопок.

Она раньше была не его, а теперь вдруг стала его. А может, всегда была его и просто про это не знала. Корино внимание сейчас существовало само по себе, отдельно от нее. Оно уплывало, минуя горящего раба, минуя хозяйский дом, за границы рэндалловских владений. Кора пыталась сосредоточиться на подробностях чужих рассказов, просеивая в памяти слова невольников, которые своими глазами видели, что там, снаружи. Всякий раз, когда ей удавалось уцепиться за какие-то детали – здания из гладкого белого камня, их много, целое море, так что не видно ни дерева; мастерская негра-кузнеца, который работает не на хозяина, а сам на себя, – внимание изворачивалось, словно юркая рыба, и опять ускользало куда-то. Чтобы удержать это в голове, нужно увидеть все своими глазами.

С кем же поговорить? Милашка и Нэг ее не выдадут, но мечь Терренса будет ужасна. Пусть лучше они будут искренни в своем неведении. Нет, свой план она могла обсуждать только с тем, кто его задумал.

Она подошла к Цезарю после речи Терренса, вечером, и он вел себя так, словно они давно обо всем договорились. За свою жизнь она не встречала ни одного цветного, похожего на Цезаря. Он родился в Виргинии, на маленькой ферме, принадлежавшей крохотной старушке. Миссис Гарнер была вдовой, обожала возиться с тестом, целыми днями обихаживала свои цветы и более ничем не интересовалась. Остальные посадки и выезд были заботой Цезаря и его отца, домашние дела лежали на его матери. Скромный урожай, который давал огород, они сбывали в городе. Цезарь с родителями жили в собственном домике в две комнаты, стоявшем на задах фермы. Флигель был белоснежный, с бирюзовой каймой вокруг окон – прихоть матери, которая когда-то видела такой у одного белого.

Миссис Гарнер мечтала провести остаток дней в уюте и покое. Активной поборницей рабства она не была, видела в нем лишь неизбежное зло, явившееся следствием умственной неполноценности африканского населения. Разрешить ему сразу сбросить ярмо было бы недалеко и пагубно – разве негры сумеют выжить без постоянного заботливого призора и руководства? Миссис Гарнер помогала им, как могла – обучила своих рабов грамоте, чтобы их глаза открылись навстречу слову Божию. Она разрешала Цезарю и его родителям беспрепятственно разъезжать по всей округе, хотя соседи были от этого не в восторге. Так она по-своему шаг за шагом готовила их к будущей свободной жизни, потому что рассчитывала дать им вольную по завещанию.

Когда миссис Гарнер скончалась, скорбящие Цезарь и его семья продолжали ухаживать за фермой, ожидая своего официального освобождения. Старушка не успела составить завещание. Все отошло ее единственной племяннице, но та из Бостона приезжать не пожелала, а просто договорилась с местным адвокатом о продаже имущества покойной тетушки. Для семьи Цезаря наступил страшный день, когда поверенный явился в сопровождении двух констеблей и заявил, что они подлежат продаже и, что самое страшное, – продаже на Юг, со всеми жестокостями и мерзостями тамошней жизни, о которой ходило

столько слухов. Они пополнили собой строй скованных цепью невольников, и их погнали: мать в одну сторону, отца в другую, Цезаря, который отныне был предоставлен сам себе, – в третью. Прощание – бурное, но недолгое – прекратил ударом хлыста работорговец, которому до такой степени обрыдло смотреть на всю эту канитель, что всыпал он обезумевшей от горя семье вполсилы, больше для острастки. Но Цезарь эту вялую взбучку воспринял как залог того, что с будущими ударами судьбы он также сможет справиться. С аукциона в Саванне он попал на плантацию Рэндаллов, где ему открылась вся страшная правда.

– Ты что, грамоту знаешь? – спросила Кора.

– Знаю.

Подтвердить свои слова ему, разумеется, было нечем, но в случае побега их жизни зависели от этого исключительного умения.

Они встречались где придется: то возле школы, то у коровника, после того как работа там заканчивалась. Теперь, когда Кора решила связать свою судьбу с Цезарем и с его планом, ее распирало от предложений. Она считала, что надо дождаться полнолуния. Он возражал, потому что после побега Большого Энтони бдительность надсмотрщиков и десятников возросла и апогея своего достигала на полную луну, этот белый маяк, который всегда воспламеняет в рабе желание бежать. Так что нет. Уходить надо как можно быстрее. Следующей же ночью. Сойдет и молодая луна. Люди с подземной железной дороги уже ждут.

Он, видно, знал, что говорил, – подземная железная дорога! Неужто ее дотянули до этих мест, до самого сердца Джорджии? Желание бежать захлестывало Кору. Но, кроме того, что надо было собрать пожитки, нужно было как-то предупредить людей с железной дороги. До воскресенья у Цезаря не было возможности под каким-нибудь предлогом выскользнуть с плантации, и он сказал, что после их побега все равно поднимется такой переполох, так что никого специально предупреждать не надо.

Мысли о побеге заронила в душу Цезаря старая миссис Гарнер, и один брошенный ею совет привел к тому, что про парня узнали на подземной железной дороге. Как-то в субботу Цезарь и его хозяйка сидели на парадном крыльце, наблюдая обычную картину выходного дня, разворачивавшуюся у них на глазах: громыхающие подводы

торговцев, вереницу тянувшихся на рынок семей; изнуренных рабов в шейных колодках, еле волочащих ноги. Пока Цезарь массировал хозяйке пятки, старая миссис Гарнер сказала, что ему следует выучиться ремеслу, которое поможет ему после освобождения добиться лучшей доли. Цезарь пошел в подмастерья к соседу-токарю, чуждому предрассудков унитария, и вскоре стал продавать на городской площади свои затейливо выточенные из дерева плоски. По словам миссис Гарнер, у него были золотые руки.

На плантации Рэндаллов он не бросил свое занятие и по воскресеньям вливался в ряды продавцов мха, грошовых швеек и поденщиков, отпущенных в город в услужение. Торговля приносила, но еженедельная отлучка с плантации служила ему слабым, но горьким напоминанием о прошлой жизни на Севере. На закате он скрепя сердце отрывал себя от ярмарочного действия, где в завораживающем танце сливались воедино торговля и желание.

В одно из воскресений к нему подошел согбенный седовласый белый и пригласил его в свою лавку. Что если Цезарь будет оставлять ему поделки на продажу? Глядишь, оба окажутся с прибылью. Цезарь и раньше замечал этого старичка, бродившего между цветными торговцами. Перед его плосками он замедлял шаг и посматривал на мастера с любопытством. Цезаря все это мало занимало, но сейчас предложение старика показалось ему подозрительным. После продажи на Юг его отношение к белым коренным образом изменилось. Он им не доверял.

Старик торговал бакалеей, мануфактурой и сельскохозяйственным инвентарем. Покупателей в лавке не было. Понизив голос, он спросил Цезаря:

– Ты, кажется, парень грамотный?

– Масса, – протянул Цезарь на манер негров из Джорджии.

– Я видел, как на площади ты читал вывески. И газету. Впредь надо быть осторожнее, потому что такие вещи подмечаю не только я.

Мистер Флетчер был из Пенсильвании. В Джорджию он перебрался, как позднее узнал Цезарь, потому что его жена больше нигде не соглашалась жить. У нее был пунктик по поводу местного воздуха и его целительного воздействия на кровообращение. По части воздуха она оказалась права, Флетчер даже не спорил, но что касается всего остального, жизнь тут была мукой. Ему и до приезда сюда была

отвратительна богомерзкая сущность рабства, однако к активным аболиционистам он себя не относил. Теперь, столкнувшись с этой чудовищной системой вплотную, Флетчер страшился собственных мыслей, от которых ему хотелось бежать на край света, а то и чего похуже.

К Цезарю он проникся доверием, хотя понимал, что рискует, если раб донесет на него вознаграждения ради. Цезарь тоже доверился ему. На Севере он прежде встречал белых такой породы: искренних, верящих в то, что они говорят. Правду ли они говорили, это уже другой вопрос, но верили в это искренне. Тут, на Юге, белые были исчадьями ада, способными решительно на любое злодеяние.

В конце их первой встречи Флетчер оставил у себя три выточенные Цезарем плошки и велел ему зайти через неделю. Покупателя на плошки он так и не нашел, но у них двоих появилось общее дело, которое они обсуждали в своих беседах. Цезарю казалось, что к мысли, как к деревянному чурбаку, требуется приложить сноровку и мастерство, чтобы она оформилась.

Воскресенье превратилось в лучший день недели. По воскресеньям миссис Флетчер навещала своих родственников. Старик Флетчер никогда не питал к ним теплых чувств, а они, учитывая его особый нрав, платили ему тем же. Считалось, что подземная железная дорога, по слухам, так далеко на Юг не заходит. Цезарь и сам был в этом уверен. Вот из Виргинии можно было бы тайком перебраться в соседний штат Делавэр или уйти на барже в устье Чесапикского залива, оставив в дураках следующих по пятам патрульщиков и охочих до наградных денег добровольцев, все благодаря собственным мозгам и незримой руке провидения. Или на помощь пришла бы та же подземная железная дорога с ее тайными магистральными линиями и неведомыми маршрутами.

В этой части Америки любая литература, осуждающая рабство, была вне закона. Прибывшие в Джорджию или во Флориду аболиционисты и сочувствующие подвергались нападкам и надругательствам, местные жители избивали их, с позором вываливали в дегте и перьях. Методистам с их христианской дребеденью в святая святых Его Величества Хлопка не место. Плантаторы этой заразы не потерпят.

Тем не менее одну станцию в Джорджии открыли. Если Цезарь сумеет преодолеть без малого тридцать миль до дома Флетчера, старик переправит его на подземную железную дорогу.

– Сколько рабов он уже спас? – спросила Кора.

– Мы первые, – отозвался Цезарь недрогнувшим голосом, пытаясь вселить мужество и в Кору, и в себя.

Он рассказал ей, что Флетчер однажды пробовал помочь одному негру, но тот так и не пришел в условленное место, а неделю спустя газеты трубили о поимке беглеца и детально описывали его наказание.

– А ты уверен, может, он нас дурит?

– Уверен, – отрезал Цезарь.

Он давно обдумал ответ на этот вопрос. Далеко ходить было не надо. Одних разговоров с Флетчером в его лавке было достаточно, чтобы вздернуть старика. Цезарь и Кора слушали жужжание насекомых, неподъемность задуманного захлестывала их.

– Поможет, – промолвила Кора, – куда денется.

Цезарь взял ее руки в свои, но потом смутился своего жеста и отпустил их.

– Завтра ночью, – сказал он.

Свою последнюю ночь в хижине Иова Кора провела без сна, хотя понимала, что скоро понадобятся силы. Ее товарки спали. Она прислушивалась к их дыханию: вот Нэг, вот немытая-нечесаная Рида с ее миазмами. Завтра в это же время она свободно пойдет через ночную темень. Неужто ее мать, когда решилась бежать, чувствовала то же самое? Ее образ почти изгладился из памяти. Кора отчетливо помнила только ее печаль. Еще до того, как парий на плантации стали отселять в хижину Иова, Мэйбл была одной из них, чуравшаяся людей, согбенная под тяжестью ноши, обреченная на одиночество. Кора не могла сложить в голове цельный образ матери. Что она была за человек? Где она сейчас? Почему бросила ее? Почему не поцеловала на прощанье, будто бы говоря: «Потом, вспоминая этот миг, ты поймешь, что на самом деле я прощалась с тобой, хоть ты об этом не подозревала».

Весь последний день в поле Кора остервенело вгрызалась тяпкой в землю, словно хотела прорыть тоннель, через который лежал путь к спасению.

Прощание было, хотя и без прощальных слов. Накануне вечером, после ужина они поговорили с Милашкой, как не разговаривали со дня рождения Пройдохи. Кора старалась невзначай сказать подруге что-то приятное. *Конечно, ты все для нее сделала, у тебя золотое сердце; конечно, ты нравишься Мейжору, я знаю, какая ты на самом деле, и он знает.* Это был ее подарок Милашке на добрую память.

Свой последний ужин она поделила с соседками по хижине. Как правило, они не собирались вместе, но Кора на этот раз сделала так, что, бросив свои дела, они сели за общую трапезу. Что с ними будет? Они были париями, но место их изгнания после того, как они там оказались, обеспечивало им некое подобие безопасности. Подобно тому, как раб глупо хихикает или притворяется впадшим в детство дурачком, чтобы избежать порки, подчеркнутая ненормальность этих женщин уберегала их от других тенет плантации. Ночной порой стены хижины Иова превращались в крепость, и междоусобицы со сварами и интригами обходили их стороной. Белые сожрут тебя и костей не выплюнут, но цветные также сожрут, за милую душу.

Кора сложила у порога свои пожитки: гребешок, квадратную пластинку из отполированного серебра, прикарманенную Аджарри в незапамятные времена, пригоршню лазоревых камешков, которые Нэг называла «драгоценностями». Ее прощальные дары.

Она взяла тесак. Взяла кресало и трут. И совсем как мать когда-то, выкопала с грядки весь ямс. Следующей же ночью кто-нибудь наверняка приберет к рукам землю и все тут перероет. Выстроит загон для кур. Собачью будку. Или же сохранит огородик. Он станет якорем, который не позволит хозяйке сгинуть в злой пучине плантации. Пока она не сгинет по собственной воле.

После того как деревня угомонилась, они встретились у хлопкового поля. Цезарь недоуменно покосился на ее выпирающий буграми мешок с ямсом, но ничего не сказал. Они пробирались через высокие заросли и от внутренней скованности только на полдороге опомнились и побежали. Скорость обоим кружила головы. Точнее, ее немыслимость. Страх окликал их поминутно даже в полной тишине. У них было шесть часов до того, как их хватятся, и еще пара часов до того, как патрульщики их нагонят. Но погоня сама по себе предполагала страх, как предполагала его вся их прошлая жизнь на плантации, и страх добавлял им скорости. Они пересекли луг, где

почва была слишком жиденькой для вспашки, и вышли к болоту. Прошли годы с той поры, как негритята и Кора с ними бродили по грязной жиже, пугая друг друга рассказами про медведей, притаившихся аллигаторов и стремительно плавающих ядовитых щитомордников. Мужчины на болотах промышляли выдру и бобра; сборщики мха, обдиравшие стволы деревьев, заходили вглубь трясины, но не слишком далеко, словно невидимая цепь, приковыливавшая к плантации, натягивалась и волокла их назад. Цезарь несколько месяцев подряд увязывался за трапперами, проверявшими силки и верши, так что выучился, как ступать по торфянику и илу, как пробовать слегой камышовые заросли, как определять островки твердой почвы. Сейчас он длинной жердью прощупывал расстилавшуюся перед ними темень, предполагая двигаться на запад, где, как показали ему трапперы, в трясине лежала череда островков, а потом отклониться на северо-восток и идти, пока болота не кончатся. Эта тропа, если с нее не сбиться, была самым коротким путем на Север. Они прошли совсем немного и встали, потому что в темноте их окликал чей-то голос. Кора недоуменно посмотрела на Цезаря. Он вслушивался, предостерегающе вытянув руки. Злобы в голосе не было. И принадлежал он не мужчине.

Опознав возмутительницу спокойствия, Цезарь шикнул:

– Тш-ш-ш, Милашка!

Едва Милашка засекала их, у нее хватило ума перестать аукать.

– Я сразу поняла, что ты задумала, – прошипела она, поравнявшись с Корой. – Сама крутишься вокруг него, а мне ни слова. И весь ямс выкопала, хотя ему еще зреть и зреть.

Через плечо у нее был перекинут мешок, сделанный их какой-то старой тряпки.

– Иди назад. Ты нас угробишь, – сказал Цезарь.

– Ну уж нет, – помотала головой Милашка, – я с вами.

Кора насупилась. Если сейчас отослать Милашку на плантацию, она как пить дать попадет на пороге хижины. Держать язык за зубами она не умеет, про их побег все мигом станет известно, так что плакал их выигрыш во времени. Она не знала, как это выразить, но брать себе на душу Милашкину гибель ей не хотелось.

– Троих он не поведет, – сказал Цезарь.

– А про меня он знает? – спросила Кора.

Цезарь отрицательно помотал головой.

– Раз мы без предупреждения, то где двое, там и трое. Еды, по крайней мере, хватит, – сказала она, взваливая мешок на плечо.

У Цезаря была целая ночь, чтобы привыкнуть к новому положению вещей. Мало-помалу Милашка перестала взвизгивать на всякий шорох ночных тварей, или когда, оступившись, она потеряла равновесие и провалилась в болотную жижу по пояс. Коре ее чистоплюйство было не в диковинку, но о тех чертах характера своей подруги, которые заставила ее подхватиться и бежать с ними, она раньше не подозревала. Хотя любой раб об этом думает. Всегда: утром, днем и ночью. Спит и видит. О чем бы он ни мечтал, это всегда мечта о побеге, даже если он мечтает о чем-то ином. Даже если это всего лишь мечта о новых башмаках. Стоило подвернуться возможности, и Милашка за нее уцепилась, наплевав на порку.

Чавкая по черной болотной грязи, беглецы держали путь на запад. Кора только диву давалась, как Цезарь их ведет. Сама бы она с этим нипочем не справилась. Но у него, видать, в голове была карта, и звездное небо он читал словно книгу.

Благодаря Милашкиным стонам и проклятиям, когда ей становилось невтерпеж идти дальше и требовался отдых, Коре лишний раз о привале просить не приходилось. Осмотр содержимого мешка показал, что с собой Милашка захватила всякую ерунду вроде деревянной уточки или пузырька синего стекла, – никакой пользы. Что до пользы от Цезаря, то по части нахождения островков в трясине он оказался отменным штурманом. Сбились они с пути или нет, Кора не знала. Они шли на северо-восток, и к рассвету болота остались позади.

– Нас уже хватились, – сказала Милашка, когда на западе забрезжило рыжее солнце.

Троица, устроившаяся на очередной привал, жевала порезанный на кусочки клубень ямса. Их донимали москиты и мошкара. При дневном свете они были похожи на чертей, с ног до головы перемазанные грязью, облепленные цепкими семенными коробочками и усиками растений. Коре все это было неважно. Она в жизни не заходила так далеко от дома. Даже поволоки ее кто-нибудь назад в кандалах, она бы не пожалела о проделанном пути.

Цезарь выбросил вперед слегу, и они снова пустились в путь. Во время следующей остановки он сказал, что на поиски торной дороги отправится один и пообещал скоро вернуться. Кроме того, ему надо

было прикинуть, сколько они уже прошли. У Милашки достало ума не спрашивать, что им делать, если Цезарь не придет назад. Мешок и бурдюк с водой он оставил под кипарисом как залог своего возвращения. Или их спасения, если все-таки они останутся одни.

– А я знала про вас.

Милашке, несмотря на усталость, хотелось посплетничать.

Девушки сидели, благодарно привалившись к стволам деревьев, под которыми был пяточок сухой твердой земли.

Кора рассказывала подруге о случившихся после дня рождения Пройдохи событиях, которые прошли мимо нее.

– Я все про вас знала, – с нажимом повторила Милашка.

– Он надеется, что, раз моей матери единственной удалось уйти, я принесу ему удачу.

– Вроде заячьей лапки, – хмыкнула Милашка.

– А твоя-то мать как же? – спросила Кора.

Милашка попала на плантацию в пятилетнем возрасте. Только тут она узнала, что такое одежда, потому что предыдущий хозяин, продавший ее Рэндаллам в придачу к матери, полагал, что негритятам должно разгуливать нагишом. Мать Милашки, Джиа, родилась в Африке и с удовольствием рассказывала дочери и ее подружкам про свое детство в деревне у реки и про обитавших в джунглях зверей. Работа на сборе хлопка превратила ее в согнутую пополам калеку, распухшие одеревеневшие суставы не давали шагу ступить без боли. Но терзания не мешали ей нежно любить свою девочку, хотя, стоило Милашке отвернуться, ласковую беззубую улыбку с лица матери словно сдувало ветром.

– А что мать? – переспросила Милашка. – Скажет, что я молодец!

Она легла на землю и повернулась к Коре спиной.

Цезарь вернулся быстрее, чем они ожидали. По его словам, прошли они изрядно, но оказались слишком близко к дороге. Теперь надо было подналечь, чтобы уйти как можно дальше, пока их преследователи разбираются, что к чему. Стоит им пуститься в погоню верхом, они их нагонят в два счета.

– Мы спать-то собираемся? – спросила Кора.

– Сперва уходим от дороги, а там посмотрим.

Цезарь, судя по всему, тоже еле стоял на ногах.

Через некоторое время они сбросили мешки на землю. Привал. Когда Цезарь растолкал Кору, солнце клонилось к закату. Она спала как убитая, несмотря на впивавшиеся в тело корни старого дуба. Милашка уже проснулась. Почти в полной темноте они подошли к вырубке, где находилась маленькая ферма с кукурузным полем за домом. Хозяева все никак не могли уgomониться и бегали по участку туда-сюда, доделывая какие-то дневные дела. Беглецы прятались в чаще и ждали, пока в окнах не погаснут огни. Самая короткая дорога до фермы Флетчера лежала напрямик через вырубку, но это было слишком опасно. Лучше было сделать крюк через лес.

Подвели их кабаны. Они шли вдоль борозды, пропаханной ведрем, и тут из зарослей выскочили люди. Четверо белых, поджидавших в засаде добычу, которая должна была повестись на разложенную приманку. Из-за жары на охоту выходили по ночам. А попались не кабаны, а беглые невольники, зверье другого сорта, хотя куда более ценное.

В том, что троица – беглые, у охотников сомнений не возникло, видать, известили. Двое из них мигом скрутили и повалили на землю Милашку, которая была мельче остальных. После длительного вынужденного молчания – у невольников, чтобы отвести глаза преследователям, у охотников, чтобы отвести глаза добыче – теперь и те, и другие орали что было мочи, сопровождая каждое телесное усилие воплями. Цезарь сцепился с темноволосым длиннорылым крепышом. Он был моложе и сильнее противника, но тот словно врос ногами в землю, ухватив Цезаря за пояс. Цезарь бился так, будто положил в своей жизни не одного белого, хотя, окажись это правдой, он бы сам уже давно лежал в могиле. Могила ждала беглецов, если охотники возьмут над ними верх и возвратят хозяину. Такова будет конечная точка их пути. Могила.

Милашка взвыла, когда двое мужиков поволокли ее в темноту. Корин противник оказался молодым и щуплым, возможно, это был сын одного из охотников. Нападавший застал ее врасплох, но как только она почувствовала на себе его руки, кровь ударила ей в голову. Ей почудилось, что она снова на задах коптильни, где над ней только что надругались Эдвард и Пот с дружками, и она решила драться. Руки и ноги налились силой, и Кора била, лупила, разила, теперь воздавая за то, что спустила обидчикам в прошлом. Она пожалела, что при ней нет

тесака, он бы ей пригодился. Эдвард валялся в грязи, и этот мальчишка отправится туда же, туда ему и дорога. А потом пусть забирают, пусть делают, что хотят.

Парень толкнул Кору на землю. Она упала и треснулась головой о пень. Мозгляк навалился на нее всем телом. Кровь шумела у нее в ушах. Она вырвалась, схватила валявшийся рядом камень и обрушила его парню на голову. Он извивался, и она ударила еще раз. Больше он не издал ни звука.

Время исчезло. Стало вымыслом. Цезарь звал ее по имени и пытался поставить на ноги. Бородач растворился в темноте.

– Бежим!

Она пыталась звать Милашку.

Ни ее, ни охотников видно не было. Куда они подевались? Кора замешкалась, и Цезарь грубо пихнул ее вперед. Она покорилась.

Они перестали бежать, когда осознали, что не имеют ни малейшего представления о том, куда бегут. Кора словно ослепла от темноты и слез. Цезарю удалось сберечь бурдюк с водой, но остальные припасы сгинули. И Милашка сгинула. Он сориентировался по звездам, и беглецы продолжали свой путь, продираясь сквозь глухую ночь. За несколько часов они не проронили ни слова. Первоначальный план их побега, словно ствол, обрастал ответвлениями возможных решений и выборов. Все бы пошло иначе, отправь они Милашку назад, на плантацию, еще на болотах. Или зайди они в чащу поглубже, когда обходили вырубку. Или иди Кора замыкающей, чтобы эти двое бросились на нее. Или вообще, останься они там, где были.

Цезарь высмотрел надежное местечко, и они залезли спать на деревья, словно еноты.

Когда Кора зашевелилась, Цезарь ходил между двух сосен, разговаривая сам с собой. Она сползла со своего насеста, не чувствуя ни рук, ни ног, которые онемели, цепляясь за шершавые сучья.

Лицо у Цезаря было серьезным. О ночной стычке наверняка стало известно, так что патрульщики поняли, в каком направлении движутся беглецы.

– Ты говорила ей про железную дорогу?

– Вроде нет.

– Я тоже вроде нет. А надо не вроде, а точно.

К полудню они дошли до речушки, которую перешли вброд. Цезарь сказал, что уже близко. Через час он опять пошел на разведку, а когда вернулся, они пошли через редколесье, не заходя в чащу, чтобы видеть сквозь деревья очертания построек.

– Пришли, – сказал Цезарь.

Перед ними стоял аккуратный одноэтажный домик, выходящий окнами на выгон. Земля была расчищена, но не пахана. На крыше торчал красный флюгер, служивший опознавательным знаком. Окно над задней дверью было, как условлено, задернуто желтой шторой, то есть путь открыт: дома только Флетчер, жены нет.

– А если Милашка уже все рассказала?

Ни других домов, ни других людей в поле зрения не было. Цезарь и Кора вихрем пронеслись через высокую траву, впервые после хождений по болотам выйдя из-под покрова леса. Без этого покрова Коре было жутко. Ей казалось, будто ее сунули в один из больших черных казанов на кухне стряпухи Элис и огонь лижет его чугунное дно.

Добежав до заднего крыльца, они постучали и стали ждать, чтобы Флетчер открыл им дверь. Воображение Кору рисовало ей таящиеся в чаще поисковые отряды, они уже приготовились к броску на открытую местность. Или притаились внутри дома. Но вот наконец и Флетчер, который ведет их на кухню.

Кухня оказалась маленькой, но уютной. Развешанные на крючках любимые хозяйкины кастрюли демонстрировали закопченные доньшки. Пестрые цветы с выгона весело смеялись в вазе тонкого стекла. Старый блауханд с красными слезящимися глазами даже не

пошевелился в своем углу, демонстрируя полное безразличие к гостям. Кора и Цезарь жадно припали к кувшину, который дал им хозяин. Вид непрошеной попутчицы Цезаря его не радовал, но ведь весь план побега с самого начала пошел наперекосяк.

Пока они утоляли жажду, Флетчер рассказал им о том, что произошло во время их отсутствия. Во-первых, мать Милашки, Джаи, сразу же хватилась дочери и пошла искать ее по деревне. Шума она старалась не поднимать. Милашке нравились парни с плантации, а парням с плантации нравилась Милашка. Но тут старуха попала на глаза одному из десятников, и он мигом вытянул из нее правду.

Цезарь и Кора переглянулись. Оказывается, никакого шестичасового задела по времени у них не было. С самого начала на хвосте висели патрульщики.

Не успело взойти солнце, рассказывал Флетчер, как их уже искали всем округом. В поисках не принимал участие только ленивый. Терренс обещал за их поимку баснословную сумму. Объявления были расклеены на каждом столбе. К охоте присоединилось все окружное отребье. Местная пьянь, дрянь и рвань, не заработавшая себе даже на пару подметок, тряслась в предвкушении расправы с цветными. Шайки этих белых прочесывали невольничьи деревни, обшаривали дома свободных негров.

Провидение оказалось к беглецам милостиво. Охотники были уверены, что они спрячутся на болотах, ведь две девки – такой камень на шее, что далеко не уйдешь. Невольники из этих мест всегда бежали через трясины, а куда им еще было податься? Тут, в самом сердце Юга, не найти было ни добрых белых аболиционистов, ни подземной железной дороги, готовой домчать своенравного ниггера, куда он пожелает. Так изначальный просчет преследователей позволил троице беспрепятственно уйти далеко на северо-восток.

Пока они не нарвались на кабанью охоту. Милашку доставили на плантацию. За это время патрульщики уже дважды наведывались к Флетчеру, пытаясь что-нибудь вынюхать. Они же приносили на хвосте вести, из которых самой ужасной была новость о том, что младший из охотников, двенадцатилетний паренек, так и не пришел в себя после полученных увечий. Так что теперь в глазах жителей округа Цезарь и Кора были убийцами. Белые алкали крови.

Цезарь спрятал лицо в ладони, и Флетчер ободряюще положил ему руку на плечо. Корино равнодушие к полученным известиям не осталось незамеченным. Оба мужчины ждали от нее реакции. Она отломала себе кусок хлеба и сунула в рот. Пусть Цезарь терзается за двоих.

Их рассказ о побеге и о том, как на самом деле происходила схватка в лесу, в значительной степени облегчил Флетчеру душу. Присутствие их троих на этой кухне означало, что Милашка ничего про железную дорогу не знала и что ни Цезарь, ни Кора ни разу не обмолвились при ней о Флетчере. Значит, надо было двигаться дальше.

Пока они жадно запихивали в рот ломти ржаного хлеба с окороком, предстояло взвесить преимущества передвижения при свете дня и под покровом ночи. Говорили только мужчины. Кора почла за лучшее не вмешиваться. В большой мир она вышла впервые и многого в нем не знала, хотя, спроси ее кто, она бы ответила, что уносить ноги надо немедленно. Каждая миля между нею и плантацией была ее победой. И ей хотелось еще.

Мужчины постановили, что разумнее всего будет перевезти двух беглых невольников в повозке Флетчера, прикрыв их джутовой циновкой, причем делать это надо немедленно и не таясь, чтобы не нужно было прятаться в подвале и дергаться, дома ли миссис Флетчер.

– Ну, раз вы так считаете, – протянула Кора.

Бладхаунд перднул на всю кухню.

Цезарь и Кора лежали, забившись между ящиками Флетчера. С дороги не доносилось посторонних звуков. Солнечный свет путался в кронах деревьев на обочине и проникал сквозь волокна циновки вместе с голосом Флетчера, который что-то втолковывал своим лошадям. Кора смежила было веки, но перед глазами возник образ лежавшего на кровати мальчика с перевязанной головой, склонившегося над ним бородатого отца, и сна как не бывало. Он оказался младше, чем она думала. Но он сам нарвался. Нечего было руки распускать. Раз мальчик, надо по ночам дома сидеть, а не на кабана ходить. Пришел он в себя или нет, ей без разницы. Их все равно убьют, даже если бы он не помер.

Ее разбудил городской шум. Ей оставалось только рисовать в воображении, как все это выглядит на самом деле: занятые своими делами люди, бойко торгующие лавки, объезжающие друг друга

экипажи и повозки. И голоса. Совсем рядом стрекотала оголтелая бестелесная толпа. Цезарь стиснул ей руку. Ящики, между которыми они прятались, не позволяли Коре увидеть его лицо, но она знала, что на нем написано. Вдруг Флетчер остановил лошадей. Кора ждала, что циновку вот-вот сдернут, в голове ее вихрем проносились последующие злоключения. Беспощадный солнечный свет. Флетчера бьют плетью, потом бросают в тюрьму или даже линчуют за укрывательство не просто беглых негров, а убийц. Кору и Цезаря незамедлительно избивает ретивая толпа, но это только приготовление перед отправкой их на плантацию, где Терренс изобретет для них пытки, перед которыми даже муки Большого Энтони померкнут. Которым в этот момент подвергается Милашка, если только приговор не отсрочили, чтобы, когда поймают Кору с Цезарем, терзать всю троицу разом. У Кору перехватило дыхание.

Флетчер остановился, потому что его окликнул знакомый. Он привалился плечом к повозке, которая накренилась на один бок, и раздался шум. Виновата была Кора, но человек ничего не заметил. Он поздоровался и сообщил Флетчеру свежие новости об облаве: говорят, патрульщикам удалось схватить убийц! Флетчер с облегчением перекрестился. В разговор вмешался еще один голос с яростным опровержением слухов: беглецы до сих пор на свободе. Сегодня утром они пытались ограбить фермера, украли несколько куриц, но собаки взяли их след. Флетчер снова вознес хвалу Господу за то, что не оставляет белого человека заботами своими.

О раненом мальчике никто ничего не знал. Флетчер посетовал.

Потом телега опять выехала на тихую сельскую дорогу.

– Да уж, задали мы им жару, – сказал Флетчер, обращаясь не то к лошадям, не то к пассажирам.

Кора снова задремала. Только во сне она могла перестать думать о Милашке. Когда она снова открыла глаза, было темно. Раздалось какое-то гроыхание, потом лязг и звук отодвигаемой задвижки. Цезарь ободряюще потрепал Кору по руке. Флетчер поднял циновку, и беглецы на затекших негнущихся ногах вошли в какой-то сарай.

Первое, что бросилось ей в глаза, это оковы. На вбитых в стену гвоздях висела чудовищная коллекция ножных и ручных кандалов – для запястий, лодыжек, шеи всех возможных форм и сочетаний. Был ряд детских кандалов с крохотными наручниками и соединительными

цепями, почти цепочками. В ряду по соседству висели наручники такой толщины, что их было ничем не перекусить, и наоборот, такие тонюсенькие, что их можно было переломить пальцем, но сделавший это немедленно подлежал бы наказанию. Отдельный ряд представляли изукрашенные металлические намордники, а в углу лежали цепи с ядрами. Ядра были сложены пирамидой, а цепи змеились по полу вокруг. Среди этих железок были ржавые, сломанные, но были и новенькие, словно их выковали нынче утром. Бродившая вдоль стены Кора дотронулась до металлического обруча с шипами по внутренней стороне. По всей видимости, он предназначался для шеи.

– Жуткое зрелище, – сказал мужской голос. – А я вот собираю...

Никто не слышал, как он вошел. А может, он был в сарае с самого начала? Серые штаны и рубаха из реденькой ткани, почти марли, почти не скрывали его худобы. Кора подумала, что даже у самых заморенных невольников на костях мяса побольше, чем у этого белого.

– Понавез. Из дальних странствий, – продолжал он.

В его речи звенела странная распевность, которая вдруг напомнила Коре о невольниках, потерявших на плантации рассудок. Они говорили так же.

Флетчер сказал, что белого зовут Ламбли, и он легонько пожал им руки.

– Вы проводник? – спросил его Цезарь.

– Смотритель станционный, – ответил Ламбли. – С паром у меня не заладилось.

Вне железной дороги он вел тихую размеренную жизнь у себя на ферме. Эта земля принадлежала ему. Беглых сюда привозили либо с завязанными глазами, либо под циновками, как Кору с Цезарем, потому что, как он сам объяснил, им лучше не знать ничего о том, где находится станция.

– Пассажиров вроде должно было быть трое. Зато места вам хватит, сможете лечь.

Они даже не успели осознать его слова, как Флетчер засобирался домой, потому что его заждалась жена.

– Ну, друзья, я свое дело сделал, – сказал он, прижимая беглецов к груди с какой-то отчаянной пылкостью.

Кора невольно отшатнулась. За эти два дня она успела побывать в руках у двоих белых. Без этого, выходит, свободной не станешь?

Повозка Флетчера удалялась. Цезарь молча смотрел вслед. Вот старик что-то сказал лошадям, а потом его голос затих.

Цезарь стоял нахмурившись. Ради них Флетчер подверг себя безумному риску, даже когда все оказалось куда сложнее, чем он рассчитывал. Они перед ним в неоплатном долгу. И отплатить ему можно было только одной монетой: выжить самим и помочь еще кому-то при первой возможности. Так выходило по Кориному счету. Цезарь был обязан старику куда больше, ведь он столько месяцев ходил к нему в мастерскую.

Ламбли захлопнул дверь сарая, и развешанные по стенам цепи закачались и зазвенели. Ему было не до сантиментов. Он засветил фонарь, вручил его Цезарю и принялся сгребать ногой сено на полу, пока не обнажилась дверца подпола, которую он распахнул. Пахнуло чем-то кислым.

Заметив, как они трепещут, он сказал:

– Ну, раз так, я первый.

Внизу был не подвал, не погреб, а облицованная камнем шахта, с уходившей вглубь лестницей. Кора оценила, сколько труда понадобилось, чтобы все это построить. Ступеньки были крутыми, но по ровным каменным плитам спускаться было несложно. И тут они увидели тоннель. Сказать, что Кора «оценила» то, что открылось ее глазам, – не сказать ничего.

Лестница заканчивалась маленькой платформой, с обоих концов которой распахивались гигантские жерла тоннеля футов двадцать высотой, облицованные панелями из светлого и темного камня. Сколько же усилий понадобилось, чтобы это построить? Кора и Цезарь заметили рельсы. Сколько было видно глазу, две металлические полосы, вжатые в землю деревянными шпалами, шли по всей длине тоннеля, уходя, вероятно, на юг и на север. Они брали свое начало от какого-то непостижимого источника и стремились к некой конечной станции, имя которой чудо. Хорошо, что кто-то предусмотрительно поставил на платформе скамеечку. Кора села, потому что у нее подкосились ноги.

– Вы знаете длину этого тоннеля? – вымолвил Цезарь еле шевеля губами.

– Вам хватит, – хмыкнул Ламбли.

– Сколько же лет его строили?

– Да уж порядком. С одной вентиляцией сколько было возни...

– Кто же все это построил?

– А кто у нас все строит?

Кора видела, что Ламбли упивается их реакцией. Судя по всему, это был его любимый концертный номер.

– Но как? – ошеломленно выдохнул Цезарь.

– Руками, как еще? Теперь нам надо обговорить ваше отправление.

Ламбли достал из кармана желтый листочек бумаги и прищурился.

– Есть два поезда: один через час, второй через шесть. Расписание, конечно, не ахти. Пассажирам удобнее было бы приезжать прямо к отходу, но работать приходится в непростых, мягко говоря, условиях.

– На ближайший, – сказала Кора, поднимаясь со скамейки. Это даже не обсуждалось.

– Вся штука в том, что они идут в разные места. Один – в одну сторону, другой...

– Куда он идет? – спросила Кора.

– Далеко. Больше я вам ничего сказать не могу. Сами понимаете, согласовать все изменения на маршруте практически невозможно. Тут тебе и поезда, и то, что творится на местах. Какие-то станции закрываются, дорогу тянут дальше... Вот и получается, что с одним направлением все может пойти как по маслу, а с другим... Станции обнаруживают, сообщение прерывается. Выходит, пока не доедешь и не остановишься, так и не узнаешь, что там, наверху.

Беглецам речи станционного смотрителя были непонятны. Выходило, что один из маршрутов короче, но опаснее. А другой, значит, длиннее? Но Ламбли в подробности вдаваться не собирался. Все, что он знал, он им сказал. Его дело – смотреть за станцией. По большому счету, беглому все равно, куда бежать, он бежит не куда, а откуда. Пошептавшись с Корой, Цезарь подтвердил, что они едут ближайшим поездом.

– Дело ваше, – отозвался Ламбли и мотнул головой в сторону скамейки.

Все сели. Надо было ждать. Цезарь попросил Ламбли рассказать, почему он начал работать на подземной железной дороге. Кора слушала вполуха. Ее внимание поглощал тоннель. Сколько же пар рук понадобилось, чтобы выкопать станцию, на которой они сейчас находились? А отходящие от нее тоннели? Как далеко они тянутся и

куда ведут? Ей вспомнился сбор хлопка, лихорадка полевой страды, когда созревал урожай, работавшие как одно целое черные тела, двигавшиеся слаженно, стремительно, на пределе сил. Поле вспыхивало сотнями тысяч комочков белой ваты, которые усеивали его, подобно звездам, выпавшим на безоблачном ночном небе. К концу работы на поле не оставалось ни единого белого клочка. Грандиозный жизненный цикл хлопчатника от семечка до хлопковой кипы был завершен, но ни один из невольников не испытывал гордости за свой труд. Это был труд, замешанный на крови и обмане. Они обирали хлопчатник, как их обирали белые. Другое дело тоннель, рельсовые пути, все те отчаявшиеся души, которым удалось спастись по подземной железной дороге лишь благодаря бесперебойной работе ее станций и отправляющимся по расписанию поездам. Наверное, тем, кто все это создал, воздалось по заслугам.

– Штат штату рознь, – говорил тем временем Ламбли. – Со своими обычаями, своим укладом. Но жить можно везде. Вот едешь от штата к штату, пока не доедешь до конечной станции, и понимаешь: страна-то ведь огромная!

В этот момент скамейка под ними задрожала. Они прикусили языки, и дрожь превратилась в звук. Ламбли подвел их к краю платформы. Из тоннеля на них надвигалось что-то огромное. Цезарю в Виргинии доводилось видеть поезда, но Кора об этих машинах только слышала и в своем воображении рисовала их себе совсем иначе. К ним приближался нескладный черный локомотив с торчащим спереди рылом треугольной предохранительной решетки для расталкивания коров, будто хоть у одной буренки достало бы духу встать у него на пути. За решеткой вспучивалась закопченная дымовая труба. Сам корпус состоял из большого черного короба, увенчанного кабиной машиниста, под которой гигантские цилиндры и поршни неумолимо заставляли крутиться в бесконечном танце пять пар колес: четыре штуки поменьше впереди и шесть побольше сзади. Локомотив тащил за собой единственный товарный вагон, шаткий, с сильно поредевшей деревянной обшивкой.

Темнокожий машинист помахал им из окна кабины, обнажая в улыбке беззубые десны:

– Грузитесь!

Ламбли, которому надоело отвечать на вопросы Цезаря, открыл задвижку, отодвинул дверь вагона в сторону и сделал рукой приглашающий жест:

– Ну, чего стоим? Проходим!

Кора и Цезарь залезли в вагон, и Ламбли споро задвинул дверь на место. Потом он заглянул в щель между досками обшивки:

– Я всегда говорю: чтобы понять, что мы за народ, надо сесть в поезд и вперед. Мчишься, смотришь по сторонам – вот тебе и истинное лицо Америки.

Он похлопал по стенке вагона, подавая сигнал к отправлению, поезд вздрогнул и рванул с места.

Беглецы не устояли на ногах и повалились на соломенные кипы, которые должны были служить сиденьями. Товарный вагон кряхтел и трясся. Изготовили его давно, и в пути Кора частенько беспокоилась, как бы он не рассыпался. Вагон был совершенно пуст, если не считать соломы,дохлых мышей и гнутых гвоздей. Позднее она обнаружила обуглившийся участок пола, где кто-то пробовал разводить костер. Пестрый хоровод событий временно лишил Цезаря дара речи, и он свернулся калачиком на полу. Кора, запомнившая последние слова Ламбли, послушно прильнула к щели в обшивке, но там не было ничего, кроме темени на много миль вперед.

Когда они вновь выехали на свет божий, поезд катил по Южной Каролине. С замиранием сердца глядя на небоскреб, Кора силилась понять, сколько же они проехали.

Риджуэй

Отец Арнольда Риджуэя был кузнецом. Всю жизнь его завораживал закатный отблеск плавящегося железа, когда цвет сперва медленно проступает в металле, а потом стремительно разливается, захлестывая все вокруг, словно гнев или радость, и объект ковки вдруг обретает непривычную пластичность. Кузня была для отца окном в мир первозданной стихии.

Был у него в салуне дружок по имени Том Бёрд, полукровка, которого после виски частенько тянуло на проповеди. В те вечера, когда Тома Бёрда сносило в сторону с торной дороги жизни, он пускался в разговоры о Великом Духе. Вместилищем Великого Духа могло оказаться все что угодно: земля и небо, звери и деревья – проникая насквозь, он соединял все звенья в единую божественную цепь. Хотя старый Риджуэй душеспасительных бесед сторонился, разглагольствования Тома о Великом Духе напоминали ему о чувствах, которые пробуждались в его груди при виде плавящегося железа. Никакому богу не нужно было кланяться, чтобы он спас и сохранил раскаленный металл под кузнечным молотом. Из книг он знал про могучие вулканы, про гибель Помпеи, которую поглотило вырвавшееся из глубоких недр горы пламя. Это текучее пламя было кровью Земли. Свою жизненную миссию он видел в том, чтобы превращать металл в разнообразные полезные предметы, без которых деятельность человечества невозможна, например, в гвозди, подковы, сошники, ножи, ружья. И цепи. Он называл это «трусами духа».

Когда отец позволял, Арнольд, стоя в углу, наблюдал его работу над железными чушками из Пенсильвании: как он плавит их, кует, пляшет вокруг наковальни, черный, будто африканский бес, покрытый сажей с головы до пят, с залитым потом лицом.

– Надо, чтобы труды духа были. Само не придет. Ищи, давай!

Отцовский завет пришлось выполнять в одиночку. Примеров вокруг себя он не видел. У наковальни ему делать было нечего, поскольку превзойти отца вряд ли кто-то смог бы. В городе он пристально всматривался в лица людей, ища в них скрытые изъяны – как отец искал изъяны в железяках. Все вокруг заняты пустяшной и бесцельной ерундой. Дурень-фермер ждет дождя, словно манны

небесной, лавочник ряд за рядом раскладывает свой товар, сколь нужный, столь нудный. Ремесленники и мастеровые изготавливают предметы, которые по сравнению с железными аргументами отцовской выделки – всего лишь хлипкие фантазии. Даже самые богатые из этих людей, способные вызвать переполох и среди местных торговцев, и на отдаленной лондонской бирже, не вдохновляли его на подвиги. Он отдавал им должное, видя гигантские здания, которые они возвели на фундаменте из чисел со множеством нолей, но уважения к ним не испытывал. Разве это работа для мужчины, если к концу рабочего дня у него руки остаются чистыми?

Каждое утро доносившиеся из отцовской кузницы удары молота по наковальне звучали для Арнольда как отдаленные шаги судьбы, которая не желала подходить поближе.

В четырнадцать лет он прибил к патрульщикам. Здоровенный недоросль, крепкий и решительный, – ничто в его облике не указывало на внутренний разлад. Распознавая собственные слабости в напарниках, он одерживал над ними верх. Охота на беглых четырнадцатилетнему была еще не по возрасту, но эта профессия претерпевала изменения. По воле Его Величества Хлопка сельская местность наводнялась рабами. Мятежи в Вест-Индии и тревожные вести из соседних штатов будоражили местных плантаторов. Каждый здравомыслящий белый, все равно рабовладелец или нет, должен был озаботиться происходящим. Росло число патрульщиков, ширились их полномочия. И молодой Риджуэй пришелся ко двору.

Главой патрульщиков в округе был Чандлер. Никого свирепее Риджуэй в жизни не видел. Приличные люди знали его как буяна и бузотера и, завидя его, переходили на противоположную сторону улицы. Он провел за решеткой больше времени, чем пойманные им беглые; несчастные через пару-тройку часов после поимки частенько слышали его храп из соседней камеры. Пример для подражания неважнецкий, но максимально близкий к образу, который притягивал Риджуэя. Вроде бы и вне всяких правил, но вместе с тем способствующий их укреплению. Риджуэй-старший Чандлера терпеть не мог за его старые грехи, но сына это не смущало. Отца он любил, но эта постоянная бодяга про труды духа лишней раз подчеркивала бесцельность его собственного существования.

Работа оказалась непыльной: знай себе хватай каждого встречного черномазого и требуй документ. Свободных негров они, хотя и знали, что те вольные, тоже задерживали – частью для собственного развлечения, частью для острастки, чтобы африканское отродье помнило о силах, которые им противостоят, неважно, есть у них белый хозяин или нет. Надо было прочесывать невольничьи деревни, если что-то пропадало, хоть книжка, хоть тень от книжки. Черных смутьянов, прежде чем посадить их за решетку или вернуть владельцу, они пороли, если было на то время и желание.

Известие о побеге заставляло их востроиться. Погоня за добычей означала набеги на плантации и допросы чертовой уймы стучащих зубами ниггеров. Вольняшки, зная, что надвигается, прятали подальше все ценное и скулили, когда белые крушили их мебель и посуду. Умоляли не вводить их в расход. Кроме удовольствия ошельмовать отца семейства перед лицом домочадцев или дать в зубы какому-нибудь несознательному, который на тебя косо посмотрит, были и другие радости. Так, например, на ферме у старого Муттера были самые пригожие цветные девки – мистер Муттер знал в этом толк, – а погоня разжигала в молодом патрульщике похоть. Или ходили слухи, что в винокурнях на задах плантации Стоуна гонят лучший в округе кукурузный виски, так что облава давала Чандлеру возможность пополнить погреб.

Риджуэй сперва себе воли не давал, не уподобляясь полностью своим товарищам. Остальные патрульщики, и стар, и млад, были душегубами. Работа притягивала именно таких, в любой другой стране они стали бы преступниками. Но это была Америка.

Больше всего ему нравилось работать ночью, когда они лежали в засаде, поджидая парня, который выберется из чащи, чтобы провести жену на плантации, или охотника на белок, ведь белка – хоть какое-то добавление к пустой баланде. Все патрульщики, кроме Чандлера, были с ружьями и принимались палить по любому идиоту, который пытался убежать, но Риджуэй был не таков. Природа сама снабдила его оружием. Он хватал жертву за шкурку, как кролика, и пускал в дело кулаки. Вышел на дорогу – получай, бежишь – получай еще, несмотря на то, что для него самого погоня была лучшим спасением от постоянного чувства беспокойства. Мчатся сквозь тьму, когда ветки

хлещут по лицу, лететь вверх тормашками, спотыкаясь о пни, но тут же снова вставать – от погони его кровь бурлила и пела.

К концу рабочего дня перед Риджуэем-старшим лежали плоды его трудов: мушкет, грабли, рессора. Пред сыном стояли мужчина или женщина, которых он поймал. Кому-то делать инструмент, кому-то ловить беглых. Папаша знай твердил свое про труды духа. Что же это за работа такая – гоняться за черномазыми, у которых мозгов меньше, чем у собак?

Теперь ему было восемнадцать, почти мужчина.

– И вы, и я, папаша, мы оба трудимся на господина Эли Уитни^[6], – говорил он.

С этим трудно было спорить. Отцу пришлось нанимать двоих подмастерьев и подряжать для заказов кузни помельче. Благодаря хлопкоочистительным машинам на плантациях собирали больше хлопка, требовался инвентарь из железа и железные подковы для лошадей, запряженных в телеги на колесах с железными ободами и железными втулками, которые повезут хлопок на рынок. А где хлопок, там и люди, которым требовались гвозди и скобы для стен, инструмент, чтобы эти стены возводить, дороги, которые лягут между населенными пунктами, и еще больше железа, чтобы все это работало. Так что пусть отец остается при своем презрении и при своей работе духа. Они оба были частями одной и той же системы, служившей американскому народу.

Поимка беглого могла принести либо пару долларов, если его калечили или если владелец скряга, либо сотни долларов, причем, если беглый схвачен за пределами штата, награда удваивалась. Риджуэй почувствовал себя истинным охотником на беглых после первого путешествия в Нью-Джерси, куда он отправился, чтобы воротить местному плантатору его собственность. От табачной плантации в Виргинии беглая невольница Бетси добралась до самого Трентона и пряталась там у родни, пока кто-то из знакомых ее хозяина не опознал девку на рынке. Хозяин предложил местным молодцам двадцатку за доставку плюс накладные расходы.

Он никогда не уезжал так далеко от дома. До чего же большая страна! Каждый следующий город казался безумнее и непостижимее предыдущего. От сумятицы Вашингтона у него поплыло в глазах. При виде строительства Капитолия он едва успел метнуться за угол, как его

вырвало, и непонятно, что тому причиной: протухшая устрица или масштаб увиденного, которое его естество не принимало. Он выискивал самые захудалые таверны и, чешась от вшей, прокручивал в голове узнанные недавно человеческие истории. Самое пустяковое плавание на пароме приводило его на остров, где текла особая жизнь невиданной красоты и яркости.

В Трентонской тюрьме с ним разговаривали как с важной персоной. Это тебе не негритенка в сумерках плетьюми охаживать или на невольничий праздник нежданно завалиться, чтобы отравить им веселье. Тут его ждала мужская работа. В рощице за Ричмондом потаскуха Бетси предложила ему себя в обмен на свободу. Сама тонкими пальцами стащила с себя платье. У нее были узкие бедра, широкий рот и серые глаза. Он ей ничего не обещал. Это был его первый раз с бабой. Она плюнула ему в лицо, когда он защелкнул на ней кандалы. И потом еще раз, на пороге хозяйского дома. Хозяин и его сыновья со смеху покатывались, глядя, как он утирается, но заработанная двадцатка пошла на новые башмаки и парчовый камзол, какой он видел на вашингтонских модниках. Башмаки прослужили ему много лет. Камзол перестал застегиваться на раздавшемся брюхе куда быстрее.

С Нью-Йорка начались безумные времена. Риджуэй работал по возврату, выезжая на Север всякий раз, когда констебли сообщали о задержании беглого из Виргинии или Северной Каролины. Из Нью-Йорка сигналы поступали частенько, и, кое-что для себя уяснив, Риджуэй решил, что стоит рискнуть. На Юге перепродажа беглых велась в открытую. Действовал закон грубой силы. В Нью-Йорке к истинной сложности задачи добавлялись и колоссальные размеры метрополиса, и освободительное движение, и хитроумие цветного населения – все в совокупности.

Но он быстро всему обучился. Причем надо было не столько учить, сколько мотать на ус. Сочувствующие и небескорыстные капитаны доставляли беглых за мзду в портовые доки. А портовые грузчики, разнорабочие и клерки снабжали его информацией, так что каналы попадались на крючок буквально на пороге спасения. Вольняшки доносили на своих черных братьев и сестер, сравнивая описания беглых в газетах с незаметными личностями, жавшимися по углам в негритянских салунах, церквях и молитвенных домах. «*Барри* –

крепкий парень, пяти футов шести дюймов росту, глаза дерзкие, небольшие, держится заносчиво. Хейсти – сильно на сносях, предположительно находится под опекой третьего лица, потому что самостоятельно с дорогой не справилась бы». Барри только пискнул и мигом сдулся. Хейсти и ее щенок голосили до самого Шарлотта, пока он вез их в Северную Каролину.

Скоро он справил себе три нарядных сюртука. Он связался с настоящими головорезами, тоже охотниками на беглых, – все как на подбор, в черных костюмах и карикатурных шляпах. Тут ему пришлось делом доказывать им, что он не лыком шит, но, правда, одного раза оказалось достаточно. Общими усилиями они вываживали беглых, таясь, дожидаясь своего часа, либо на подступах к их местам работы, либо у порога жалких лачуг, чтобы ворваться туда ночью. У этих черномазых, за несколько лет забывших про плантацию, нашедших себе пару и обзаведшихся семьей, возникало обманчивое ощущение, что они действительно свободны. Как будто плантаторы забыли о своей собственности. Этот самообман превращал их в легкую добычу. На работорговцев и членов нью-йоркских уличных банд он теперь смотрел свысока. Нехитрое дело скрутить черномазого по рукам-ногам и тащить его на торги где-нибудь на Юге. Тут большого ума не надо, с этим и патрульщик справится. А он теперь ищейка, охотник на беглых.

Нью-Йорк был кузницей антирабовладельческих настроений. Прежде чем вывезти добычу в южные штаты, требовалось получить решение суда. Адвокаты-аболиционисты возводили против него бумажные баррикады из документов, что ни день – то новая увертка. Нью-Йорк – свободный штат, утверждали эти крючкотворы, и каждый цветной волшебным образом обретает свободу, стоит ему переступить его границу. Они цеплялись к каждому несоответствию между описанием в объявлении и конкретным человеком, присутствовавшим в зале суда. А чем вы докажете, что данный Бенджамин Джонс и есть искомый Бенджамин Джонс? Большинство плантаторов не узнают свою же рабыню, даже если переспят с ней, для них все негры на одно лицо. Конечно, при таком отношении за собственностью уследить невозможно! Приходилось выкручиваться, выводить черномазых из-под суда, пока адвокаты разводят свои турусы на колесах. Благородная заумь пасовала перед силой денег. За мзду городской регистратор

снабжал его информацией о взятых под стражу беглых, а потом быстренько подмахивал документ об освобождении, и пока аболиционистская защита только спускала ноги с кровати, Риджуэй со своей добычей успевал оставить позади полштата Нью-Джерси.

В принципе, можно было вообще обойтись без судебных слушаний, но этим не стоило злоупотреблять. На дорогах свободного штата Нью-Йорк их могли остановить, а подлежащая возвращению законному владельцу собственность могла оказаться весьма речистой. Их ведь только выпусти с плантации, все мигом становятся грамотными. Просто беда!

Пока Риджуэй поджидал в нью-йоркском порту свой контрабандный живой товар, там швартовались величественные суда из Европы, и по сходням спускались пассажиры. Всех пожиток – один мешок, от голода еле на ногах держатся. Ничуть не лучше черномазых, даром что белые. И будут искать свое место в жизни, как он искал. Пока до Юга с его сложившимся укладом доходила лишь легкая зыбь от этой первой волны приезжих. Грязного мутного потока белых, которые бегут «откуда», поэтому им все равно куда. На Юг. На Запад. И жить что люди, что эта шваль должны по одним законам. Канавы Нью-Йорка и без них переполнены гнильем и отбросами, но эти успели-таки сюда добраться.

Риджуэй смотрел, как они ковыляют по трапу, растерянные, испуганные, с красными слезящимися глазами, как вступают в неведомый город. Возможности лежат пред ними, как накрытый для пиршества стол, а они так изголодались. И пусть они в жизни ничего подобного не видели, но свой след на этой земле они оставят. Как оставили его славные поселенцы в Джеймстауне, сделавшие эту землю своей посредством негибаемой расовой логики. Если бы черномазому суждено было быть свободным, он не ходил бы в железах. Если бы краснокожему суждено было владеть землей, он бы не выпустил ее из рук. Если бы белому человеку не было на роду написано стать хозяином этого нового мира, мир сейчас принадлежал бы кому-то другому.

Вот он, Великий Дух, божественная нить, пронизывающая все человеческие устремления: что сумеешь удержать – то твое. Собственность, раб, континент. Вот он, американский императив.

Риджуэй стяжал себе славу благодаря способности добиваться того, чтобы собственность оставалась собственностью своего хозяина. Когда беглец припускал по проулку, Риджуэй знал куда и зачем. В этом был его секрет. Незачем рассуждать о том, куда он побежит дальше. Вместо этого надо сосредоточиться на том, что он бежит от хозяина. Не от жестокого обращения, не от непосильного гнета, а от совершенно конкретного человека. Своего владельца. Этот железный аргумент не давал сбой ни разу. Ни в проулках, ни на сосновых пустошах, ни на болотах. Он наконец-то оставил позади отца с его доморощенной философией. Он не занимался трудами духа. Он не был кузнецом, выполняющим заказ. Не был молотом. И наковальной тоже не был. Он был жаром. Пламенем.

Отец тем временем помер, и дело перешло к кузнецу по соседству. Пора было возвращаться на Юг – домой, в Виргинию, а то и подальше, куда только не занесет работа. Он приехал со своими подручными. Беглых много, одному не справиться. Господин Эли Уитни со своими изобретениями свел в могилу Риджуэя-старшего – старик даже на смертном одре харкал сажей, – и Риджуэю-младшему без дела сидеть не давал. Плантации стали вдвое крупнее, и невольников на них стало вдвое больше. Плантаторы зорко следили, чтобы законотворческое прекраснородушие и аболиционистская болтовня с Севера сюда не доходили. Про ветки подземной железной дороги тут пока и не слыхивали. Но были подсадные ниггеры. Были шифрованные сообщения на последних страницах газет. Они же почитали ниспровержение основ за доблесть. Они, когда охотники за рабами ломались в переднюю дверь, выпускали беглых через черный ход. Налицо был преступный заговор, имевший своей целью кражу собственности, и Риджуэй воспринимал подобную наглость как личное оскорбление.

Особенно бесил его один торговец из Делавэра, некий Август Картер. Крепкий, как все англосаксы, с невозмутимым взглядом голубых глаз, что делало его медоточивые велеречия еще опаснее для публики. Самый вредный тип: аболиционист с типографским станком. «Собрание друзей Свободы состоится в 2 часа пополудни в Миллеровском зале, дабы они могли выразить свое возмущение по поводу чудовищной язвы рабства, поразившей наш народ». Все знали, что дом Картера был для беглых перевалочным пунктом – до реки

каких-нибудь сто ярдов! – даром что облавы заканчивались ничем. Беглые, заделавшиеся активистами аболиционистского движения, превозносили его щедрость в своих речах из Бостона. Аболиционистские прихвостни в методистской церкви во время утренних воскресных проповедей распространяли его памфлеты, а лондонские газеты перепечатывали эту ересь, не давая опровержения. А все печатный станок плюс друзья в судейском корпусе, по решению которых Риджуэй по меньшей мере трижды проигрывал тяжбы. Проходя мимо него в суде, Картер вежливо приподнимал цилиндр.

Им не оставалось ничего, как только нанести Картеру визит за полночь. На головах у них были ладно подогнанные белые мешки для муки, но вот пальцами он потом два дня не мог пошевелить, потому что так лупил Картера по роже, что разбил себе кулаки. Своим подручным он позволил поглумиться над его женой, как прежде не разрешал им глумиться ни над одной черномазой девкой. Делали, что хотели. Долгие годы при виде костра на его лице мелькало подобие улыбки, потому что запах напоминал ему о замечательном столбе дыма, взметнувшемся над домом Картера. Картер потом вроде бы переехал в Англию, в Вустер, кажется, и стал сапожником.

Матери на плантациях говорили негритятам:

– Не будешь слушаться, придет масса Риджуэй и заберет тебя.

Хозяева плантаций говорили:

– Посылайте за Риджуэем.

Когда его впервые вызвали к Рэндаллу, он согласился взять заказ, хоть и непростой. Способности у него был выдающиеся, но не сверхъестественные. Рабы, случалось, ускользали и от него. Мэйбл удалось уйти, но досада почему-то засела в нем надолго, как враг в крепости, не желавший сдаваться. Теперь, когда ему поручили найти дочь той самой беглянки, он понял, почему его так зацепило прошлое поражение. Ветку подземной железной дороги дотянули-таки до Джорджии. Он найдет ее во что бы то ни стало. Найдет и уничтожит.

Южная Каролина

Награда в 30 долларов

причитается каждому, кто доставит владельцу лично либо сдаст в любую тюрьму штата Теннесси для последующей передачи владельцу НЕГРИТЯНКУ со светлой, почти оливковой кожей 18 лет от роду, которая сбежала тому назад девять месяцев. Будучи нраву бойкого, она наверняка станет выдавать себя за свободную гражданку США. Особые приметы: на локте заметный шрам, след от ожога. По дошедшим сведениям, скрывается в окрестностях Эдентона.

Бенджамин П. Уэллс

Мёрфрисборо, января 5-го дня, года 1812

Семейство Андерсонов обитало в симпатичном, обшитом тесом внахлест особняке на углу Вашингтон-стрит и Мейн-стрит. От суеты лавок и магазинов их отделяли несколько жилых кварталов, в которых селились состоятельные жители города. Крыльцо с просторной верандой, где мистер и миссис Андерсон любили посидеть вечерком – он с трубкой и шелковым табачным кисетом, она с пальцами – а дальше, в первом этаже, гостиная, столовая и кухня. Большую часть дня Бесси сновала там, гоняясь за детьми, готовя и убираясь. На втором этаже находилась спальня, общая детская Мейзи и малютки Реймонда и еще одна ванная комната. После обеда, уложив Реймонда, Бесси с удовольствием усаживалась у окна. Мальчик видел сны, а ей были видны только два верхних этажа Гриффин-билдинга со спящими глаза белыми карнизами.

В тот день она приготовила для Мейзи бутерброды с вареньем, чтобы девочка взяла их с собой в школу, почистила столовое серебро и хрусталь, поменяла постельное белье, потом они с Реймондом забрали Мейзи из школы и все вместе отправились в парк. Под модные мелодии, которые наигрывал у фонтана скрипач, дети играли в прятки и гоняли обруч. Реймонда пришлось подзвать к себе, чтобы не связывался с драчуном, причем Бесси старалась действовать как можно деликатнее, чтобы ненароком не рассердить мать этого сукина сына, которую распознать не получилось. Была пятница, значит, после прогулки надо было еще зайти к бакалейщику за продуктами. Солнце все равно спряталось, и набежали облака. Бакалейщик записал солонину, молоко и прочую снедь для ужина на счет Андерсонов. Против слова «подпись» Бесси поставила крест.

Миссис Андерсон вернулась в шесть вечера. Семейный врач посоветовал ей проводить больше времени вне дома, так что ее деятельность по сбору средств на строительство больницы и совместные ланчи с дамами, живущими по соседству, пришлось как нельзя кстати. Она была в хорошем расположении духа и, подзвав к себе детей, среди объятий и поцелуев пообещала, что на десерт будет сюрприз. Мейзи взвизгнула и запрыгала от радости. Потом миссис Андерсон поблагодарила Бесси за работу и отпустила ее, пожелав спокойной ночи.

До дормитория, хоть он и располагался на другом конце города, было не так уж далеко, и можно было срезать, но Бесси нравилось

царившее в центре вечернее оживление, нравилось смешиваться с пестрой толпой горожан, где были и белые, и цветные. Она шла мимо освещенных зданий, подолгу застывая перед большими стеклянными витринами. Вот ателье модистки и ее яркий товар с рюшами и воланами на проволочных распялках, вот полные всякой всячины лавки, эдакий покупательский рай; на каждой стороне улицы по большому магазину, и они конкурируют между собой. Бесси придумала себе забаву: выискивать глазами то, что приказчики добавили на витрину сегодня. Она все никак не могла привыкнуть, что товаров может быть так много.

Более всего ее воображение поражала громада Гриффин-билдинга. Вздымавшееся к небу двенадцатиэтажное здание было одним из самых высоких в стране, и уж конечно ни одна постройка на Юге не могла с ним тягаться. Не зря его называли гордостью города. Первый этаж со сводчатыми потолками, отделанный завезенным из Теннесси мрамором, занимал банк. Там Бесси ни разу не была, а вот на следующие этажи ей доводилось подниматься. На прошлой неделе у мистера Андерсона был день рождения. Она приводила сюда детей, чтобы они поздравили отца, и слышала разносящийся по роскошному вестибюлю звук собственных шагов. Лифт, единственный на сотни миль в округе, доставил их на восьмой этаж. На Мейзи и Реймонда, которые катались на нем много раз, это давно не производило впечатления, но Бесси неизменно охватывала смесь восторга и ужаса, и она в панике отчаянно цеплялась за медные поручни на тот случай, если подъемный механизм сломается.

Они ехали мимо этажей, где находились конторы страховых агентов, экспортных компаний и правительственных учреждений. Места здесь не пустовали. Гриффин-билдинг в качестве адреса сразу поднимал репутацию фирмы до небес. На этаже мистера Андерсона обитали преуспевающие поверенные: пушистые ковры, стенные панели из мореного дуба, двери с вставками из матового стекла. Мистер Андерсон занимался контрактами, по большей части на куплю-продажу хлопка. При виде гостей он несколько удивился. Именинный пирог, подаренный детьми, его порадовал, но он не скрывал, что ему не терпится вернуться к бумагам. Бесси даже подумала, не достанется ли ей на орехи, но ее никто не ругал. На этом визите настояла миссис Андерсон. Секретарша мистера Андерсона

открыла дверь, приглашая посетителей к выходу. Бесси мигом вытолкала детей из кабинета и повела их в кондитерскую.

Сегодня по дороге к dormitorio Бесси снова миновала сверкающие медью двери банка. Это замечательное сооружение она всякий раз воспринимала как памятник радикальным переменам в своих жизненных обстоятельствах. Сейчас она идет по улице как свободный человек. Никто за ней не гонится, никто ее не гонит. Знакомые миссис Андерсон, которые узнают в Бесси ее служанку, могут даже кивнуть с улыбкой.

Потом она из осторожности перешла на противоположную сторону улицы: дальше начиналось скопище салунов с их сомнительными завсегдатаями. Хотела было остановиться, чтобы поискать глазами, не мелькнет ли среди выпивох лицо Сэма, но одернула себя и прибавила шагу. Еще дальше, за поворотом, пошли дома поскромнее, и публика там жила попроще, даром что белые. Вот на углу серый дом, где хозяева плевать хотели на зверские выходки своего пса, а из окон соседних коттеджей на эти безобразия равнодушно взирают чьи-то жены. Мужья у них все больше рабочие на фабриках, реже мастера. Цветной прислуги тут не держали, так что про каждодневный быт обитателей квартала Бесси мало что знала.

Вот наконец и dormitorio. Двухэтажные корпуса из красного кирпича были возведены незадолго до ее появления в городе. Когда-нибудь саженцы деревьев и кустов по периметру разрастутся, и будет тенок и красота, но пока до этого еще далеко. На кирпичных стенах не было видно ни пятнышка, ни единого подтека от дождя, ни даже забившейся в угол гусеницы. Внутри места общего пользования, столовые и дортуары по-прежнему благоухали свежей белой краской. Обитатели отваживались дотрагиваться только до дверных ручек, чтобы, оборони Создатель, чего-нибудь ненароком не замарать или не поцарапать.

При встрече с остальными жильцами dormitorio Бесси здоровалась. Большинство возвращались с работы. Некоторые, наоборот, уходили, подрядившись на вечер посидеть с детьми, пока родители где-то развлекаются. Вечер пятницы всегда выдавался хлопотливым, а вот по субботам почти половина цветных жителей dormitorio не работала.

Вот и дверь с номером 18. В общей комнате девушки заплетали друг дружке косы. Она поздоровалась и побежала наверх переодеваться к ужину. Когда Бесси приехала в город, большая часть из восьмидесяти коек дормитория уже были заняты. Попади она сюда хотя бы на день раньше, могла бы получить место у окна, а теперь надо было ждать, пока кто-нибудь из счастливиц съедет, тогда можно будет занять ее кровать. Из окон тянуло приятным сквознячком, а если улечься правильным образом, по ночам можно было видеть звезды.

Открыв стоящий в ногах кровати сундучок, она достала голубое ситцевое платье, которое купила через неделю после приезда в Южную Каролину, натянула его и пригладила руками юбку. Ей до сих пор нравилось прикосновение легкой ткани к коже. Одежду, в которой она работала у Андерсонов, девушка сунула в узел под кроватью. Вся вторая половина субботы отводилась стирке, так приучили в школе. Но зато по субботам можно было поспать подольше – раз в неделю она себя так баловала.

На ужин была жареная курица с картошкой и морковью. Стряпуха Маргарет жила в восьмом корпусе. Надзиратели в дормитории строго следили, чтобы стряпухи и уборщицы работали не в своих корпусах, а в чужих. Вроде пустяк, но на деле так выходило лучше. Мясо и птица у Маргарет просто таяли во рту, хотя она вечно все пересаливала. Подбирая хлебной корочкой куриный жир с тарелки, Бесси слушала, как соседки обсуждают планы на вечер. Большинство девушек ради предстоящего гулянья собирались остаться в дормитории, но те, кто побойчее, не прочь были дойти до недавно открывшегося салуна для цветных. Там, кроме наличных, к оплате принимали расписки с именем, хотя это было против правил. «Еще один повод обходить это место стороной», – подумала про себя Бесси. Она отнесла тарелку на кухню и собралась было опять подняться наверх, в общую спальню, как вдруг ее окликнул женский голос:

– Бесси!

– Добрый вечер, мисс Люси.

Даже мисс Люси обычно не засиживалась в дормитории так поздно. В пятницу вечером надзиратели уходили домой в шесть, но стараниями девушек из других корпусов Бесси была наслышана о добросовестности мисс Люси, до которой остальным коллегам было еще тянуться и тянуться. Бесси она много раз помогала советом.

Девушка про себя восхищалась ее идеально подогнанными по фигуре накрахмаленными платьями. Тугой пучок на затылке и очки в тонкой металлической оправе придавали ей строгий вид, но летучая улыбка говорила о другом.

– Как дела? Собираешься куда-нибудь? – спросила она Бесси.

– Нет, мисс Люси. Нынче на квартире останусь, отдохнуть хочу.

– Только не «на квартире», а в дормитории.

– В дормитории, – повторила Бесси.

– И не «нынче», а «сегодня». Пора запомнить.

– Хорошо, мисс Люси. Я стараюсь.

– Вижу, что стараешься, – мисс Люси потрепала Бесси по руке. – Зайди ко мне в понедельник, до работы. Мне нужно с тобой поговорить.

– А что стряслось?

– Ничего не стряслось. В понедельник поговорим. А сейчас – до свидания.

С легким поклоном мисс Люси проследовала в свой кабинет.

С поклоном.

И кому?

Ей.

Цветной.

В документах, которые Сэм передал ей на станции, значилось имя Бесси Карпентер. Несколько месяцев спустя, оглядываясь на прошлое, Кора не понимала, как она не померла во время перегона из Джорджии. Чернота тоннеля мгновенно превратила товарный вагон в могилу. Единственным источником света служил лучик, пробивавшийся из кабины машиниста сквозь щель в обшивке передней стенки. В какой-то момент началась такая тряска, что Кора обхватила Цезаря руками, и они застыли на сене, вцепившись друг в друга, с каждым новым толчком прижимаясь все теснее. Было приятно обнимать его, чувствуя теплую тяжесть его вздымающейся в такт дыханию груди.

Потом поезд сбавил скорость. Цезарь вскочил на ноги. Все происходящее поразило беглецов, хотя за дорогу они навиделись всякого. Всякий раз за пройденным отрезком пути начинался новый, доселе неведомый. Сарай с кандалами, потом лаз под землю, потом

этот раздолбанный вагон – подземная железная дорога уводила их все дальше от привычной жизни, в неведомое. Кора призналась Цезарю, что при виде оков решила, будто Флетчер, с самого начала бывший в сговоре с Терренсом, доставил их в камеру пыток. Придуманный ей и Цезарем план, их побег и весь проделанный путь казались фрагментами тщательно выписанной пьесы, автором которой была жизнь.

Станция, на которую прибыл поезд, была очень похожа на ту, где они сели в вагон, только вместо лавки там стоял стол со стульями, на одном из которых примостилась корзинка. На стене горели два фонаря.

Из вагона их выпустил машинист – высокий, с белым венчиком волос вокруг лысины и сгорбленной спиной, говорившей о годах работы в поле. Утирая пот и сажу со лба, он хотел было что-то сказать, но вдруг содрогнулся от разрывающего грудь кашля. Пара глотков из фляжки помогли ему вновь обрести самообладание.

От их благодарных слов он отмахнулся:

– Работа моя такая: котел топить, следить, чтоб паровозка на ходу была, и пассажиров возить.

Он направился к кабине, продолжая наставлять их через плечо:

– Сидите тут и ждите, покудова за вами не придут.

В следующее мгновение поезд скрылся в тоннеле, растворившись в клубах дыма и грохоте.

В корзинке оказалась провизия: хлеб, половина курицы, вода и бутылка пива. Они так изголодались, что вытрясли и поделили последние крошки. Кора даже сделала глоток пива. У подножия лестницы, ведущей наверх, они ждали, готовые ко всему, очередного служащего подземной железной дороги.

Станционный смотритель по имени Сэм оказался белым парнем лет двадцати пяти и, в отличие от уже знакомых беглецам сотрудников подземной железной дороги, безо всяких закидонов. Это был крепкий веселый малый в коричневых штанах на помочах и грубой красной рубахе, которой изрядно досталось от стиральной доски. Его закрученные вверх усы топорщились от рвения. Пожав потерявшим дар речи пассажирам руки, он сказал ободряюще:

– С приездом! Вы молодцы, справились!

Он принес еще еды. Все трое сели за колченогий стол, и Сэм принялся рассказывать им о мире на поверхности:

– Вы теперь далеко от Джорджии, в Южной Каролине. Среди всех южных штатов тут самые прогрессивные взгляды на улучшение жизни цветных. Здесь вы будете в безопасности, а мы попробуем организовать вашу переброску дальше. На это нужно время.

– Сколько? – спросил Цезарь.

– Не берусь сказать. Полно народу, всех надо перевозить. Всегда только на один перегон, потому что связи практически нет. Железная дорога – дело Божие, но управлять ей – не дай Бог.

Он с видимым удовольствием смотрел, как они уписывают принесенную провизию.

– Кто знает, может, приживетесь тут и захотите остаться. Я же говорю, в Южной Каролине все совсем по-другому.

Сэм сходил наверх и вернулся с узелком одежды и кадучкой воды.

– Вам надо помыться. Это для вашего же блага.

Чтобы не смущать их, он присел на ступеньки и отвернулся.

Цезарь предложил Коре мыться первой и тоже отошел к лестнице.

Кора знала, что такое быть голой пред другими, но такая деликатность ее тронула.

Первым делом надо было умыться. Она была грязная, вонючая, а когда полоскала и отжимала тряпку, которой терла себя, с нее текли темные струйки. Новая одежда оказалось не грубой невольничьей робой, а платьем из настолько невесомого ситца, что все ее тело внезапно задышало чистотой, словно его тщательно отскребли с мылом. Это было скромное голубое платьице, очень незатейливое, но она никогда в жизни ничего подобного даже в руках не держала. Хлопок уходил с плантации в одном виде, а теперь возвращался к ней преобразенным.

Когда Цезарь закончил мыться, Сэм вручил им документы.

– Но тут чужие имена.

– Отныне они ваши. Их надо будет выучить и придумать себе биографию. Вы же беглые.

Не просто беглые. Очень может быть, что еще и убийцы. С того момента, как из сарая с цепями они спустились на станцию, Кора ни разу не вспоминала о мальчишке с проломленной головой. Глаза Цезаря сузились. Он, судя по всему, подумал о том же. Нужно было рассказать Сэму о ночной стычке в лесу.

Их новый знакомец никого осуждать не стал. Участь Милашки его искренне опечалила, о чем он прямо сказал:

– Но я про это ничего не слышал. Досюда, правда, такие вести не долетают. Мальчик вполне мог поправиться, хотя вам это уже вряд ли поможет. Так что новые имена вам пригодятся.

– Тут написано, что мы являемся собственностью Соединенных Штатов Америки, – прочитал Цезарь.

– Это ничего не значит. В газетах пишут, что белые переселяются в Южную Каролину целыми семьями. Все бросают и едут аж из самого Нью-Йорка, потому что там нет таких возможностей. Едут вольные негры, и мужчины, и женщины, невиданным потоком. Часть из них в прошлом беглые, но, по понятным причинам, никто не говорит, какая именно часть. Большинство цветных государство честно выкупило. Это либо спасенные от колодок, либо те, кто должен был пойти с молотка при продаже поместий. Агенты отслеживали крупные торги. По большей части, землю продавали те, кто воротил нос от сельского хозяйства. Бывает, что даже в старых плантаторских семьях с их многолетним укладом и традициями находится тот, кому сельская жизнь не по вкусу. На дворе-то новое время. И таким государство предлагало на очень выгодных условиях перебираться со своих плантаций в большие города, гарантируя подъемные, ссуды и налоговые льготы.

– А как же рабы? – спросила Кора.

Финансовые тонкости ей были невдомек, но она сразу почувствовала, когда речь заходила о живых людях, которыми торговали, как вещами.

– Рабы получают еду, жилье и работу. Чтобы жить, где хочется, жениться на том, кто по сердцу, растить детей, которых у родителей никто не отберет. И работу им предлагают хорошую, не то что на плантациях. Да вы скоро все сами увидите.

Сэм помнил, что среди документов, кажется, была и купчая, которая что-то там ограничивала, но ничего серьезного им не угрожало. Все бумаги были выправлены их доверенным лицом в Гриффин-билдинге.

– Ну что, – спросил Сэм, – готовы?

Цезарь и Кора посмотрели друг на друга, потом Цезарь подал ей руку, как заправский джентльмен:

– Прошу вас, миледи!

Кора невольно расплылась в улыбке, и все трое вышли из-под земли на свет божий.

Правительство выкупило Бесси Карпентер и Кристиана Марксона во время публичных торгов по ликвидации имущества несостоятельного должника в Северной Каролине. Сэм помог им это затвердить, пока они шли пешком до города. Сам он жил в двух милях от него, в доме, доставшемся ему от деда. Его родители всю жизнь торговали медной кухонной утварью, на Мейн-стрит, главной торговой улице, у них был собственный магазин, но когда их не стало, Сэм избрал для себя иную стезю. Семейное дело он продал одному из переселенцев, приехавших в Южную Каролину на поиски лучшей доли, а сам нанялся в салун под названием «Дрейф», который держал его добрый знакомый, так что атмосфера заведения была ему по вкусу. Сэму нравилось вблизи разглядывать человеческий зверинец. Выпивка развязывала людям языки, так он узнавал подноготную города. График ему полагался свободный, что было необычайно важно для его второй работы. Под сараем рядом с его домом, совсем как у Ламбли, находилась станция подземной железной дороги.

На подходе к городу Сэм постарался как можно точнее объяснить им, как найти Городской департамент распределения.

– Если заблудитесь, просто идите в этом направлении, – показал он на вздымающийся к небу чудо-небоскреб, – а потом на Мейн-стрит поверните направо.

Он обещал разыскать их, как только узнает что-нибудь про дальнейший маршрут.

Цезарь и Кора шли по пыльной дороге, ведущей в город. Они с трудом верили собственным глазам. Вот из-за поворота вывернул экипаж, и беглецы шмыгнули было в заросли. Возница, молодой цветной парень, поравнявшись с ними, небрежным жестом приподнял шляпу. Совершенно автоматически, как нечто само собой разумеющееся. Так держать себя, в его-то годы! Когда коляска скрылась из виду, они расхохотались над собственной дуростью. Кора выпрямила спину и вздернула подбородок. Первым делом придется научиться ходить, как ходят свободные люди.

Правильная осанка выработалась у нее уже через несколько месяцев. С грамотой и речью пришлось возиться куда дольше. После

разговора с мисс Люси она опять достала из сундучка букварь. Пока ее товарки шушукались и желали друг дружке спокойной ночи, она училась писать. В следующий раз в счете у бакалейщика не будет ставить вместо подписи крест, а аккуратно выведет «Бесси». Только когда пальцы свело и они больше не могли держать карандаш, она погасила свечку и легла. Это была самая мягкая кровать, на которой ей доводилось спать. Правда, она же и единственная кровать, на которой ей довелось спать.

Мисс Хендлер, судя по всему, была святой. Хотя ее великовозрастный ученик не обладал даже начатками грамотности или культуры речи, она обращалась с ним неизменно вежливо и доброжелательно. Остальной класс – а воскресным утром школа всегда была битком – нетерпеливо ерзал, пока старик заплетающимся языком бормотал сегодняшний урок. Потешаясь над звуками, которые он из себя вымучивал, две девчонки, сидевшие перед Корой, кривились и хихикали.

Кора разделяла их чувства. Вне стен школы речь старого Говарда, гремучую смесь из языка его родного племени и невольничьего сленга, было почти не понять. Кора слышала от матери, что в прежние времена такой язык-метис и был истинным голосом плантации. Рабов угоняли из деревень, разбросанных по всей Африке, в каждой из которых говорили на своем наречии. На плантациях слова, привезенные из-за океана, из невольников последовательно выбивали: для простоты, для единообразия, для удушения бунтов в зародыше. Выкорчевывали всё, кроме того, что удавалось схоронить единицам, способным помнить, кем они были раньше. «Они берегли их, как крупницы золота», – рассказывала дочери Мэйбл.

Но сейчас на дворе были иные времена, не материны, ни бабкины – новые. Попытки старого Говарда уразуметь, что не «моя делает», а «я делаю», съедали драгоценное учебное время, которого и так за рабочую неделю набегало совсем мало. Кора пришла сюда учиться сама, а не слушать, как это делает кто-то другой.

Порыв ветра заставил ставни со скрипом раскачиваться на петлях. Мисс Хендлер опустила мелок.

– В Северной Каролине то, чем мы занимаемся, считается преступлением, – сказала учительница. – Попадись мы, меня оштрафовали бы на сотню долларов, а вам закатили бы по тридцать девять плетей каждому. Или хозяин придумал бы наказание пострашнее.

Кора встретила с мисс Хендлер глазами. Учительница была всего несколькими годами старше, но рядом с ней Кора чувствовала себя бестолковым голоштаным негретенком.

– Каких-нибудь несколько недель назад вы были ничем не лучше Говарда. Начинать с нуля всегда очень сложно. Учение требует времени и терпения.

Урок был окончен. Пристыженная Кора сгребла со стола вещи, чтобы побыстрее выйти из класса. Говард рукавом утирал слезы.

Здание школы находилось за женскими корпусами дормитория. Кроме занятий в нем также проводились собрания по поводу гигиены или женских дел, когда серьезность темы не вязалась с домашней атмосферой общей комнаты. Дальше начинался парк, предназначенный для цветного населения. Вечером, во время гулянья, в беседке будут играть музыканты из мужского корпуса.

Мисс Хендлер отчитала их за дело. Сэм не зря говорил, что здесь, в Южной Каролине, иначе смотрят на улучшение жизни цветного населения. До какой степени иначе, Кора имела возможность многократно убедиться за последние месяцы, но самой благотворной оставалась возможность учиться. На плантации Рэндаллов одному из невольников, Джейкобу, Коннелли выколол глаза за то, что тот пытался читать. Плантация лишилась работника, хотя, окажись Джейкоб поспособнее, надсмотрщик, возможно, придумал бы наказание помягче. Но остальным невольникам вперед была наука: вот что ждет каждого, кто захочет учиться грамоте.

– Чтоб лущить кукурузу, глаз не надо, – завил Коннелли. Чтобы уморить себя голодом, тоже. Джейкоб так и сделал.

Плантация осталась в прошлом. Она там больше не живет.

Из букваря вывалилась страница, и девушка подняла ее с травы. Кориными стараниями и стараниями ее предшественников учебник распадался на отдельные листочки. Ей приходилось видеть такие же книжки у малышей, детей много младше Мейзи. Они учатся по ним в школе. Но у них буквари новые, с целыми корешками. В школе для цветных им выдавали старые, с замусоленными страницами, в прописях собственную строчку приходилось втискивать поверх или промеж чужих каракулей. Но зато их можно было держать в руках, не ожидая за это порки.

Ее мать могла бы ей гордиться. Как гордилась, наверное, мать Милашки те полтора дня, пока беглянка была в розыске. Кора положила выпавшие страницы на место. Она смогла отогнать от себя мысли о плантации. У нее это уже лучше получается. Но подлый умишко каждую минуту норовил сыграть с ней злую шутку. Непрошенные мысли червями заползли в голову со всех сторон, снизу, пробиваясь сквозь трещины из наглухо заколоченного прошлого.

Например, мысли о матери. Не прошло и трех недель в дормитории, как она постучала в дверь к мисс Люси. Если все прибывающее в Южную Каролину цветное население подлежит государственной регистрации, то, возможно, где-нибудь в списках значится имя ее матери. Дальнейшая судьба Мэйбл после побега так и осталась загадкой. Она вполне могла оказаться среди вольных, приехавших сюда в поисках лучшей доли.

Кабинет мисс Люси находился дальше по коридору, за общей комнатой. Кора надзирательницу побаивалась, однако пришла. Мисс Люси впустила ее. Кабинет был заставлен конторскими шкафами, так что к письменному столу приходилось подходить боком, но на стенах для украшения висели вышитые панно со сценами сельской жизни. Места для еще одного стула не осталось, так что беседовать с надзирателем посетителю полагалось стоя, от этого беседы получались короткими.

Мисс Люси посмотрела на Кору поверх очков.

– Как, говоришь, звали твою мать?

– Мэйбл Рэндалл.

– Тогда почему твоя фамилия Карпентер?

– Это по отцу. А мать – она была Рэндалл.

– Ах вот оно что, – протянула мисс Люси. – Значит, она была Рэндалл.

Выдвинув один из ящичков, она перебирала пальцами голубые бланки, время от времени бросая на Кору быстрые взгляды. Мисс Люси однажды упомянула, что живет в пансионе недалеко от площади и с ней вместе еще несколько коллег. Кора попыталась представить себе ее жизнь вне стен дормитория. Как, например, она проводит воскресенья? Может быть, ходит куда-нибудь с молодым кавалером? Чем может заниматься в Южной Каролине незамужняя белая женщина? Сама Кора уже понемногу освоилась, но, когда не работала в доме Андерсонов, от дормитория старалась далеко не отходить. Так ей в ее первые недели после тоннеля казалось спокойнее.

Мисс Люси перешла к другому шкафу, выдвинула еще один ящик, потом еще один, но вернулась с пустыми руками.

– Тут у нас документы только на тех, кто проживает в этом дормитории, – объяснила она Коре. – Но он в штате не единственный.

Она записала имя и фамилию ее матери и пообещала посмотреть по основной картотеке, которая хранилась в Гриффин-билдинге. Далее последовало еще одно напоминание об уроках чтения и письма, посещение которых не вменялось в обязанность, но настоятельно рекомендовалось лицам с выраженными способностями, как того требовали прогрессивные взгляды на улучшение жизни цветного населения. И мисс Люси снова принялась за работу.

В тот раз это был порыв. После побега Мэйбл с плантации Рэндаллов Кора старалась навсегда выбросить ее из головы. Только добравшись до Южной Каролины, она поняла, что гнала прочь мысли о матери не от отчаянья, а от ярости. Она ее ненавидела. Особенно теперь, когда ей самой довелось вкусить свободы, у нее в голове не укладывалось, как мать смогла бросить ребенка в таком аду, на произвол судьбы. Ребенка. Конечно, с ребенком бежать было бы сложнее, но ей было десять. Как на хлопке работать, так большая, а как бежать – мала? После всех изуверств, о которых и вспоминать-то страшно, ей оставалось только сдохнуть, если бы не Цезарь с его планом. Там, в поезде, в тоннеле бессмертия, она наконец спросила у него, почему он взял ее с собой.

– Потому что знал наверняка, что сдюжишь, – ответил Цезарь.

Как же люто она ее ненавидела! Сколько ночей провела в убогой хижине, ворочаясь, пихая соседок, разрабатывая планы побега. Можно спрятаться в телеге с хлопком, а миновав Новый Орлеан, спрыгнуть. Можно ласками подкупить караульщика. Можно взять тесак и рвануть по стопам беспутной матери, через болота. Все это бессонными ночами. А при утреннем свете убеждала себя, что все это ей просто приснилось. Что ничего подобного у нее и в мыслях не было. Потому что ходить с этим в голове и ничего не делать было хуже смерти.

Она не знала, куда убежала мать. В одном можно было не сомневаться: свою свободную жизнь она точно не стала тратить на то, чтобы заработать денег и выкупить дочь из рабства. Конечно, Рэндаллы ее никому не продали бы, но это к делу не относится. Ни в одном из списков мисс Люси Мэйбл Рэндалл не значилась. А если бы значилась, то Кора разыскала бы ее, и в морду, в морду!

– Бесси, что с тобой?

Это была Абигайль из шестого номера. Она порой заглядывала к ним на ужин, потому что дружила с девушками, работавшими на

Монтгомери-стрит. Оказывается, Кора застыла посреди лужайки, глядя пред собой.

Она заверила Абигайль, что все в порядке, и вернулась в дормиторий, где ее ждала куча дел. Нет, за мыслями надо было следить неусыпно.

Если собственная личина Кору время от времени сбивалась набок, то с образом вырвавшейся из Северной Каролины Бесси Карпентер она справлялась вполне уверенно. Вопрос мисс Люси о фамилии ее матери не застал ее врасплох, как, впрочем, и любая из тем, которые могли возникнуть в разговоре. В первый же день в Городском департаменте распределения ей задали несколько коротких вопросов, и беседа закончилась. Новоприбывшим предлагали либо работу по дому, либо работу в поле. В большинстве случаев требовалась прислуга. Работодателей предупреждали о недостаточной квалификации соискателей и просили проявлять терпение и снисходительность.

По-настоящему она испугалась на медосмотре, но не из-за вопросов. Сверкающая сталь инструментов в смотровой напомнила ей о пыточных орудиях, которые Терренс Рэндалл мог приказать изготовить для своих злодейских целей.

Кабинеты врачей находились в Гриффине на десятом этаже. Пережив ужас первой поездки на лифте, Кора оказалась в длинном коридоре, где на расставленных вдоль стен стульях сидело множество мужчин и женщин. Это были ожидавшие медосмотра цветные. Сестра в накрахмаленном белом форменном платье нашла ее имя в списке и велела сесть рядом с женщинами. Для всех присутствующих это было первое в жизни посещение врача, так что их испуг можно было понять. На плантации Рэндаллов врача вызывали только после того, как знахарскими снадобьями, кореньями и мазями с недугом справиться не удавалось, а ценный невольник был уже не жилец. В большинстве случаев врачу в такой ситуации оставалось только пожаловаться на отвратительные дороги и получить причитающийся гонорар.

Наконец ее вызвали. Из окна смотровой открывался вид на город и зеленые дали, раскинувшиеся вокруг. Это удивительное сооружение, эту лестницу в небо возвели человеческие руки! Кора могла бы простоять тут целый день, не сводя глаз с открывшегося взору пейзажа, но осмотр мигом вернул ее с небес на землю. Доктор Кэмпбелл зря времени терять не любил. Сему дородному джентльмену

на месте не сиделось, он метался по кабинету в развевающемся белом халате, похожем на плащ крестоносца. Сначала ей задавали вопросы, а сестра записывала ответы на голубом бланке. К какому племени принадлежали ее предки? Что ей известно об их телосложении и конституции? Чем она болела? Не беспокоит ли ее сердце? А легкие? Только тут она поняла, что про головные боли, мучившие ее после ударов набалдашником трости, она забыла с того момента, как приехала в Южную Каролину.

Проверка на умственное развитие оказалась короткой: разложить деревянные фигурки и ответить на вопросы по картинкам. Потом ей велели раздеться для осмотра. Доктор Кэмпбелл бросил взгляд на ее руки. Они стали не такими заскорузлыми, но все равно говорили о годах работы в поле. Пальцы врача пробежались по шрамам от порки. Он наугад назвал количество плетей и ошибся всего на две. Срамные места доктор осматривал с помощью инструментов. Ей было больно и стыдно, а от его холодной отчужденности становилось только горше. Он задал ей вопросы об изнасиловании, потом повернулся к сестре и продиктовал свои соображения по поводу Кориной возможности забеременеть.

Впечатляющий набор металлических инструментов был разложен тут же рядом, на подносе. Выбрав из них самый чудовищный, представлявший собой стальное жало, насаженное на стеклянный цилиндр, он сказал:

– А теперь нам понадобится взять кровь.

– Зачем?

– Анализ крови – это как санитарный кордон на границе. Кровь может очень многое сообщить. О заболеваниях. Об их развитии.

Сестра цепко ухватила Кору за руку, а доктор Кэмпбелл вонзил в нее иглу. Вот почему, сидя в коридоре, она время от времени слышала доносившиеся из кабинетов вопли. Теперь пришел ее черед вопить. Когда все было кончено, она вышла в коридор. Женщин в нем больше не осталось, все стулья были заняты одними мужчинами.

С того дня на десятом этаже Гриффина Кора не была ни разу. От миссис Андерсон она узнала, что, когда открыли новую больницу, кабинеты врачей государственной практики были перенесены туда, а помещения на этаже, вставил мистер Андерсон, мгновенно сдали в аренду. Врач миссис Андерсон принимал пациентов в кабинете на

Мейн-стрит, на втором этаже, над мастерской по изготовлению очков. Дело свое он, судя по всему, знал. За то время, пока Кора служила у Андерсонов, хозяйка стала много спокойнее. Припадки, дни, проведенные за закрытыми дверями в комнате с опущенными шторами, скандалы с детьми – все это теперь проявлялось значительно реже. Выходит, назначения врача – пилюли и пребывание вне дома – помогли.

С субботней стиркой Кора провозилась до ужина, а потом пора было собираться на гулянье. Она надела новое синее платье, красивее которого в лавке для цветных не было. Кора старалась там почти ничего не покупать из-за дороговизны. Она делала покупки для хозяев и с ужасом поняла, что в их местном магазине все было раза в два-три дороже, чем в «белых» лавках. За платье просили ее недельное жалованье, так что пришлось записать его на счет. Вообще-то Кора жила очень экономно. Деньги в ее жизни были вещью новой и не очень предсказуемой, потому что имели привычку неожиданно тратиться сами собой. Ее молодые соседки залезали по уши в долги и любую мелочь должны были записывать на счет, причем Кора отлично понимала, как это получалось. После того как город вычитал из ее жалованья деньги за стол и кров в дормитории, да еще по мелочи за содержание здания и школьные учебники, на текущие расходы почти ничего не оставалось. Так что покупки приходилось записывать на счет. Ну, ничего, выходное платье покупают раз в жизни, утешала она себя.

В спальне царило радостное возбуждение, все готовились к гулянию, и Кора не была исключением. Она быстро принарядилась. Цезарь, должно быть, уже в парке.

Он ждал ее на одной из скамеек, откуда открывался вид на беседку с музыкантами, поскольку знал, что танцевать она не захочет. Теперь он стал выглядеть старше, чем тогда, в Джорджии. Его выходная одежда была с тех же полок «цветной» лавки, Кора ее мигом опознала, но держался он в ней куда увереннее, чем большинство его ровесников, тоже недавних беглецов с плантаций. Работа на фабрике пошла ему на пользу, как, впрочем, и иные обстоятельства их новой жизни. За неделю, что они не виделись, он отпустил усы.

Потом Кора заметила цветы. Она поблагодарила и похвалила букет. Он похвалил платье. Через месяц после их выхода из тоннеля он

попытался поцеловать ее. Она сделала вид, что не заметила этого, а он ей подыгрывал. Когда-нибудь, в свое время, они к этому вернуться. Может, она даже поцелует его сама. Пока она в себе не разобралась.

Музыканты рассаживались.

– Я их слышал, – сказал Цезарь. – Они играют еще лучше, чем наши Джордж с Уэсли.

За несколько месяцев нового существования Кора и Цезарь перестали избегать упоминания о прежней жизни на плантации Рэндаллов. По большей части, подобные разговоры были бы понятны любому бывшему невольнику, окажись он поблизости. Плантация есть плантация. По идее, у каждого должно было быть свое лихо, но на деле все оказывалось скроенным на один манер, и в этой универсальности зла и заключалось самое страшное.

В любом случае, музыка скоро заглушит их разговоры о подземной железной дороге. Хорошо бы музыканты не обиделись на болтовню. Хотя чего им обижаться. Сами, поди, рады-радешеньки, что играют как свободные люди, а не как рабы. Что заводят мелодию не для того, чтоб обитатели невольничьей деревни отвели душу. Что исполняют ее просто в свое удовольствие.

Гулянья, по мнению надзирателей, призваны были стимулировать здоровые отношения между цветными обоюго пола, чтобы душевные травмы, оставленные неволей, потихоньку рубцевались. Музыка и танцы, сладкий пунш и угощение на лужайках, в мерцающем свете фонариков – все это было как бальзам на израненную душу. А Цезарю с Корой наконец-то удавалось перекинуться словом и узнать друг у друга, как дела.

Фабрика, на которой работал Цезарь, находилась за городом, график сменный, поэтому выходные у них с Корой совпадали нечасто. Работа ему нравилась. В зависимости от объема заказов каждую неделю на фабрике собирали какой-нибудь новый механизм. Рабочие занимали места вдоль конвейерной ленты, по которой двигались будущие изделия, и каждый устанавливал свою деталь. В начале сборки на конвейере не было ничего, только разложенные кучками детали по бокам, а в конце, когда последний рабочий затягивал последнюю гайку, перед ними представал результат их труда. По словам Цезаря, видеть результат общего труда оказалось приятно – не то что на плантации, где каждый корячится сам по себе.

Работа была монотонной, но не изматывающей, каждую неделю собирали что-то иное, и это приносило элемент новизны. Смена предусматривала регулярные и достаточно продолжительные перерывы на отдых, рассчитанные каким-то ученым-теоретиком, на которого мастера и начальство без конца ссылались. Люди в цехах подобрались хорошие. В поведении некоторых до сих пор проступало тавро рабства, они будто сводили с кем-то счеты за былые унижения, жили так, словно им так и не удалось избавиться от ига нищеты и бесправия, но каждая неделя открывала перед ними новые возможности, помогая им выправляться.

Наши беглецы, встретившись, не могли наговориться. За неделю столько всего случилось. У Мейзи выпал зуб. На фабрике собирали двигатели для локомотивов – Цезарь, грешным делом, подумал, не установят ли их когда-нибудь на паровозы подземной железной дороги. Он заметил, что цены в «цветной» лавке опять подскочили, но Кора и без него это знала.

– Как дела у Сэма? – спросила она.

С местным станционным смотрителем Цезарю видеться было проще.

– Все как обычно. Причин вроде никаких, а он сияет. Какой-то придурок в салуне поставил ему фингал, так он ходит именинником, дескать, давно мечтал.

– А куда же остальные смотрели?

Он наклонился и свесил руки между коленями.

– Через несколько дней будет поезд. Можем ехать дальше, если захотим.

Последняя фраза прозвучала потому, что он знал, что она ответит.

– Лучше на следующем.

– Да, давай на следующем.

Со дня приезда они пропустили уже три поезда. Первое время они часами обсуждали, что выгоднее: как можно скорее уехать со страшного Юга или продолжать пытаться счастья здесь, в Южной Каролине. Они помаленьку отъедались, подзаработали денег и о язвах плантации начали забывать. Но раньше споры кипели нешуточные. Кора рвалась уезжать, а Цезарь ратовал за то, чтоб не срываться с места. С Сэма какой спрос? Он тут вырос и горой стоял за эволюцию Южной Каролины в расовом вопросе. Чем, в конечном

итоге, этот эксперимент закончится, он не знал, воспитан был в стойком недоверии к правительству, но надеялся на лучшее. На первый поезд они так и не сели. Лучше на следующий.

Следующий как приехал, так и уехал. И спорили они меньше. У Кору в дормитории как раз приготовили вкуснейший ужин. Цезарь купил себе новую рубаху. И перспектива снова бежать куда-то и голодать, да еще и бросить все нажитое почему-то их не прельщала. Потом приехал и уехал третий поезд. И вот теперь четвертый.

– Может, нам насовсем тут остаться? – спросила Кора.

Цезарь не ответил.

Стояла прекрасная ночь. Цезарь оказался прав, музыканты подобрались способные и играли знакомые мотивчики, пользовавшиеся успехом на прошлых гуляньях. Скрипач был местный, с какой-то плантации, паренек, игравший на банджо, – вообще из другого штата. Живя в дормитории, они перенимали мелодии друг у друга, так что их репертуар постоянно расширялся. Публика училась друг у друга танцам, принесенным с разных плантаций, подхватывая движения прямо в кругу. Свежий ветер обдувал их лица, когда они отходили в сторону, чтобы передохнуть или пофлиртовать, а потом снова возвращались в круг, хлопая в ладоши и хохоча.

– Можем насовсем тут остаться, – повторил Цезарь.

На том и порешили.

Гуляние длилось до полуночи. Музыканты пустили по кругу шапку, но многие к концу недели и так были в долгу как в шелку, так что положить им туда было нечего. Попрощавшись с Цезарем, Кора пошла спать и по дороге в свой корпус стала свидетелем странной сцены.

По лужайке перед школой металась женщина. Лет двадцати, худощавая, с дико взлохмаченными волосами. Растерзанная блуза обнажала грудь. На мгновение Коре почудилось, что она у Рэндаллов, где свершилось очередное зверство.

Женщину крепко, но бережно держали двое мужчин, пытаясь ее успокоить. Вокруг толпились люди. Кто-то подбежал за дежурным надзирателем. Кора протиснулась вперед. Из рта несчастной вырывались бессвязные всхлипы, а потом она вдруг взмолилась:

– Мои дети! Детей отдайте!

Стоящие вокруг горестно вздохнули. Сколько раз на плантации им приходилось слышать этот стон матери, разлучаемой со своим

потомством. Коре вспомнились рассказы Цезаря о рабочих с фабрики, в которых так накрепко засела плантация, что даже оказавшись настолько далеко, им не удастся ее из себя вытравить. Она живет в душе. Живет в каждом, чтобы при первой возможности вновь отозваться новыми надругательствами и унижением.

Женщина затихла, и ее повели в самый дальний из корпусов дормитория. Несмотря на облегчение, которое почувствовала Кора, окончательно решив остаться, она провела бессонную ночь, без конца возвращаясь мыслями к крикам женщины перед школой и призракам из собственного прошлого.

– А мне разрешат попрощаться? С хозяевами и с детьми? – спросила Кора.

Мисс Люси была уверена, что разрешат. Андерсоны к ней очень привязались.

– Я что, плохо работала?

Коре казалось, что она сумела приспособиться к более гибкому ритму работы по дому. Она пальцем провела по внутренней стороне ладони. Такая мягкая!

– Бесси, ты замечательно работала, – ответила мисс Люси. – Поэтому, как только открылась эта вакансия, мы первым делом подумали о тебе. Твою кандидатуру предложила я, а мисс Хендлер меня поддержала. Музею нужна совершенно особая девушка, а ты освоилась у нас много лучше остальных. Так что твой перевод можно считать повышением.

Кора успокоилась, но почему-то мешкала в дверях.

– Что-нибудь еще, Бесси? – спросила наводившая порядок на письменном столе мисс Люси.

Прошло уже два дня, как по дороге в dormitorio ей попала на глаза та, мечущаяся женщина, но мысли о ней не давали ей покоя. Что там случилось?

– Ты говоришь о Гертруде?

Мисс Люси огорченно покачала головой.

– Да, это ужасно. Сейчас ей лучше. Несколько дней ей придется полежать, пока она не придет в себя.

Надзирательница объяснила, что за Гертрудой сейчас присматривает сиделка.

– Поэтому дальний корпус dormitorия предназначен для людей с нервными расстройствами. Им лучше не общаться с остальными. Там, в сороковом корпусе, о них есть кому позаботиться.

– Я не знала, что сороковой корпус какой-то особенный. Местная хижина Иова.

– Что-что? – переспросила мисс Люси, но Кора прикусила язык.

– Это временная мера, – объяснила надзирательница. – И мы полны оптимизма.

Кора не знала, что такое «оптимизм». Вечером она спросила соседок по спальне, но те тоже никогда не слыхали такого слова. Она решила, что оптимизм – это терпение. Они полны терпения.

До музея идти надо было в ту же сторону, что и к Андерсонам, только у суда повернуть не налево, а направо. Ей было грустно расставаться с ними. С мистером Андерсоном они почти не виделись – он уходил рано, и окна его кабинета в Гриффине всегда гасли самыми последними. Он тоже был рабом хлопка. Но миссис Андерсон, особенно после того, как стала следовать советам своего врача, относилась к Коре доброжелательно, и дети ей нравились. Мейзи было десять. К десяти годам на плантации радоваться уже отучались. Бегал себе негритенок, не зная забот, а потом все, словно свет выключали, потому что для него начиналась невольничья жизнь. Конечно, Мейзи была избалованная капризуля, но разве это такой уж большой грех? Глядя на девочку, Кора думала, какими бы выросли ее собственные дети.

Мимо Музея чудес природы она постоянно проходила, гуляя с детьми, но никогда не задумывалась, что находится в этом приземистом здании из бурого известняка, которое занимало целый квартал. Каменные львы, охраняющие длинную пологую лестницу, высунув языки от жажды, жадно смотрели на большой фонтан. Стоило Коре войти в зону его притяжения, шум улицы растворился в журчании водных струй, принимающих ее под музейные своды.

Внутри здания ее провели к задней двери, куда посетители не допускались, а потом пришлось поплутать по лабиринту коридоров. Сквозь приоткрытые двери Кора видела людей, поглощенных необычной работой. Один тыкал иглой с ниткой в дохлого барсука. Другой рассматривал на свет желтые камни. В комнате, заставленной длинными деревянными столами, она впервые увидела микроскопы – черные, похожие на блестящих раскорячившихся лягушек.

Потом ее представили мистеру Филду, куратору раздела живой истории.

– То, что надо! – сказал он, рассматривая Кору с тем же выражением, которое она, пока шла по коридорам, видела на лицах людей, рассматривавших какие-то экспонаты.

Мистер Филд всегда говорил быстро, напористо, совсем не так, как южане. Потом она узнала, что его специально пригласили сюда из Бостона, чтобы местный музей начал работать по-новому.

– Видно, что ты отъелась на новом месте, – продолжал он. – Но это ничего. Ты все равно подходишь.

– Мне уборку отсюда начинать? – спросила Кора, стараясь выговаривать слова как можно четче, чтобы с первого же дня на новом месте тягучего говора плантации слышно не было. Она так решила, пока шла по коридорам.

– Уборку? Зачем? Видишь ли, то, чем мы занимаемся...

Мистер Филд осекся.

– А ты вообще когда-нибудь была в музее?

Он объяснил Коре, что такое музей. Этот, например, был посвящен истории и природе Америки. Гражданам молодого государства предстояло так много узнать о своей родине. О дикой флоре и фауне Северо-Американского континента, о буквально лежащих под ногами минералах и прочих богатствах, которые скрывали недра. Некоторые люди, оказывается, за всю жизнь не бывали дальше округа, в котором родились. А этот музей, подобно железной дороге, даст им возможность взглянуть на просторы, которые расстилаются за пределами их крошечного мирка, от Флориды до штата Мэн и Дикого Запада. А также увидеть населяющих эти просторы людей.

– Таких, как ты, например, – сказал он Коре.

Кора работала в трех помещениях. В первый день витринные стекла между экспонатами и посетителями были закрыты серыми драпировками. На следующее утро драпировки раздернули, и в залы хлынула публика.

В первой витрине экспозиция называлась «Сцены из жизни Черной Африки». Основным ее элементом была туземная хижина из жердей, подведенных под островерхую тростниковую крышу. Когда от лиц вокруг становилось невмоготу, Кора пряталась внутрь. Еще там был бутафорский костер (роль языков пламени играли осколки красного стекла) и грубо сколоченная скамья, возле которой были разложены разнообразные орудия труда, сушеные тыквы-горлянки и раковины. С потолка свисали три большие черные птицы, призванные изображать стаю падальщиков, которые кружат у туземцев над головой в ожидании поживы. Коре они напомнили канюков и сарычей, расклевывавших трупы невольников, выставленных на плантации для устрашения.

Спокойный голубой задник витрины под названием «Жизнь на невольничьем корабле» должен был вызвать в памяти лазурное небо Атлантики. Здесь Кора разгуливала по корабельной палубе с

установленной по центру мачтой, вокруг которой валялись бочки и бухты каната. В африканских сценах костюмом ей служил лоскут пестрой ткани. На корабле ее облачили в мундир, штаны и кожаные сапоги, отчего она стала смахивать на разбойника. Речь якобы шла о негритянском мальчике, которому, когда его взяли на борт корабля, пришлось выполнять поручения команды, то есть стать чем-то вроде юнги. Волосы велено было спрятать под красную шапку. На палубе маячила восковая фигура облокотившегося на планширь моряка, высматривавшего что-то в подзорную трубу. Его глаза, рот и щеки были намалеваны по воску жутковатых цветов красками.

«Обычный день на плантации» предписывал ей сидеть за прялкой, так что ногам наконец-то можно было дать отдохнуть. Сиденьем служил кленовый чурбачок, точно как у нее на грядке. Вокруг были расставлены набитые опилками куры, которым время от времени она кидала воображаемые зерна. По поводу достоверности в африканских и корабельных сценах ее терзали сомнения, но жизнь на плантации она знала досконально, поэтому немедленно изложила мистеру Филду свои критические замечания. Мистер Филд вынужден был признать, что невольники не сидят день-деньской за прялками на пороге хижин, но в свою защиту сказал, что, хотя подлинность в их деле превыше всего, размеры витрины диктовали свое. Будь у них больше места, он бы с радостью выстроил для посетителей музея целое хлопковое поле и нашел бы средства на десяток статистов, чтобы было кому на этом поле работать. Хотя бы раз в неделю.

Корино правдолюбие не коснулось ее гардероба в этой сцене. Костюм героини «Обычного дня на плантации» был сделан из настоящей грубой рогожи, как у невольников. Дважды в день она, сгорая со стыда, раздевалась и натягивала на себя эту робу.

Музей выделил мистеру Филду средства на трех статистов или, как он их называл, «типажей». Кроме Кору из класса мисс Хендлер для участия отобрали Айсис и Бетти. Все три девушки были приблизительно одного возраста и телосложения, поэтому костюмы им сшили общие. Во время перерывов троица обсуждала «за» и «против» нового места службы. Мистер Филд, пробыв с ними день-другой, оставил их в покое, решив, что они вполне освоились. Бетти больше всего нравилось, что он никогда не повышал голоса в отличие от ее последних хозяев. Те вроде бы и люди неплохие, но как не с той ноги

встанут или шлея под хвост попадет – давай кричать, хотя она вообще ни при чем. Айсис все радовалась, что можно целый день рта не открывать. Она была родом с маленькой фермы, где, по большому счету, никто ее не трогал, если не считать тех ночей, когда хозяин требовал девушку к себе, и этой чаши, хоть и горькой, было не избежать. Кора скучала по белым магазинам и их полкам, ломившимся от товаров, но у нее по-прежнему оставалась вечерняя дорога домой мимо витрин и игра во «Что изменилось».

С другой стороны, не обращать внимания на музейных посетителей было задачей нелегкой. Дети барабанили по стеклу и грубо тыкали в «типажей» пальцами, заставляя их чуть не подпрыгивать, когда, сидя на корточках, они делали вид, что вяжут морские узлы. Взрослые тоже порой отпускали какие-то комментарии по поводу их пантомимы, какие именно, девушкам слышно не было, но, судя по жестам, не самого пристойного содержания. Каждый час типажи менялись местами, это приносило хоть какое-то разнообразие в повторяющиеся действия, когда надо было то драить палубу, то мастерить силки, то перебирать деревянные муляжи в форме клубней ямса. Единственным требованием мистера Филда к «типажам» было не сидеть на одном месте, но даже на этом он не настаивал. Примостившись на палубе между пеньковых канатов, они в шутку беседовали со шкипером Джоном – так они прозвали восковую куклу.

В один день с экспозицией «живых картин» открылось здание больницы. Новый мэр победил на выборах именно благодаря своим прогрессивным инициативам и теперь делал все возможное, чтобы любая из инициатив его предшественника связывалась не с именем предшественника, а с его собственным, пусть даже претворять эти программы в жизнь начали, пока он сидел себе в Гриффин-билдинге юристом по имущественным спорам. По случаю открытия были шумные празднования, на которых Кора не присутствовала, но на грандиозный фейерверк смогла полюбоваться из окна dormitorio, а больницу рассмотрела, когда подошло время следующего медосмотра. По мере того как цветные переселенцы обживались в Южной Каролине, доктора отслеживали их физическое так же тщательно, как надзиратели их психологическую адаптацию. Все фиксировалось, и, как пообещала Коре мисс Люси, когда они гуляли в парке, придет

время, и все эти цифры, факты, графики внесут свою лепту в осмысление жизни цветного населения.

С фасада больница представляла собой здоровенное одноэтажное здание, которое по длине вполне могло потягаться с высотой Гриффин-билдинга. Более строгого и неприкрашенного сооружения Коре видеть не приходилось; здесь все, включая стены, говорило о деловитости и действенности. Вход для цветных был за углом, но от главного входа для белых он ничем, кроме расположения, не отличался, причем так явно было задумано изначально, а не сделано позже, в угоду модным веяньям.

Кора назвала сестре в регистратуре свое имя и фамилию. В то утро в цветном крыле больницы было полно пациентов. В соседней комнате она увидела мужчин, ждавших очереди на анализ крови. Некоторых из них она уже встречала на гуляньях или во время вечерних прогулок в парке. До приезда в Южную Каролину Кора про всю эту возню с кровью слыхом не слыхивала, но городские уделяли процедуре колоссальное внимание и без конца подвергали ей большую часть мужского населения дормитория. Судя по всему, кровь брали в специальном отделении: пациентов вызывали по списку, и вызванный уходил куда-то по коридору.

Ее саму на этот раз осматривал другой врач, который понравился ей больше, чем доктор Кэмпбелл. Его звали доктор Стивенс, янки с черными, почти дамскими локонами, правда, выхоленная борода сглаживала кажущуюся женственность. Для врача он был слишком молод, хотя, возможно, взлетел так высоко в столь юном возрасте благодаря своим выдающимся способностям. В ходе осмотра у Кору создалось ощущение, что она движется на конвейерной ленте, как какая-нибудь машина в сборочном цеху, про который ей рассказывал Цезарь, и ее бережно и аккуратно передают из рук в руки.

Процедура был не столь подробной, как в прошлый раз. Врач просмотрел записи на голубом бланке, сделанные доктором Кэмпбеллом, и кое-что к ним добавил. Заполняя карточку, он задавал ей вопросы о жизни в дормитории, сделав, в конце концов, заключение, что там «свое дело знают». Ее работу в музее он назвал «интереснейшей службой».

Когда Кора оделась, доктор Стивенс предложил ей присесть на деревянную табуретку и как ни в чем не бывало спросил:

– Раз физическая близость имела место, может, стоит подумать о мерах предосторожности во избежание нежелательной беременности?

Он объяснил, что в штате Южная Каролина активно развивается программа общественного здравоохранения. Населению рассказывают о новых методах предохранения, когда хирурги перерезают женщине фаллопиевы трубы, чтобы не допустить зачатия. Это простая и безопасная операция исключает риск беременности навсегда. В новой больнице для нее созданы все условия, а доктор Стивенс проходил обучение непосредственно у основоположника этой методики, отточившего ее на цветных обитательницах приюта в Бостоне. Одной из причин, по которым его пригласили в Южную Каролину, было обучение местных врачей новой методике, а услуга эта предоставляется цветному населению совершенно бесплатно.

– А если я не хочу?

– Никто не заставляет. Есть такие, кто с этой недели будет подлежать операции в принудительном порядке. Это цветные женщины, у которых более двух детей, и делается это в целях контроля за численностью населения. Умственно отсталые и неполноценные, думаю, понятно почему. Преступницы-рецидивистки. Но ты, Бесси, ни к одной из этих групп не относишься, у тебя, в отличие от них, нетотягчающих, так сказать, обстоятельств. Это просто шанс стать абсолютной хозяйкой собственной судьбы.

Для доктора Стивенса Кора была не первой несговорчивой пациенткой, поэтому он не стал настаивать и по-прежнему тепло и благожелательно сообщил ей, что надзирательница в дормитории располагает всеми сведениями о программе и будет готова дать ответы на ее вопросы.

Она почти бежала по коридору на улицу, чувствуя, что ей не хватает воздуха. Ей не раз приходилось объясняться с белыми представителями власти, и она научилась выкручиваться. На этот раз ее выбила из колеи прямота докторских вопросов и возможные выводы, которые он, как выяснилось, делал. То, что делали с ней на плантации за коптильней, и то, что по любви делают муж с женой, – если послушать доктора Стивенса, это одно и то же. При этой мысли ее чуть не вырвало. А «в принудительном порядке» означает, что женщин из хижины Иова, таких разных, никто слушать не собирается. Как будто они вещи, с которыми доктора вольны делать все, что

пожелают. Миссис Андерсон порой бывала в мрачном расположении духа. Но разве ее объявляли неполноценной? Или врачи предлагали ей что-нибудь подобное? Конечно, нет!

Придя в себя, она обнаружила, что стоит перед домом Андерсонов. Ноги сами привели ее сюда, когда голова была неизвестно где. Или она, не отдавая себе в этом отчета, думала о детях. Мейзи, конечно, сейчас в школе, но маленький Реймонд наверняка дома. Две недели назад им ведь так и не удалось попрощаться.

Открывшая дверь цветная девушка подозрительно разглядывала Кору даже после того, как та объяснила ей, кто она такая.

– Ихнюю служанку звали Бесси, а ты говоришь, тебя звать Кора.

Щуплая коротышка держала дверь крепко и явно была готова грудью преградить вход непрошеным гостям.

Кора мысленно чертыхнулась. Это врач, будь он неладен, сбил ее с толку. Она объяснила, что хозяйева звали ее Бесси, а соседи Корой, потому что она вылитая мать.

– Миссис Андерсон дома нет, – сказала служанка, – а дети с друзьями своими играют. Так что приходи, как хозяйка вернется.

Дверь захлопнулась.

На этот раз Кора шла домой самой короткой дорогой. Хорошо, конечно, было бы поговорить с Цезарем, но он на фабрике. До ужина она пролежала в кровати. С этого дня она старалась обходить дом Андерсонов стороной.

Через две недели мистер Филд решил устроить для своих «типажей» полноценную экскурсию по музею. За месяц, проведенный за стеклом, Айсис и Бетти стали неплохими актрисами, и они весьма правдоподобно изображали неподдельный интерес, пока мистер Филд распространялся о тыквах в разрезе и о количестве годичных колец у вековых белых дубов, о лопнувших аметистовых «почках»-жеодах с внутренней поверхностью, усеянной фиолетовыми кристаллами, что делало их похожими на пасти со стеклянными зубами, о крошечных жучках и муравьях, которых ученым удалось сохранить в специальном веществе. Девицы прыснули в кулачок, увидев в витрине местной фауны чучело россомахи, оскалившейся в застывшей улыбке, краснохвостого сарыча, распластавшего крылья в полете, и косолапого медведя. Все три хищника собирались поразить жертву, но именно в этот момент сами превратились в добычу.

Кора смотрела на восковые лица белых людей. В музее было всего три живых статистки. Фигуры белых изготовили из гипса, проволоки и краски. В одной из витрин два отца-пилигрима, облаченные в дублеты и панталоны из плотной шерсти, указывали на Плимутский камень^[7], а остальные пассажиры «Мейфлауэра» взирали на них с нарисованной на стене фрески. Счастлирое окончание отчаянного плавания, приведшего их к заре новой жизни.

В другой витрине была изображена сцена в гавани: белые колонисты в костюмах индейцев-могавков с преувеличенным рвением сбрасывали с борта корабля сундуки с чаем. В разное время люди томилась под гнетом оков, тоже разных, но распознать восстание труда не составляло, даже если повстанцы, желая остаться неузнанными, рядились в чужое платье.

Типажи гуляли по залам, как настоящие посетители с билетами. Вот двое первопроходцев застыли на гребне хребта, устремив взоры к простирающейся на запад горной стране, сулящей опасности и открытия. Кто знает, что ждет их там? Но они хозяева собственной жизни и без страха смотрят в будущее.

В последней витрине трое белых в почтительных позах вручали краснокожему индейцу свиток пергамента; открытые ладони символизировали готовность к переговорам.

– А это что такое? – спросила Айсис.

– Это настоящий вигвам, – ответил мистер Филд. – Нам хотелось в каждой витрине воссоздать какой-то эпизод, связанный с историческим опытом американского народа. Правду о судьбоносной встрече знает каждый, но когда человек видит это собственными глазами...

– А спят где, внутри? – перебила Айсис.

Мистер Филд терпеливо все разъяснил, после чего типажи вернулись в свои витрины.

– Ну, шкипер Джон, что скажешь? – спросила Кора воскового капитана. – Верить ты, что так происходила эта историческая встреча?

В последнее время, чтобы создать у публики ощущение некоего театрального действия, она частенько вела беседы с манекеном. Краска на его щеках облупилась, обнажив серую восковую основу.

Чучела волков, закрепленные на стояках, вряд ли ввали. И все эти муравейники и минералы тоже не лгали. Но «белые» витрины по

количеству несоответствий и неточностей ничуть не отличались от Кориных обиталищ. Не существовало на свете похищенных работорговцами туземных мальчишек, усердно драивших палубу, как не существовало белых похитителей, ласково трепавших их за усердие по затылку. Вместо шустрого негритенка-юнга в ладных кожаных сапожках, которого она изображала, тут полагалось быть закованному в цепи мальчику, ползающему в трюме по собственным нечистотам. Рабский труд на плантации чисто умозрительно мог включать сидение за прялкой, но по большей части предполагал совсем иные вещи. История не знала случаев, чтобы пряжа падала замертво за прялкой или чтобы за колтун ее заporоли до смерти. Только почему-то об истинном мироустройстве никто говорить не желал. И слушать тоже. И уж конечно менее всего в слушатели годились белые улюлюкающие и ухмыляющиеся чудовища с сальными рылами, приплюснутыми к стеклам витрин, за которыми сидела Кора. Правда оказывалась выложенным на витрину товаром, который, пока никто не видит, чьи-то руки красиво раскладывают, потом меняют на другой, столь же манящий и недостижимый.

Белые пришли на эту землю в поисках лучшей доли. Они бежали сюда от тирании хозяев, совсем как бегущие с плантаций негры. Но почему-то идеалы, которые они исповедовали, предназначались только им одним. На плантации Рэндаллов Коре не раз доводилось слышать, как Майкл декламирует Декларацию независимости, его голос гремел по деревне подобно гневному загробному гласу. Слова, по крайней мере большую их часть, Кора не понимала, но «самоочевидную истину, что все люди созданы равными», усвоила на совесть. Тем паче что белые, которые это написали, тоже, выходит, не понимали, что пишут, раз «все люди» не относилось действительно ко всем людям. Раз эти люди забрали себе то, что принадлежало другим, и осязаемое, например землю, и неосязаемое – свободу... Земля, которую она с таким трудом возделывала, принадлежала индейцам. Ей в память врезались хвастливые рассказы белых о том, как вырезали женщин и детей, чтобы удушить будущее индейцев во младенчестве. Они любили порассуждать о пользе такой резни.

Краденую землю для них возделывали краденые руки. Это была машина, которая не останавливалась, ее вечно голодное нутро жадно требовало новой крови. А с помощью операций, которые подробно

описал Коре доктор Стивенс, белые стали красть будущее. Потому что лишить человека ребенка значит украсть у него будущее. Просто вспороть женщине живот и вырвать оттуда это будущее, истекающее кровью. Безнаказанно истязать ныне живущих, а под конец лишить их надежды на то, что когда-нибудь их потомкам будет полегче.

– И что, шкипер Джон, скажешь, я не права? – спросила Кора.

Порой, если она резко поворачивала голову, ей казалось, что восковая кукла лукаво подмигивает в ответ.

Прошло несколько дней, и как-то вечером Кора вдруг заметила, что в 40-м корпусе не горит ни одно окно, хотя ложиться спать было слишком рано. Она спросила соседок, в чем дело.

– Всех отправили в больницу, – был ответ. – На лечение.

Ночь накануне того, как Риджуэй объявил войну Южной Каролине, Кора коротала на крыше Гриффин-билдинга, пытаясь разглядеть вдали плантацию Рэндаллов. До встречи с Цезарем и Сэмом у нее был целый час, и ей совсем не улыбалось ерзать на кровати под стрекотание соседок по дормиторию.

В прошлую субботу, когда закончились занятия в школе, человек из obsługi Гриффин-билдинга, беглый негр с табачной плантации, рассказал ей, что дверь на крышу не запирается. Подняться туда было несложно. Мартин, так звали парня, объяснил, что, если Кора побаивается белых с двенадцатого этажа, которые, увидев ее выходящей из дверей лифта, могут привязаться с расспросами, надо просто пойти по лестнице до самого верха.

Это был ее второй послезакатный визит. Высота кружила Коре голову, хотелось подпрыгнуть и схватить руками клубящиеся над головой сумрачные облака. Мисс Хендлер рассказывала в классе про египетские пирамиды – удивительное порождение рабского труда и пота. Неужели пирамиды еще выше, чем Гриффин-билдинг? Фараоны, наверное, сидели на самом верху и обозревали свои владения, ведь стоило подняться на определенную высоту, как все окружающее начинало казаться мельче. Внизу, на Мейн-стрит строились трех- и четырехэтажные дома. Кора ежедневно ходила мимо. Конечно, ни один из них пока не мог сравниться с Гриффин-билдингом, но придет время, и по всей округе вырастут братья-сестры гигантской башни. Всякий раз, стоило ей дать волю мечтам, и ее будоражили картины будущего города.

К востоку от Гриффин-билдинга лежал «белый» район с жилыми домами и новыми объектами вроде расширенной городской площади, больницы и музея. Кора посмотрела на запад, где находились корпуса «цветного» дормитория. С такой высоты казалось, что красные кирпичные коробки мощными рядами надвигаются на лесную чащу, тесня ее. Наверное, тут когда-нибудь на еще не проложенной улице встанет ее маленький домик. Где он будет? Вот она укладывает сына и дочку спать в детской на втором этаже. Она пытается рассмотреть лицо их отца, расслышать имена детей, но тщетно. Воображение не дает ответа. Потом она, прищурившись, переводит взгляд на юг, где земли Рэндаллов, только что там разглядишь? Ночь окутала юг тьмой.

А север? Возможно, когда-нибудь она туда поедет.

Ночной ветер заставил ее поежиться. Пора было идти к Сэму. Теперь уже можно.

Цезарь понятия не имел, зачем стационарный смотритель назначает им встречу. Когда он проходил мимо салуна, Сэм подал ему знак и бросил:

– Нынче вечером.

Кора была на подземной железной дороге единственный раз, в день своего приезда, но события, с этим связанные, были до такой степени свежи в памяти, что дорогу она нашла без труда.

Звериные голоса в темной чаще, треск и пение ветвей вернули ее мыслями к побегу и тут же к Милашке, исчезнувшей в ночи.

Сквозь деревья пробивался свет из окон Сэма, и Кора прибавила шагу.

Сэм со своей обычной пылкостью заключил ее в объятия, обдав запахом алкоголя, пропитавшего его волглую рубаху. В прошлый раз пережитые потрясения не позволили ей заметить царящего в доме беспорядка: миски, в которые въелась грязь и копоть, опилки, груды одежды на полу. Чтобы пробраться на кухню, надо было перешагнуть через опрокинутый ящик с инструментами, содержимое которого валялось тут же; груда гвоздей напоминала палочки для игры в бирюльки. Кора подумала, что перед уходом надо бы сказать Сэму, чтобы он попросил в Городском департаменте распределения подобрать ему служанку.

Цезарь уже сидел на кухне за столом, потягивая из бутылки эль. Он захватил для Сэма в подарок свою самодельную плошку, и сейчас поглаживал пальцами дно, словно пытаюсь наощупь определить невидимые глазу трещины. У Кору совершенно вылетела из головы его любовь к резьбе по дереву. В последнее время они виделись не так уж часто. Она с удовольствием отметила, что он приоделся. Накупил, видать, обновок в лавке для цветных. Темный костюм ему очень шел. И галстук научился повязывать, а может, это следы его житья в Виргинии, когда в надежде, что старая хозяйка даст ему вольную, он задумался о своем внешнем виде.

– Что, поезд прибывает? – спросила Кора, садясь за стол.

– Через несколько дней, – сказал Сэм.

Увидев, что Кора и Цезарь заерзали на стульях, он продолжал:

– Я знаю, что вы не собираетесь на нем ехать. Дело не в этом.

– Да, мы решили, что остаемся, – сказал Цезарь.

– Просто мы вам еще не говорили, хотели все хорошенько обдумать, – вставила Кора.

Сэм, пыхтя, откинулся на спинку скрипучего стула.

– Я чертовски рад, что ваша жизнь здесь идет в гору, поэтому пока поезда уходят без вас. Но давайте я вам кое-что расскажу, и тогда, боюсь, тогда вы можете передумать.

Сэм поставил на стол цукаты – он слыл постоянным покупателем в кондитерской «Идеал», расположенной чуть в стороне от Мейн-стрит, – и сразу перешел к делу.

– Хочу вас предупредить, чтобы вы держались подальше от салуна «У Реда».

– Конкуренции опасаетесь? – хмыкнул Цезарь.

Это была шутка. Ни о какой конкуренции речи быть не могло, поскольку в салун Сэма цветные не заходили. «У Реда», по сути, была монополия на обслуживание клиентов из дормитория, которым не терпелось выпить и поплясать, благо выпивку им отпускали в кредит.

– Нет, опасуюсь кое-чего похуже, – ответил Сэм. – Но я, если честно, еще сам не до конца понял, что к чему.

История действительно была непонятная.

Калев, владелец бара «Дрейф», славился на редкость крутым нравом. Про Сэма, напротив, все знали, что он не прочь поболтать с клиентом. У него даже было присловье, что, дескать, «только работая здесь, и узнаешь, чем живут люди в городе». Одним из завсегдатаев его салуна стал доктор Бертрам, новый врач из горбольницы. Сам с Севера, но остальных янки сторонился, предпочитая атмосферу и разношерстную публику «Дрейфа».

– Вот ведь здоров виски хлебать! Грехи, видать, топит, – заметил Сэм.

По вечерам Бертрам, как правило, до третьего стакана помалкивал, но потом под воздействием виски язык у него развязывался и начинал молоть про все подряд: про пургу в Массачусетсе, про истязания младшекурсников в медицинском колледже, про виргинского опоссума, который умеет притворяться мертвым и поэтому, вероятно, обладает начатками разума.

В последний раз он завел речь о дамском обществе. Доктор, по словам Сэма, частенько захаживал в заведение мисс Трамболл, ставя

его выше «Ланчестер-хауса», потому что в последнем девки были, по его словам, угрюмые и неласковые, словно их привезли сюда с медвежьих углов вроде штата Мэн.

– Сэм... – поморщилась Кора.

– Извини, пожалуйста, – спохватился Сэм.

Далее он постарался обойтись без подробностей. Итак, доктор Бертрам перечислил достоинства девок из борделя мисс Трамболл и в заключение добавил:

– Но главное, старина, держись подальше от салуна «У Реда», особенно если тебе по вкусу черномазенькие.

Оказалось, что среди его цветных пациентов несколько человек были завсегдатаями этого салуна и пользовались услугами тамошних красоток. Пациентам говорили, что их лечат от болезни крови. Им прописывали микстуру, которая на деле была подслащенной водичкой, а при этом они, сами того не ведая, принимали участие в экспериментах, связанных с изучением вторичной бессимптомной и третичной стадий сифилиса.

– То есть они считают, что вы их лечите? – спросил Сэм, стараясь говорить как ни в чем не бывало, хотя кровь бросилась ему в лицо.

– Это очень важный эксперимент, – сообщил ему доктор Бертрам. – Если определить способы распространения инфекции, ее, так сказать, траекторию, то потом можно найти способ лечения.

«У Реда» был единственным салуном для цветных в черте города, и владельцу дали скидку на аренду, чтобы держал ухо востро. Изучение сифилиса было лишь частью обширной научной и экспериментальной программы, проводившейся в «цветном» крыле городской больницы. Скажем, в курсе ли Сэм, что негры из африканского племени игбо, иначе именуемые «лесными жителями», склонны к психическим расстройствам? К меланхолии вплоть до самоубийства? В качестве примера доктор напомнил Сэму давний случай, когда сорок рабов, скованных вместе, прыгнули с борта невольничьего судна, предпочтя смерть неволе. Какому психически нормальному человеку пришло бы в голову задумать, спланировать и совершить столь невероятный поступок? Теперь представим себе, что удалось бы как-то вмешаться в репродуктивные процессы черномазых, чтобы склонным к меланхолии просто не давать размножаться. Можно корректировать и другие отрицательные проявления, например, сексуальную агрессию или

неконтролируемые вспышки ярости, и тем самым защитить наших жен и дочерей от посягательств этих дикарей, что, по мнению доктора Бертрама, было первоочередной заботой белых джентльменов Юга.

Доктор придвинулся к Сэму поближе. Он уже читал сегодняшние газеты? Сэм отрицательно помотал головой и еще раз подлил Бертраму в стакан. Не важно, все равно Сэм наверняка помнит, о чем трубят газетные передовицы год за годом. Доктор явно сел на своего любимого конька. Америка ввезла и взрастила такое количество африканцев, что во многих штатах белое население оказалось в меньшинстве. По одной этой причине ни о каком освобождении рабов сейчас даже думать нельзя. Плановая стерилизация – в первую очередь женщин, но позднее представителей обоих полов – вот что позволит безболезненно снять с невольников оковы, не опасаясь, что в благодарность они мигом прирежут освободителей во сне. При подавлении восстаний на Ямайке выяснилось, что предки зачинщиков были вывезены с территории Бенина и Конго, поэтому отличались своеволием и изворотливостью. А если, предвидя это, заранее отсечь дурную ветвь? По словам доктора, сведения о цветных перемещенных лицах и их потомках, охватывающие годы, а то и десятилетия, станут основой самого дерзновенного научного эксперимента в истории. Плановая стерилизация населения, исследования инфекционных заболеваний, возможность оттачивать новые приемы оперативной хирургии на отбросах общества – вот почему весь цвет отечественной медицины стекается в Южную Каролину.

Тут в салун Сэма забрела шумная компания, и ему пришлось заняться новыми клиентами. Доктора Бертрама оттерли от стойки, он немного посидел со стаканом в уголке, а потом потихоньку ушел.

– Вы, конечно, не из тех, кто каждый вечер торчит в салуне, – закончил свой рассказ Сэм, – но я считаю своим долгом вас предупредить.

– Разве дело в салуне? – воскликнула Кора. – Этих людей обманывают, им не говорят, что они больны. Их надо предупредить!

Цезарь кивнул в знак согласия.

– Кому они поверят: нам или белым врачам? – спросил Сэм. – Доказательств у нас нет. Жаловаться властям бесполезно – программа идет за счет средств города. И этот город не единственный, где

налажена система работы с цветными переселенцами. В других городах тоже строятся больницы.

Они толковали об этом, сидя за кухонным столом. Неужели не только врачи, но и все, имевшие отношение к работе с цветным населением, участвовали в этом дьявольском заговоре? Значит, выкупая цветных с плантаций или аукционов, направляя их на ту или иную стезю, белые прежде всего ставят над ними опыты? Так вот для чего слаженно трудятся все эти белые руки, прилежно заносая на голубые бланки цифры и факты. После разговора Кору с доктором Стивенсом мисс Люси перехватила ее по дороге в музей. Ну как, Кора обдумала свое участие в медицинской программе по контролю за рождаемостью? Было бы очень хорошо, чтобы она донесла эту мысль до других девушек. Надзирательница подчеркнула, что ей будут признательны за содействие. В городе открываются разнообразные вакансии, а это дополнительные возможности для наиболее ценных и проверенных людей.

Коре вспомнился вечер, когда они с Цезарем приняли решение остаться, и женщина, метавшаяся по лужайке перед дормиториумом.

– Мои дети! Детей отдайте!

Она терзалась не из-за старых обид на плантации, а из-за нового преступления, совершенного уже здесь, в Южной Каролине. Детей отнимали не бывшие хозяева, а доктора.

– Меня спрашивали, из какой части Африки родом мои предки, – пробормотал Цезарь. – А я ни сном ни духом. Врач сказал, что, судя по носу, из Бенина.

– Не больно-то лестно такое слышать, когда за это кастрируют, – отозвался Сэм.

– Надо предупредить Мэг, – продолжал Цезарь. – Некоторые из ее подружек заходят в салун «У Реда». Крутят там с парнями.

– Что за Мэг? – спросила Кора.

– Девушка, с которой я встречаюсь.

– Я пару дней назад видел тебя с ней на Мейн-стрит, – вставил Сэм. – Красотка, просто загляденье.

– Да, приятный был вечер.

Цезарь, пряча от Кору глаза, отхлебнул пива, стараясь смотреть только на темную бутылку и никуда больше.

Они мало до чего договорились, пытаюсь понять, к кому обратиться, и просчитать возможную реакцию остальных цветных жителей города. Цезарь предположил, что многие предпочли бы остаться в неведении. В конце концов, что все эти слухи в сравнении с тем, откуда они вырвались? Если сопоставить все, что сулит им их нынешнее положение, с досужими россказнями и пережитыми ужасами, к какому выводу они, в результате придут? Согласно букве закона многие из них по-прежнему оставались чьей-то собственностью, с именами, записанными на листах бумаги, хранящихся в конторках чиновников правительства Соединенных Штатов Америки. Предупредить знакомых – это все, что сейчас можно было сделать.

Кора и Цезарь дошли почти до самого города, когда он сказал:

– Мэг служит в одной семье на Вашингтон-стрит. Знаешь, в таких больших домах.

– Это хорошо, что у тебя кто-то есть, – промолвила Кора.

– Ты серьезно?

– Выходит, лучше бы мы уехали?

– А может, нам именно здесь и надо было сойти. А может, и нет. Вот Милашка бы что сейчас сказала?

Кора не ответила. Больше они не разговаривали.

Ей не спалось. На восьмидесяти койках сопели во сне и ворочались женщины. Они легли спать с верой в то, что отныне свободны, что белые не помыкают ими и не решают, какими им быть и что делать. Что своей судьбой они распоряжаются сами. Но на самом деле они были скотиной, которую одомашнивали и пасли. Они по-прежнему оставались живым товаром, подрощенным и холощеным. Содержащимся в дормиториях, словно в клетушках или садках.

Утром Кора вместе с другими девушками отправилась на работу. Когда «типажи» переодевались, Айсис попросила, чтобы они поменялись витринами. Она плохо себя чувствовала и могла только сидеть за прялкой.

– А то ноги не держат.

За полтора музейных месяца Кора вывела для себя последовательность, которая ее больше всего устраивала. Если начинать с «Обычного дня на плантации», удавалось подгадать так,

что ее вторая «смена» в этой витрине заканчивалась сразу после обеда. Эту пародию на рабство Кора ненавидела всей душой и стремилась разделаться с ней как можно быстрее. Переход с плантации на невольничий корабль, а с него в глубины Черной Африки был исполнен некой утешительной логики: время словно бы поворачивало вспять, прочь от Америки. Каждый раз, завершая день «Сценой из жизни Черной Африки», она неизменно погружалась в воды покоя; шутовское действие переставало быть шутовством и превращалось в подлинную отдушину. Но Айсис нельзя было отказать. Придется закончить один день рабыней.

На хлопковом поле за ней всегда смотрели беспощадные глаза надсмотрщика или десятника. «Не разгибаться!» «Еще тот ряд пройти!» У Андерсонов днем, когда Мейзи была в школе или в гостях, а Реймонд спал, она работала без догляда и указки. Это была ее маленькая награда. Музейные витрины возвращали ее к хлопковым рядам Джорджии, под тупыми взглядами любопытствующих она снова была выставлена на всеобщее обозрение.

Однажды она решила дать отпор белой рыжеволосой дамочке, которая скривилась при виде Кориных действий «в открытом море». Кто знает, может, когда-то она была замужем за моряком с порочными наклонностями, и поэтому от нахлынувших воспоминаний ее перекосило – причину враждебности Кора не знала и знать не хотела, – но дамочка ее зацепила. Кора твердо и яростно посмотрела ей в глаза, не отводя их, пока посетительница, смешавшись, почти бегом не ретировалась в соседний отдел, посвященный сельскому хозяйству.

После этого раз в час Кора выбирала себе из публики жертву для «дурного глаза».

Молоденький клерк, вынырнувший из-за конторки в Гриффин-билдинге, какой-нибудь живчик, запыхавшаяся матрона с гуртом сорванцов, юнец с кислой миной, из тех, кто вечно барабанит по стеклу, пугая «типажи», – сегодня один, завтра другой. В толпе она нащупывала слабое звено, которое под ее взглядом гнулось и ломалось. Слабое звено... Ей нравился этот образ. Отыскивать слабинку в сковывающей тебя цепи. Отдельное звено – штука вполне победимая. Но, несмотря на свою уязвимость, вкупе с себе подобными оно превращается в гигантские оковы поработившие миллионы. Ни один из людей, которых она выбирала – старых, молодых, из богатых

кварталов города и из районов попроще, – никогда не притеснял ее лично. Но все вместе они ее сковывали. И если продолжать и дальше разбивать по одному слабому звену всякий раз, когда оно попадает к ней на глаза, возможно, из этого выйдет какой-то результат.

«Дурной глаз» у нее получался на славу. Взгляд, поднятый от невольничьей прялки или бутафорского туземного костра, пригвождал жертву к месту, словно букашку или клеща в коллекции насекомых. И они всегда сдавались, эти люди, не ожидавшие этой ведьминской атаки, отступали назад, потупившись, или начинали оттаскивать спутников от витрины. Кора считала это отменным уроком: пусть зрители знают, что рабыня-негритянка тоже смотрит на них. В день, когда Айсис было невмоготу, во время своей повторной вахты на корабле она посмотрела через стекло и узнала косички Мейзи. На девочке было платьице, которое Кора столько раз стирала и вешала сушиться. Это была школьная экскурсия. Кора узнала лица мальчишек и девчонок, которые пришли в музей, хотя те давно забыли, как выглядит бывшая служанка Андерсонов. Даже Мейзи сначала ее не признала, но когда Кора пригвоздила ее взглядом, девочка все поняла. Учительница подробно рассказывала о сцене, изображенной в витрине, дети показывали пальцами на шкипера Джона и потешались над его приклеенной улыбкой, а Мейзи стояла с искаженным от ужаса лицом. Ни один сторонний наблюдатель не смог бы понять, что в тот момент происходит между этими двумя. Так уже было один раз, когда они с Блейком впились друг в друга глазами над сколоченной им собачьей будкой. «Моя возьмет, Мейзи», – словно говорила ей Кора. Так и вышло. Девочка убежала прочь сломя голову. Зачем Кора это сделала – она сама не знала, и до самого вечера, пока не переделалась, чтобы идти в дормиторий, пребывала в замешательстве.

Вернувшись с работы, она зашла к мисс Люси. Целый день она ломала себе голову над словами Сэма, крутила их и так и эдак, рассматривая на просвет, словно уродливую побрякушку. Надзирательница не раз выручала Кору. Но теперь в ее предложениях и советах чувствовался умысел. Так крестьянин всякими уловками принуждает осла двигаться в нужную сторону.

Когда Кора просунула голову в дверь кабинетика, надзирательница складывала в стопку голубые бланки. А вдруг на одном из них

значится ее имя с какими-нибудь примечаниями, подумала она и тут же одернула себя. Не ее имя. А имя Бесси.

– Только недолго, – сказала надзирательница.

– Я видела, что в сороковом корпусе опять живут. Но из старых никого нет. Они все еще в больнице, на лечении?

Мисс Люси напряглась и опустила взгляд на бланки:

– Их перевезли в другой город. Нам нужны места для новых переселенцев, например, таких, как Гертруда. А тех, кому необходима специальная помощь, направляют туда, где им смогут ее оказать.

– И оттуда они уже не возвращаются?

– Нет, не возвращаются.

Мисс Люси посмотрела на собеседницу оценивающим взглядом.

– Я вижу, что тебя это беспокоит. Ты умная девушка, Бесси, и я по-прежнему надеюсь, что даже если ты сама полагаешь, что сейчас в этой операции не нуждаешься, ты будешь замечательным примером для остальных девушек. Если хорошенько подумать, это же все ради блага твоего народа.

– Я могу сама за себя решать. Почему они не могут? На плантации все решал хозяин. Я думала, это уже давно позади.

Мисс Люси чуть не подпрыгнула от такого сопоставления:

– Ну, если ты не видишь разницы между нормальными здоровыми людьми и душевнобольными, слабоумными или преступниками, то ты не та, за кого я тебя принимала.

Да, я не та, за кого вы меня принимали.

Их разговор прервала еще одна надзирательница постарше, по имени Роберта, которая представляла в дормитории департамент трудоустройства. Это она несколько месяцев назад устроила Кору к Андерсонам.

– Люси, ты тут? Тебя ждут.

Мисс Люси недовольно поморщилась.

– У меня все готово. Но в Гриффин-билдинге точно такие же списки. Согласно закону о беглых рабах, мы обязаны передавать им беглых и не чинить препятствий, но это не значит, что нужно бросить все, чем мы занимаемся, просто потому, что какой-то охотник за невольниками во что бы то ни стало желает получить вознаграждение. Укрывательством убийц мы здесь не занимаемся.

Она поднялась, прижимая к груди пачку бланков.

– Бесси, мы вернемся к нашему разговору завтра. Пожалуйста, обдумай наше решение еще раз.

Кора вышла на лестницу. Села на ступеньки. Мало ли кого они ищут. В дормитории полно беглых, есть те, кто только-только сбросил оковы, есть те, кто уже долгие годы живет сам по себе. Да мало ли, кого они ищут.

Они разыскивают убийц.

Первым делом Кора бросилась к дормиторию Цезаря. График его она знала, но от ужаса не могла сообразить, в какую он сегодня смену. Снаружи никаких угрожающего вида белых – так, по ее представлениям, должны были выглядеть охотники за беглыми – она не заметила. Через лужайку Кора помчалась в мужской корпус. Старичок у входа косо посмотрел на нее – посещение девушкой мужского дормитория всегда воспринималось двусмысленно – и сообщил, что Цезарь пока с работы не приходил.

– Хочешь – сиди, жди.

Смеркалось. Кора мучительно думала, пойти или нет на Мейн-стрит. В городских списках она значится под именем Бесси, но после их побега Терренс велел отпечатать объявления с их портретами, намалеванными довольно грубо, но сходство было схвачено, так что смышленому охотнику на беглых достаточно было одного взгляда в ее сторону. Она понимала, что не сможет заснуть, пока не поговорит с Сэмом и Цезарем. Девушка решила идти по Элм-стрит, которая шла параллельно Мейн и тоже упиралась в квартал, где находился салун «Дрейф». За каждым углом ей чудилась группа ухмыляющихся всадников с винтовками и факелами. В салуне уже стоял дым коромыслом, одних «дрейфующих» она знала, других нет. Ей дважды пришлось пройти мимо витрины, пока стационарный смотритель, заметив ее, не сделал ей знак идти к черному ходу.

В салуне громко хохотали. Кора скользнула сквозь полосу света, пробивавшуюся в проулок из окон. Задняя дверь была приоткрыта. Сэм, притаившийся в тени, стоял, поставив ногу на ящик, и шнуrowал ботинок.

– Я уж не знал, как передать, – произнес он. – Охотника на беглых зовут Риджуэй. Он сейчас спрашивает констебля про вас с Цезарем. Еще двое его молодцов сидят, пьют виски.

Он протянул ей листок бумаги. Это было объявление, такое же, как те, про которые рассказывал Флетчер, за одним только исключением: теперь, когда она знала грамоту, слово «убийство» резануло ее в самое сердце.

Из бара доносились громкие возгласы, и Кора отступила глубже в тень. Сэм сказал, что освободится только через час. Он постарается узнать как можно больше и, если получится, попытается перехватить Цезаря по дороге с фабрики. А Коре разумнее всего будет ждать их в доме Сэма.

Она давно не бегала так быстро, стараясь держаться ближе к обочине и при каждом звуке шагов ныряя в лес. В дом Сэма она зашла с заднего крыльца, юркнула на кухню и зажгла свечу. Сидеть она не могла и, померив кухню шагами, принялась за единственное дело, которое могло ее успокоить. К приходу Сэма она перемыла всю посуду.

– Плохо дело, – выпалил запыхавшийся станционный смотритель прямо с порога. – Один из их шайки примчался сразу после нашего разговора. Тот еще типчик, на шее ожерелье из отрезанных ушей, как у индейца. Остальным сказал, что стало ясно, где тебя найти. Они поехали на встречу со своим главным, этим Риджуэем. Не понимаю откуда, но они знают, кто ты такая.

Кора беспокойно вертела в руках вырезанную Цезарем плоску.

– Сейчас вся шайка в сборе, – продолжал Сэм. – Цезаря я не видел, но мы еще раньше договаривались, в случае чего он придет либо в салун, либо сюда, так что наверняка он уже на подходе.

Чтоб не разминуться, Сэм решил вернуться в «Дрейф» и подождать его.

– Кто-нибудь мог заметить, как мы разговаривали? – спросила Кора.

– Спустишь-ка ты лучше на платформу.

Вдвоем они оттащили в сторону кухонный стол и толстый серый ковер, потом откинули крышку люка, которая никак не хотела поддаваться. Снизу потянуло затхлым воздухом; фитилек свечи заплясал. Кора схватила какую-то еду, фонарь и шагнула в темноту. Крышка над ее головой опустилась, и было слышно, как встает на прежнее место стол.

Она ни разу не была в церкви для цветных. На плантации Рэндаллов молиться запрещалось, чтобы не поощрять непрошенных

мыслей об освобождении, а по приезде в Южную Каролину ей даже в голову не приходило сходить в церковь. Цветные смотрели на это косо, но ей давно стало плевать, как на нее смотрят. Может, сейчас надо молиться? На платформе было слишком темно, чтобы разобрать, где вход в тоннель. Сколько им понадобится времени, чтобы вычислить Цезаря? Как быстро он сможет бежать? Она знала, что в самых крайних случаях люди дают обеты. Это что-то вроде сделки, чтобы спала лихорадка у младенца, чтобы прекратил лютовать надсмотрщик, чтобы вырваться из ада невольничьей жизни. Правда, никаких плодов эти сделки не приносили. Лихорадку сбить порой удавалось, а плантации как стояли, так и стоят. Поэтому она не молилась.

За ожиданием она не заметила, как заснула. Проснувшись, она прокралась на цыпочках по лестнице, притулилась на верхней ступеньке, точно под крышкой, и сидела, жадно вслушиваясь. Там, наверху, еще была ночь, а может, уже наступил день. Кору мучили голод и жажда. Она пожевала хлеба с колбасой.

Так, двигаясь вверх-вниз по лестнице, то припадая ухом к потайной дверце, то отходя от нее, она коротала час за часом. Доев последние крохи, она впала в полное отчаянье, раз за разом обращаясь в слух под дверь, но оттуда не доносилось ни звука.

Разбудил ее грохот, разорвавший пустоту. Там, наверху, был не один человек и не двое, их было много, очень много. Они громко орали, обшаривая дом, переворачивая мебель и круша шкафы. Стоял страшный шум, который был совсем рядом. Кора сползла вниз и съежилась у подножия лестницы. Слов погромщиков она разобрать не могла. Потом они ушли. Стыки в двери не пропускали ни единого луча света. Запаха дыма она не почувствовала, только услышала звон бьющегося стекла и треск горящего дерева.

Там, наверху, дом был объят пламенем.

Стивенс

Анатомический театр Прокторского медицинского колледжа находился в трех кварталах от главного здания, почти в тупике, второй дом от конца. Поступить в Проктор было проще, чем на более престижные медицинские факультеты в Бостоне. От желающих отбоя не было, и студентов становилось все больше. По условиям стипендии учащийся Алоизиус Стивенс должен был работать по ночам. Администрация колледжа предоставляла ему льготы по оплате обучения и место для занятий – ночные смены, как правило, проходили спокойно и не отвлекали от книг, – а взамен получала сотрудника, который ночью сможет принимать трупы.

Карпентер со своей труповозкой приезжал под утро, почти перед самым рассветом, когда жители квартала должны были вот-вот проснуться, но сегодня прибыл около полуночи. Стивенс погасил лампу в прозекторской и побежал вверх по лестнице. Он чуть не забыл теплое кашне, потом спохватился, потому что погоды стояли холодные. Осень словно напоминала им, что приближается суровое время года. С утра шел дождь, и Стивенс отчаянно надеялся, что дорога не раскисла, потому что у единственной пары башмаков подметки были в плачевном состоянии.

Карпентер и его подручный Кобб ждали на облучке. Стивенс со своими инструментами сел в повозку. Он согнулся в три погибели и сидел так, пока они не отъехали на почтительное расстояние, когда можно было не опасаться, что кто-то из студентов или преподавателей попадется им на пути. Время было позднее, но заезжий ученый из Чикаго нынче вечером читал лекцию про скелет, и после нее публика еще вполне могла кочевать по местным салунам. Стивенс досадовал, что лекцию известного анатома ему не довелось посетить – условия его контракта частенько лишали его возможности присутствовать на вечерних выступлениях приглашенных знаменитостей, – но предвкушение денег несколько скрашивало разочарование. Большинство его соучеников происходили из состоятельных семей Массачусетса, так что о крыше над головой и куске хлеба могли себе позволить не заботиться. Когда повозка проезжала мимо салуна «У

Макгинти», откуда доносились взрывы смеха, Стивенс надвинул шляпу на глаза, пряча лицо.

– Мы сегодня в Конкорд, – сказал Кобб, обернувшись к Стивенсу и протягивая ему флягу.

Обычно по соображениям безопасности Стивенс неизменно отказывался, когда Кобб предлагал ему отхлебнуть из горлышка, поскольку, хоть и был еще студентом, смог верно диагностировать заболевания, которыми явно страдал его подельник. Но сегодня ветер задувал слишком уж сильно и зло, и до возвращения в анатомический театр им предстояло долгие часы месить на холоде грязь. Стивенс сделал большой глоток и поперхнулся. В горле горело огнем.

– Что это? – выдавил он.

Кобб с Карпентером прыснули.

– Брат мой двоюродный сочинил. Крепковато на твой вкус?

Скорее всего, нынче вечером он просто слил вместе недопитые остатки из всех стаканов в салуне, а теперь потешался. Но за розыгрыш Стивенс был не в претензии. За те месяцы, что они работали вместе, Кобб проникся к нему симпатией. Он представлял себе реакцию юноши, когда Карпентер срочно высвистывал его, потому что их третий подельник либо пьян в стельку, либо сидит в кутузке, либо по каким-то иным причинам своей роли в их ночных экспедициях выполнить не может. Кто бы мог подумать, что лоценький богатенький мальчик сумеет так крепко держать язык за зубами (богатым Стивенс не был, да и лоск его пока был исключительно плодом воображения)? В городе за похищение трупов недавно стали приговаривать к повешенью, и поскольку трупы висельников впоследствии передавались в анатомические театры для учебных вскрытий, в работе Стивенса можно было при желании усмотреть некоторую логику или иронию судьбы.

– Виселицы я не боюсь, – как-то признался ему Кобб. – Это быстро, раз – и вздернули. Плохо, что на глазах. Я бы предпочел помирать без свидетелей. А то стоят, понимаешь, смотрят, как из человека дерьмо вываливается. Что за радость?

Разорение могил скрепило их дружбу. Теперь, когда Кобб называл его «доктором», в этом слышалось не глумление, а почтение.

– Ты не им чета, – сказал он Стивенсу, когда однажды ночью они тащили труп через задние двери, – не чистоплюй какой.

Все верно. Студенту-хирургу было не до чистоплюйства, особенно когда дело касалось материала для аутопсии. Анатомия с момента своего становления как наука всегда остро нуждалась в трупах. Через полицейские участки, суды и тюрьмы на прозекторские столы порой попадали покойные убийцы и проститутки. Человек, страдающий редким недугом или увечьем, мог по завещанию на возмездной основе передать свое мертвое тело для нужд науки; некоторые врачи делали это безвозмездно, ради научного интереса, но их было мало, и спрос значительно превышал предложение. Торговля трупами и для покупателей, и для продавцов была делом опасным. Богатые медицинские колледжи перебивали цену у тех, что победнее. Платить надо было за труп плюс какую-то сумму за постоянные услуги поставщика и за доставку. В начале учебного года, на пике спроса, цены взмывали вверх, а к концу семестра, когда острой необходимости в образцах не было, трупы шли со скидкой.

Стивенсу ежедневно приходилось сталкиваться с патологическими парадоксами. Казалось бы, цель профессии врача – продление человеческой жизни, но вместе с тем подспудно всегда присутствует надежда, что число больных не иссякнет. Врачебная ошибка приводит к суду по обвинению в недостатке профессионального мастерства, но стоит попасться на незаконной добыче трупов, и тот же суд покарает тебя за попытку это мастерство приобрести. В Прокторе студенты платили за патологоанатомические образцы из своего кармана. Первый же курс анатомии включал в себя два полных вскрытия – но где было Стивенсу набрать на это деньги? Дома, в штате Мэн, мать избаловала его своей стряпней. Здесь после платы за обучение, учебники, посещение лекций и комнату ему оставляла гроши на хлеб да воду.

Когда Карпентер пригласил Стивенса в дело, он не колебался ни минуты. Тогда, во время доставки первого трупа, много месяцев назад, внешность осквернителя могил его напугала. Великан-ирландец могучего сложения, неотесанный грубиян, от которого вечно пахло сырой землей. У Карпентера с женой было шестеро детей; болтали, что двоих из них, скончавшихся от желтой лихорадки, он продал в анатомический театр медицинского колледжа. Может, это сплетни, но Стивенс все равно не решился бы его расспрашивать. С другой стороны, подпольная торговля трупами к сантиментам не располагает.

Бывали случаи, что, разрыв могилу, похититель узнавал в представившемся пропавшего родственника или близкого друга.

Свою шайку Карпендер собирал по салунам, сплошь пьянь да рвань, как на подбор. Днем они дрыхли, к вечеру набирались как следует, а потом отправлялись на дело. «Время работы неудобное, но определенным личностям подходит». Личностям с преступными наклонностями, закоренелым, не подлежащим исправлению ни под каким видом. Работа была мерзопакостной. Самой невинной частью ее были набеги на кладбища по горячим следам, тогда конкуренцию им составляли только падальщики-трупоеды. Стоило чуть припоздниться, покойника мог умыкнуть кто-то другой. Чтобы сорвать «поставки» конкурентов, Карпендер закладывал их полиции, которая врывалась в прозекторские. Если две соперничающие шайки сталкивались на одном погосте для нищих, поножовщина разгоралась прямо среди могильных плит.

– Вломили мы им.

Таковыми словами Карпендер заканчивал каждую историю о своих подвигах, обнажая в ухмылке почерневшие зубы.

В зените карьеры он сумел довести все трюки и уловки своего ремесла до высот дьявольского искусства. Он привозил гробовщику тачку камней, которые ложились в гроб вместо покойного, а тело в той же тачке забирал с собой. Специально нанятый актер обучил своих племянников и племянниц рыдать по заказу, это были профессиональные плакальщики. С ними можно было обходить морги и требовать официальной выдачи тел пропавших без вести родственников, хотя, когда предоставлялась возможность попросту стащить у коронера мертвеца, Карпендер не брезговал и этим.

Не раз он продавал труп в анатомический театр медицинского колледжа, потом заявлял о покойнике в полицию, отправлял одетую в черное жену добиваться выдачи тела якобы скончавшегося сына и в конце концов перепродавал покойника другому колледжу. Поскольку округ в результате сэкономил на погребальных выплатах, власти смотрели на исчезновение мертвецов сквозь пальцы.

Постепенно торговля мертвыми приобрела такой размах, что родственники усопших стали выставлять дозоры на могилах, боясь, что иначе близких утащат под покровом ночи. Стоило ребенку пропасть, как он тут же превращался в жертву сатанинского заговора:

его наверняка поймали, умертвили и продали прозекторам. Газеты запестрели гневными передовицами, и закону пришлось сказать свое слово.

В новых условиях большинство конкурентов Карпентера расширили географию своей деятельности и теперь, чтобы грабить могилы, совершали набеги на самые отдаленные кладбища. Карпентер специализировался исключительно на черномазых.

Эти черномазые вокруг могил родных дозором не ходили. Они не барабанили в дверь шерифа, не осаждали редакции газет. Ни один шериф не обращал на них внимания, ни один газетчик не стал бы с ними разговаривать. Тела их усопших исчезали в мешках и вновь появлялись в холодных покойницких при медицинских колледжах, чтобы раскрыть медикам свои тайны. Каждого из них Стивенс воспринимал как чудо, обнажающее перед ними хитросплетения Божьего промысла.

Карпентер произносил слово «черномазый», словно урчащий шелудивый пес, обгладывающий кость: чер-р-номазый, ниггер-р-р!

Стивенс таких слов никогда не произносил. Он осуждал расовые предрассудки. Если разобраться как следует, у неграмотного ирландца Карпентера, которому общество не оставило другого занятия, кроме осквернения могил, было куда больше общего с негром, чем с белым доктором. Разумеется, он никогда бы не решился заявить об этом вслух. Иногда, глядя, куда идет современный мир, он начинал сомневаться, не слишком ли его взгляды радикальны. Соученики говорили чудовищные вещи о цветных жителях Бостона: об их запахе, умственной неполноценности, животных инстинктах. И, тем не менее, подходя со скальпелями к трупу негра, эти студенты делали для прогресса цветного населения куда больше, чем самые велеречивые аболиционисты. Смерть превращала негра в человека. Только посмертно он оказывался равным белому.

На окраине Конкорда они остановились у невысоких деревянных ворот и стали ждать сигнала сторожа. Вот он помахал фонарем туда-сюда, и повозка Карпентера въехала на кладбище. Кобб заплатил сторожу, как было условлено, и тот провел их к сегодняшней богатой поживе: две могилы взрослых, две подростковые и три младенческие. От дождя земля стала помягче. Работы на три часа. Когда могилы

снова засыплют, никому и в голову не придет, что в них кто-то порылся.

– Ваш скальпель, доктор, – произнес Карпенгер, протягивая Стивенсу лопату.

Поутру он снова превратится в студента-медика, а нынче ему предстояло поправить смерть. «Осквернить могилу», возможно, было ближе к истине. «Поправить смерть» звучало напыщенно, но тоже верно. Благодаря ему люди после смерти получали возможность послужить благу делу, чего при жизни были лишены.

Изучение мертвых, не раз думал Стивенс, способно повлечь за собой изучение живых, которые, в отличие от трупов, смогут свидетельствовать за себя.

Он потер руки, разгоняя кровь, и вонзил лопату в землю.

Северная Каролина

Сего месяца 16-го дня из усадьбы нижеподписавшегося Ригдона Бэнкса в окрестностях Хендерсона бежала самочинно или же при содействии третьих лиц молодая негритянка по имени МАРТА, являющаяся собственностью заявителя. Означенная негритянка цвет кожи имеет темно-коричневый, телосложения субтильного, на язык весьма бойкая. Лет ей от роду 21. Была в шляпе черного шелка с перьями. При себе имела два стеганых покрывала из набивного ситца. Будет наверняка выдавать себя за свободную гражданку США.

Ригдон Бэнкс

Округ Гренвилл, августа 28-го дня, года 1839

Свечей больше не было. Кора проснулась потому, что ее укусила крыса. Придя в себя, она ползала по земляному полу платформы и пыталась нашарить крысу, но не нашла. Кажется, дом Сэма превратился в пепелище сутки назад, но точнее она сказать не могла. Если бы время можно было взвесить, как на плантации Рэндаллов взвешивали хлопок, то одну чашу весов тянули бы вниз нарастающие голод и страх, а на другой стремительно таяла надежда. Узнать, сколько ты провел в темноте, можно только когда тебя спасут. Другого способа нет.

К этому времени свечка ей была нужна скорее для компании, она наощупь вытвердила каждую подробность своего узилища.

Платформа была двадцать восемь шагов в длину, от стены до края – пять с половиной шагов, дальше начинался рельсовый путь. От мира на поверхности ее отделяли двадцать шесть ступенек. Потолочная дверь, когда она прижимала к ней ладонь, была теплой. Она знала, на какой ступеньке, если ползти вверх, обязательно зацепишься юбкой за сучок (на восьмой), о какую ступеньку, если быстро съезжать вниз, обязательно оцарапаешься (о пятнадцатую). В углу платформы, как она запомнила, стояла метла. Ею можно было обстукивать пространство перед собой, как это делают слепые, когда ходят с тростью; как это делал Цезарь в ночь побега, проверяя глубину трясины. Но потом она либо чересчур расхрабрилась, либо просто споткнулась и рухнула прямо на пути, потеряв в темноте и метлу, и всякое желание подыматься на ноги. Лучше свернуться калачиком и лежать.

Но выбираться было надо. Долгие часы в темноте в ее воображении разыгрывались сцены из Музея ужасов с собственными типажам: Цезарь, которого линчует гогочущая толпа; Цезарь, размазанный в кровавое месиво по полу фургона охотников за невольниками, направляющихся на плантацию Рэндаллов, где беглого раба ждет наказание. Добряк Сэм в тюрьме; Сэм, вываленный в дегте и перьях; Сэм, которого допрашивают о подземной железной дороге; Сэм с переломанными костями, забитый до бесчувствия. Банда белых с закрытыми лицами, прочесывающих пепелище. Они открывают потайной люк, ведущий к лестнице на платформу, и извлекают оттуда Кору на пытки и муки.

Все эти сцены она, когда не спала, расцветчивала кровавыми подробностями. Во сне экспонаты ее воображаемого Музея ужасов

приобретали оттенок безумия. Вот она бродит туда-сюда перед стеклами витрины, изнывая от боли. Музей закрылся, ее заперли в отсеке «Жизнь на невольничьем корабле», который лег в вечный дрейф между двумя материками; снизу, из трюма, рвутся крики сотен увозимых с родины в рабство. В следующей витрине мисс Люси вспарывает ей живот ножом для бумаг, и из открывшейся раны вываливаются тысячи черных копошащихся пауков. Снова и снова ее возвращали в ночь за коптильней, где больничные сиделки держали ее за руки и за ноги, а Терренс Рэндалл с урчанием подминал ее под себя. От кошмаров ее пробуждали жуки и крысы, которым становилось невмоготу от любопытства, и она вновь возвращалась в станционный мрак.

Живот у нее под пальцами ходил ходуном. Ей и раньше приходилось голодать, когда Коннелли вздумал наказать обитателей деревни за какие-то проступки и их перестали кормить. Но, чтобы работать, им все равно нужно было есть, потому ради хлопка наказание получилось коротким. Сейчас не было никакой надежды хотя бы узнать, когда ей доведется поесть в следующий раз. Поезд опаздывал. В тот вечер, когда Сэм рассказывал им про дурную кровь – дом еще стоял на месте, – прибытие следующего поезда ожидалось через пару дней. Время давно вышло. На сколько именно поезд опаздывал, Кора понятия не имела, но задержка не сулила ничего хорошего. Возможно, ветку прикрыли. Линию обнаружили, и движение по ней прекратилось. Так что никакого поезда не будет вообще. Пройти все это невообразимое количество миль до следующей станции по темному тоннелю ей не под силу, к тому же неизвестно, что ждет ее там.

Цезарь. Если бы у них хватило здравого смысла не задерживаться здесь, они с Цезарем сейчас были бы в Свободных штатах. Как они могли поверить, что двум жалким невольникам перепадет что-то от щедрот Южной Каролины? Что за новой жизнью далеко ходить не надо, стоит только пересечь границу штата? Это же все равно был Юг, а пальцы у дьявола ловкие и длинные. И под конец, после всего, что им пришлось пережить, как можно было не распознать оковы, опутавшие их по рукам по ногам? Оковы Южной Каролины были нового образца, с браслетами и ключами местного производства, но

свою функцию выполняли хорошо. Так что, как ни крути, далеко им с Цезарем уйти не удалось.

В темноте Кора не видела собственных рук, но много раз видела арест Цезаря. Как его забирают в проходной фабрики, хватают по пути в «Дрейф», где он должен встретиться с Сэмом. Вот он идет по Мейн-стрит под руку со своей подружкой Мэг. Мэг кричит, когда его сбивают с ног, и ее отшвыривают в сторону. Стань они с Цезарем любовниками, их наверняка взяли бы вместе, и они не томились бы сейчас каждый в своем узилище. Хоть что-то пошло бы по-другому. Кора подтянула колени к груди и обхватила их руками. Она бы наверняка его разочаровала. Беспризорница – она и есть беспризорница, причем не только в том смысле, как это понимали на плантации – сирота, за которой некому присматривать, – а шире. Когда-то, много лет назад, она отбилась от остальных и теперь никак не может вернуться к людям.

Земля слегка задрожала. В грядущем, вспоминая это неожиданное прибытие опоздавшего поезда, она всякий раз будет связывать эту дрожь не с локомотивом, а с беспощадным явлением ей истины, которую она всегда знала: беспризорница. Отщепенка. Без роду, без племени.

Вздрагивающий луч света вынырнул из-за поворота. Кора инстинктивно поправила волосы, понимая, что подземное заключение красоты ей вряд ли прибавило. Но машинист ее не осудит. Все это тайное ведомство представляло собой братство чудиков. Она оживленно замахала обеими руками, упиваясь горячим оранжевым светом, заливавшим платформу.

Поезд промчался мимо станции и скрылся из виду.

Она практически свалилась на рельсы и завывала ему вслед, обдирая себе горло, отвыкшее от звуков за время заточения; стояла, не в силах поверить в случившееся, а ее колотило. Потом она услышала, как поезд остановился и начал сдавать назад.

Машинист пытался заглядить свою вину.

– Берите уж тогда и сэндвич, – предложил он, глядя, как она, захлебываясь, сосет воду из бурдюка.

Сэндвич она взяла, хотя раньше от свиного языка нос воротила, а насмешку пропустила мимо ушей.

– На станции не должно было быть пассажиров, – сказал машинист, поправляя очки.

Ему было лет пятнадцать, совсем мальчишка, тощий и горящий энтузиазмом.

– Но я же есть, – ответила Кора, облизывая пальцы. На зубах закрипела земля.

Заложив большие пальцы за помочи комбинезона и перекатываясь с носков на пятки, паренек вскрикивал «Боже!» и «Мама дорогая!» при каждом новом повороте сюжета в ее рассказе. Его речь ничем не отличалась от речи белых подростков, гонявших мяч на городской площади. В ней слышалась беспечная уверенность, совершенно не вязавшаяся ни с его цветом кожи, ни с делом, которым он занимался. Он мог бы порассказать, как так вышло, что ему доверили водить паровоз, но времени на поразительные истории из жизни цветных мальчишек, увы, не было.

– Станция в Джорджии закрыта, – произнес он, почесывая голову под синей кепкой. – Думаю, патрульщики все пожгли. Теперь там остановка запрещена.

Он слазил в кабину за урыльником и пошел к краю тоннеля, чтобы его опорожнить, продолжая говорить:

– От станционного смотрителя никаких сигналов не поступало. У меня маршрут. И этой остановки в нем нет.

Он рвался уехать немедленно.

Кора колебалась, не в силах отвести глаз от лестницы, на ступеньках которой мог в последнюю минуту возникнуть ее спутник. Не пассажирка, а наказание. Вздохнув, она направилась к кабине.

– Э, нет, – сказал паренек, – сюда нельзя. Не положено.

– Ну не поеду же я там одна.

– Перевозка пассажиров разрешена только в пассажирском вагоне, мисс. У нас с этим очень строго, мисс.

То, что было прицеплено к паровозу, в основании напоминало товарный вагон, который привез ее в Южную Каролину, но выше колес сходство заканчивалось. Потолок и стены отсутствовали, а низкие дощатые бортики крепились прямо к раме с колесными парами. Назвать плоскую открытую платформу «пассажирским вагоном» было явным преувеличением.

Она залезла наверх, и поезд содрогнулся от подготовительных маневров молодого машиниста. Повернув голову, он с преувеличенным пылом помахал пассажирке рукой.

На полу, словно свернувшиеся змеи, валялись ремни и веревки для фиксации крупных грузов. Кора села в центр платформы, трижды обмотала себя веревкой вокруг пояса, потом взяла по ремню в каждую руку и вцепилась в них, как в вожжи, натянув, что было сил.

Поезд нырнул в тоннель. На Север.

– По-е-е-е-ехали-и-и-и!!! – завопил машинист.

«Мальчишка – он и есть мальчишка, – подумала Кора, – несмотря на ответственную должность». Она оглянулась. Ее подземная тюрьма таяла в сгущавшейся тьме. Похоже, она была тут последним пассажиром. Дай Бог, чтобы следующий беглый не вздумал тут задержаться, а ехал дальше, по пути к свободе.

По дороге в Южную Каролину, пока их с Цезарем подбрасывало, Коре все же удалось поспать, притулившись к его теплему боку. Теперь она за всю дорогу ни разу не сомкнула глаз. Ее так называемый «пассажирский вагон» оказался на ходу довольно устойчивым, но стремительный поток воздуха превратил платформу в эпицентр урагана. Время от времени ей приходилось отворачиваться, чтобы перевести дыхание.

Машинист, не чета прошлому, был парнем рискованным и гнал паровоз быстро, заставляя его набирать и набирать скорость. Всякий раз на повороте платформу побрасывало. Море ей было знакомо только по «сменам» в Музее чудес природы, но теперь эти доски дали ей почувствовать, что такое качка и шквалистый ветер. До нее доносилось мурлыканье машиниста, но песни были незнакомые, какие-то обрывки с Севера, которые прибило сюда штормом. В конце концов она сдалась и легла ничком, запустив пальцы в щели между досками.

– Ну, как оно там? – спросил машинист, когда они остановились.

Поезд стоял где-то в середине тоннеля, до станции еще было ехать и ехать.

Кора щелкнула «вожжами».

– Отлично! – одобрительно сказал паренек, вытирая со лба пот и сажу. – Нам еще примерно столько же. Надо размять ноги. Паровоз-то у нас с норовом, даром что старенький.

Он ласково похлопал по котлу.

Только когда они снова тронулись, Кора сообразила, что забыла спросить, куда они едут.

Станция под домом Ламбли в Джорджии оказалась вымощена затейливым узором из цветных камней. Стены платформы, за которой смотрел Сэм, были обшиты досками. Строители станции, на которую они прибыли, просто вырубили ее в толще неподатливой земли, даже не пытаясь с помощью отделки повыгоднее преподнести дело рук своих. Оставшиеся зазубрины, борозды и выпуклости обнажали белые, рыжие и ржаво-красные пласты, пронизывающие стены, словно вены. Паровоз привез их в недра гор.

Машинист взял в руки один из висевших по стенам факелов. Как строительство закончилось, порядок тут явно не наводили. Вся платформа была заставлена оборудовани­ем и инструментами для пробоя штольни, что делало ее похожей на мастерскую. Пассажирам приходилось сидеть на пустых ящиках из-под динамита. Кора подошла к бочке и попробовала воду – свежая! После гравиевого дождя, обрушившегося на нее по пути через тоннель, ее небо и рот превратились в наждак. Она надолго припала к ковшу. Машинист, переминаясь с ноги на ногу, смотрел на нее.

– Где мы?

– В Северной Каролине, – ответил паренек. – И раньше, как мне рассказывали, это была оживленная станция. Теперь все по-другому.

– Кто тут станционный смотритель?

– Я его никогда не видел, но могу вас заверить, что человек он хороший.

Действительно, чтобы работать в такой дыре, нужно было обладать хорошим характером и не бояться мрака. После долгого заточения под домом Сэма Кора на такое была не способна.

– Я еду дальше. Какая там следующая остановка?

– Я же вам все пытаюсь сказать, мисс. Я обходчик.

По его словам, из-за возраста к перевозке пассажиров его пока не допускали и доверяли только технику. После того как станция в Джорджии закрылась – подробностей он не знал, но, по слухам, их рассекретили, – началась проверка всех линий, чтобы можно было пустить движение по новым маршрутам. Поезд, которого дожидалась Кора, отменили, а когда пустят следующий, никто не знал. Пареньку поручили собрать сведения для отчета и вернуться на узловую.

– А добраться до следующей станции нельзя?

Машинист подвел ее к концу платформы и вытянул вперед руку с фонарем. Через полтора десятка ярдов тоннель обрывался, и начиналась необработанная порода.

– Позади у нас ветка, ведущая на Юг. Мы по ней приехали. Угля у меня сейчас ровно на то, чтобы пройти по ней назад и в депо.

– Мне на Юг нельзя, – прошептала Кора.

– Тогда надо ждать станционного смотрителя. Он наверняка скоро придет.

Когда машинист уехал, ей стало тоскливо. С ним, несмотря на его ребячество, было веселее.

Теперь у нее был свет и еще одна вещь, которой в Южной Каролине она была лишена, – звук. С потолка равномерно падали капли, собираясь между рельсами в темные лужи. По белому каменному своду расползались красные прожилки, похожие на пятна крови, проступившие после порки сквозь рубаху на спине. Но звук, как ни странно, заставил ее приободриться. Кроме того, тут была пригодная для питья вода, факелы по стенам, а главное, между ней и охотниками на беглых пролегло большое расстояние. Так что Северная Каролина, пусть даже глубоко под землей, – это был шаг вперед.

Кора решила осмотреться. Станция примыкала к грубо прорубленной штольне тоннеля. Деревянный потолок поддерживали опорные стойки. Ноги то и дело спотыкались о камни, торчащие из земляного пола. Сперва она пошла налево, переступив через ручеек, набежавший от сочившейся из стен воды. Всюду валялись проржавевшие инструменты: зубила, кувалды, кирки – оружие, которым гору брали приступом. Воздух был пропитан сыростью. Она провела ладонью по стене, и на коже остался слой белой пыли. В конце коридора к каменной стене была прикручена лестница-стремянка, ведущая в укромный лаз. Кора подняла факел над головой. Где заканчивались перекладыны и сколько их было, она не видела. Только убедившись, что противоположный конец коридора сужается и упирается в безнадежный тупик, Кора отважилась подняться по лестнице.

Пройдя немного по верхней штольне, она поняла, почему рабочие побросали инструмент и исчезли. Обрушившаяся кровля засыпала тоннель, превратив его в груды камней и земли от пола до потолка. С противоположного конца он тянулся ярдов на тридцать, а потом

обрывался. Корины страхи были не напрасны. Она снова очутилась в западне.

Рухнув на камни, она рыдала, пока не впала в забытье.

Разбудил ее стационарный смотритель.

– Вот так номер, – сказал он.

Его круглое красное лицо проглядывало сквозь отверстие, которое он проделал в куче каменных обломков.

– Как вы сюда попали?

– По подземной железной дороге, сэр. На поезде.

– Разве вам не сообщили, что станция закрыта?

Кора закашлялась и встала на ноги, одергивая перепачканное платье.

– Господи, – запричитал смотритель.

Его звали Мартин Уэллс.

Совместными усилиями им удалось расширить отверстие в завале, чтобы Кора смогла протиснуться сквозь него. Смотритель помог ей сползти вниз с таким видом, словно предлагал руку благородной даме, выходящей из роскошного экипажа. После нескольких поворотов забрезжила надежда. Кора кожей почувствовала свежее дуновение ветра. Она захлеб глотала воздух, словно пила его, а разверзшееся над головой ночное небо, усыпанное сочными, спелыми звездами, казалось ей после заточения под землей самой сладостной пищей.

Мартин Уэллс был толстым, как бочка, человеком в годах с мягким одутловатым лицом. Для сотрудника подземной железной дороги, которому опасности и риск по определению должны быть хорошо знакомы, он проявлял крайнюю нервность и озабоченность.

– На станции не должно было быть пассажиров, – повторил он слова привезшего ее машиниста. – То, что случилось, крайне нежелательно.

Отдуваясь и отбрасывая седые волосы с потного лба, Мартин объяснил почему. Из-за ночных набегов патрульщиков над стационарным смотрителем и пассажирами подземной железной дороги нависла смертельная опасность. Зброшенная слюдяная шахта лежала на отшибе. Она давно считалась выработанной индейцами, и все про нее по большому счету забыли, но патрульщики регулярно прочесывали пещеры и шахты в округе, потому что именно в таких местах беглые могли укрываться от правосудия.

Обрушившаяся кровля, так испугавшая Кору, на самом деле должна была замаскировать деятельность, протекавшую внизу, на станции и в тоннеле. И хотя поначалу все шло неплохо, новые законы штата Северная Каролина сделали дальнейшую работу станции невозможной. Мартин сегодня шел туда с единственной целью: оставить записку для машиниста, что прием пассажиров прекращен, и необходимость принять Кору или любого другого беглого застала его врасплох.

– Особенно с учетом нынешней ситуации, – прошептал он, озираясь, словно патрульщики поджидали их на выходе из балки.

Мартин сказал, что ему надо отойти, чтобы подогнать фургон, и Кора сильно засомневалась, что он вернется. Он клялся и божился, что ждать ей придется совсем недолго. Занимался рассвет, а при дневном свете перевезти ее будет совершенно невозможно. Она была так благодарна возможности выйти на свет божий, что решила ему довериться, и когда он все-таки вернулся с фургоном, запряженным двумя костлявыми гужевыми клячами, едва не бросилась ему на шею. Переложив мешки с зерном и семенной пшеницей, они высвободили для нее узкий карман. В прошлый раз, когда нужно было прятаться в повозке Флетчера, требовалось место для двоих. Мартин покрыл груз просмоленной парусиной, и фургон с грохотом покатил прочь, а возница, пока они не выехали на дорогу, все чертыхался себе под нос.

Они проехали совсем немного, когда лошади встали. Откинув парусиновый полог, он сказал:

– Скоро взойдет солнце, поэтому я хочу успеть кое-что показать. На это надо посмотреть.

Кора не сразу поняла, что он имеет в виду. Проселок был тихим, по обе стороны шли леса. Вот она увидела один силуэт, потом другой.

Кора вылезла из фургона.

С деревьев подобно гниющим украшениям свисали трупы, частью нагие, частью полуодетые. На штанах темнели пятна, оставшиеся после опорожнения кишечника, когда на шее затянули петлю. Два ближайших к ней тела, которые выхватил из темноты фонарь смотрителя, были покрыты страшными ранами и увечьями. Одного кастрировали, и на месте бывшего мужского достоинства сейчас зияла чудовищная каверна. Рядом с ним повесили женщину. Ее живот

вздулся, но Кора никогда толком не могла отличить беременную от небеременной.

Их выкатившиеся из орбит глаза смотрели на нее с укором, потому что нечего глазеть, но разве пристальный взгляд цветной девчонки, потревожившей их покой, мог идти хоть в какое-то сравнение с тем, как глумился над ними мир с того момента, как они пришли в него?

– Эту дорогу у нас называют «Тропой свободы», – произнес Мартин, снова закрывая воз парусиной. – Тела развешены на деревьях до самого города.

В какой же новый ад привез ее поезд?

Когда фургон остановился, она выскользнула наружу и шмыгнула за угол желтого дома, принадлежавшего Мартину. Светало. Мартин постарался загнать фургон как можно глубже во двор. Со всех сторон его обступали соседние дома, стоявшие очень тесно – каждый, проснувшийся от топота копыт, мог выглянуть из окна и увидеть ее. Фасад дома выходил на улицу, а дальше расстилалась лужайка. Мартин поманил ее, она пробралась на заднее крыльцо и юркнула в дом. Высокая белая женщина в ночной сорочке стояла в кухне, привалившись к обшитой дубовыми панелями стене. Не глядя на Кору, она отхлебнула лимонад из стакана, который держала в руке, и проронила:

– Угробить нас решил.

Это была Этель, жена Мартина.

Они жили в браке уже тридцать пять лет.

Пока он мыл над тазом трясущиеся руки, супруги не обмолвились ни словом, Кора поняла, что, когда она ждала его в балке у заброшенной шахты, Мартин с женой успели поскандалить по ее поводу, и у скандала наверняка будет продолжение после того, как они решат, куда ее спрятать.

Этель отвела Кору наверх, потому что Мартин должен был поставить фургон на место. Кора успела бросить быстрый взгляд на скромно обставленную гостиную, но вспомнив о предупреждении Мартина, ускорила шаг. Сквозь окна падали лучи утреннего солнца. Длинные выбившиеся из-под чепца седые волосы Этель доходили ей почти до пояса. Ее поступи Кора испугалась сильнее всего: женщина как будто плыла по воздуху, словно ненависть поднимала и несла ее вперед.

На верхней площадке лестницы Этель остановилась и произнесла, указав на дверь в умывальню:

– Быстро туда. От тебя несет.

Когда Кора вышла, ее отвели на чердак. Она чуть не ударилась макушкой в потолок тесной душной коморки, зажатый между двумя скатами островерхой крыши. Чердак за годы превратился в скопище старого хлама: поломанные стиральные доски, гора траченных молью одеял, стулья с продавленными сиденьями. В углу притулилась детская лошадь-качалка, обтянутая мохнатой шкурой.

– Это теперь всегда будет закрыто, – сказала Этель, показывая на окно в потолке.

Она пододвинула стоявший у стены ящик, встала на него и потянула на себя крышку потолочного люка.

– Ну же, пошевеливайся, – процедила она, скорчив мину. На незваную жиличку Этель так ни разу и не взглянула.

Коре отвели тесный закуток между потолком и кровлей: меньше ярда в высоту и четыре с небольшим ярда в длину. Чтобы высвободить себе жизненное пространство, она сдвинула к стенам стопки заплесневелых газет и пыльных книг. Было слышно, как Этель спускается по лестнице вниз, а потом снова поднимается на чердак. Она принесла еду, кувшин с водой и ночной горшок. Подавая все это через потолочный люк, Этель впервые встретила с Корой глазами.

– Служанка все время ходит туда-сюда. Если она услышит хоть один звук, то донесет, и нас всех убьют. Сегодня к нам приезжает дочь с семьей. Они не должны узнать, что в доме есть посторонние. Это понятно?

– А сколько мне так сидеть?

– Запомни, ни звука, ни единого звука. Если тебя услышат, нам конец.

Люк захлопнулся.

Единственным источником воздуха и света было отверстие в стене, выходящей на улицу. Кора подползала к нему под стропилами. Этот занозистый глазок проковырял с внутренней стороны кто-то из предыдущих постояльцев, взбунтовавшись против условий проживания. Интересно, что стало с ним дальше.

В первый день своего заточения Кора знакомилась с жизнью в парке – островок зелени за улицей оказался парком. Прикинув к

глазку, она ерзала из стороны в сторону, чтобы сделать зону обзора как можно шире. Со всех сторон парк окружали однотипные двух- и трехэтажные каркасные дома, различавшиеся только цветом штукатурки да мебелью на идущих вдоль фасадов верандах. Трава была расчерчена аккуратными вымощенными кирпичом дорожками, петляющими туда-сюда под сенью высоких развесистых деревьев. У главного входа журчал фонтан, окруженный низкими каменными скамейками, которые не пустовали от восхода до глубокой ночи. Сменяя друг друга, их занимали то старички с носовыми платками, то детвора с воздушными змеями и мячиками, то молодые влюбленные пары. Вокруг с визгом носился коричневый пес, которого все тут знали. С полудня до вечера по траве гоняли дети, то и дело забираясь на белую эстраду, вросшую в землю на краю парка. Пес, набегавшись, дрыхнул под кустами или в тени гигантского дуба, вершина которого свободно вздымалась над остальными деревьями. Судя по количеству предлагаемых ему посетителями парка костей и всяческих лакомств, пес не голодал. Всякий раз при виде того, как жадно он набрасывается на еду, у Коре начинало урчать в животе. Она про себя окрестила пса Мэром.

По мере того как солнце поднималось в зенит и в парке кипела жизнь, жара превращала Корино убежище под крышей в раскаленную духовку. Теперь кроме бдений у смотрового глазка ее основным занятием стали переползания из одной части душного закутка в другую в поисках несуществующего оазиса прохлады. Выяснилось, что, пока служанка Уэллсов по имени Фиона в доме, хозяева на чердак ни ногой. Мартин целыми днями торчал в лавке, Этель ходила по городу с визитами, а Фиона, молодая девушка с напевным ирландским выговором, постоянно находилась внизу. Коре было слышно, как за работой она то что-то мурлычет себе под нос, то костерит отсутствующих хозяев. В первый день она на чердак не поднималась, но от звука ее шагов Кора превращалась в застывшую куклу, ничуть не лучше своего корабельного собеседника шкипера Джона – утренние предупреждения Этель возымели действие.

В самый первый день в доме были гости – дочь Мартина и Этель Джейн с мужем и детьми. Радостный, легкий нрав Джейн Уэллс, видать, унаследовала от Мартина, и ее широкое лицо было скроено по

фамильному лекалу, вся в отца. Зять и обе внучки как заведенные сновали по комнатам, поднимая страшный грохот, и их было не остановить. Одна из малышек полезла было на чердак, но после беседы о нравах и привычках привидений раздумала. А ведь привидение в доме действительно было, правда, цепей, со звоном или без, оно уже не носило.

Вечером в парке по-прежнему яблоку негде было упасть. Кора решила, что народ стекается сюда по главной улице, которая должна быть неподалеку. Пожилые женщины в синих с белым клетчатых платьях украшали эстраду синими и белыми драпировками с гирляндами из золотых листьев. Семьи, заняв места поближе к сцене, расстилали на земле пледы и вытаскивали из принесенных с собой корзинок ужин. Жители близлежащих домов высыпали на веранды с бокалами в руках.

Поглощенная неудобствами своего убежища и грядущими бедами, которых не миновать, если охотники за беглыми невольниками возьмут ее след, Кора не сразу заметила важную особенность наполнявшей парк толпы: там были только белые. До их с Цезарем побега она ни разу не покидала пределов плантации, поэтому первое представление о городском смешении рас получила в Южной Каролине. На улицах, в магазинах, на фабриках, в конторах – повсюду черные были бок о бок с белыми, и это воспринималось как нечто само собой разумеющееся, без чего любая человеческая деятельность мигом захирела бы. По доброй ли воле или вынужденно, но африканцы от американцев были неотделимы.

Тут, в Северной Каролине, негров не существовало. Их уделом было болтаться на виселицах.

Двое ловких парней помогли матронам растянуть над эстрадой транспарант с надписью: «Пятничное действо».

Оркестр занял место на сцене. На звуки настраиваемых инструментов потянулась рассеявшаяся по разным уголкам парка публика. Кора, сжавшись в комочек, прильнула к глазку. Банджист вроде свое дело знал, трубач со скрипачом были ни рыба, ни мясо, да и играли они всякую дребедень, не чета цветным музыкантам на плантации Рэндаллов или на гуляньях, но людям в парке эта преснятина нравилась. В завершение концерта прозвучал самый яркий номер, в котором Кора узнала переложение двух негритянских песен.

Его принимали лучше всего. Внизу, на веранде, внучки Мартина и Этель восторженно визжали и хлопали.

На сцену вылез мужчина в мятом полотняном костюме. Это, как позднее разъяснил Коре Мартин, был судья Теннисон, который в трезвом виде слыл в городе уважаемым лицом, но сейчас его покачивало. Слов, с которыми он обратился к публике, представляя следующий номер – скетчи про ниггеров, – она не разобрала. Ей доводилось слышать про такое, театр в Южной Каролине давал за отдельную плату представления для цветных, но Кора туда не дошла. Двое белых мужчин, толстый и тощий, с вымазанными жженой пробкой лицами, кривлялись на сцене, заставляя весь парк покатываться со смеху. На актерах красовались нелепые пестрые тряпки и цилиндры, и они преувеличенно коверкали слова, пародируя негритянский выговор, что, очевидно, было для публики главным источником веселья. Самую восторженную реакцию вызвал номер, в котором тощий, сняв стоптанный башмак, принимался пересчитывать пальцы на ноге, то и дело сбиваясь со счета.

Заключительная часть, перед которой судья Теннисон вдруг высказался по поводу озера, постоянно зараставшего илом, представляла собой коротенькую пьесу. Из движений актеров на сцене и обрывков реплик, долетавших до Кориной душегубки, можно было догадаться, что речь в пьесе шла о рабе – играл его, естественно, белый, на шее и запястьях, не замазанных жженой пробкой, розовела кожа, – который, после того как ему чуток попенял хозяин, решил податься на Север. В дороге, как можно было понять из его капризного монолога с жалобами на холод, голод и диких зверей, беглому рабу пришлось несладко. На Севере он нанимается на работу к хозяину салуна, который без зазрения совести по любому поводу оскорбляет заблудшего негра и словом, и действием, лишает его денег и остатков самоуважения – ведет себя как типичный злодей и лицемер янки. В финальной сцене блудный раб вновь бежит, на этот раз от лживых посулов Свободных штатов, и судьба вновь приводит его на порог дома бывшего хозяина. Он молит пустить его назад, кляня себя за глупость и умоляя о прощении, но добрый и терпеливый хозяин ласково объясняет ему, что это невозможно. За время отсутствия раба в Северной Каролине произошли большие перемены. Тут хозяин

свистит в свисток, появляются патрульщики и уводят невольника под руки.

Мораль сей пьесы до того понравилась горожанам, что аплодисменты в парке долго не стихали. Малышня хлопала, сидя на плечах отцов, пес Мэр пару раз щелкнул зубами, кусая воздух. Большой ли город, Кора не знала, но почему-то чувствовала, что в этот вечер в парке собрались абсолютно все и все чего-то ждали. Чего именно, наконец стало понятно. На сцену по-хозяйски взошел крепко сбитый человек в светлых брюках и ярко-красном сюртуке. В каждом его движении сквозили сила и уверенность – Коре вспомнилось музейное чучело бурого медведя, замершего перед тем, как броситься на жертву. Ожидая тишины, человек терпеливо стоял на сцене, покручивая ус. Потом он заговорил громко и отчетливо, и с этого момента до Кору доносилось каждое сказанное слово.

Для начала он сказал, что его фамилия Джеймисон, хотя в толпе не было ни единой души, которая бы этого не знала.

– Каждую пятницу я открываю глаза в предвкушении, потому что знаю, что через несколько часов мы соберемся здесь, чтобы снова возрадоваться тому, чего достигли. А раньше, до того как нашим защитникам удалось обеспечить нам мирный сон, я глаз не мог сомкнуть!

С этими словами он показал на полсотни ражих одинаково одетых молодцов, выстроившихся сбоку от сцены. Они приветственно замахали и закивали в ответ, а публика разразилась восторженными воплями.

Джеймисон поддержал этот всплеск энтузиазма. На прошедшей неделе Господь даровал одному из наших защитников сына, а двое других отметили свои дни рождения.

– Сегодня нашего полку прибыло. Мы принимаем в свои ряды молодого человека, представителя одной из лучших фамилий в нашем городе. На этой неделе он уже участвовал в ночной операции. Ну, Ричард, выходи, пусть люди на тебя посмотрят.

На сцене переминался с ноги на ногу тощий рыжеволосый паренек. Как и его товарищи, он был в черных штанах и белой рубашке грубого полотна с воротом, слишком широким для его тощей шеи. Юноша что-то промямлил. Из слов Джеймисона Кора поняла, что на первых порах

новобранец должен был принимать участие в обходах территории, изучая задачи своего подразделения.

– Но у тебя, сынок, дело сразу пошло на лад, так ведь?

Долговязый юнец судорожно кивнул. По возрасту и телосложению он походил на машиниста поезда, который привез Кору в Северную Каролину. Парню тоже пришлось взвалить на себя мужскую работу. Веснушчатая кожа у одного была много светлее, чем у другого, но в обоих чувствовалась какая-то болезненная пылкость. Они были словно братья-близнецы, которые, придя в этот мир в один день и час, волею судеб оказались по разные стороны баррикад.

– И не для каждого белого всадника первая же неделя заканчивается таким уловом! – провозгласил Джеймисон. – Давай, Ричард, не скромничай, пусть все увидят, кого ты поймал.

Двое молодцев швырнули на сцену всхлипывающую цветную девушку, по виду из домашней прислуги. Грубо обритая голова была втянута в плечи, рваная серая рубаха перепачкана кровью и грязью.

– Ричард обыскивал трюм парохода, отправлявшегося в Теннесси, и там нашел эту мерзавку по имени Луиза. Луиза, воспользовавшись неразберихой на плантации, где происходят перемены, улизнула оттуда и несколько месяцев скрывалась по лесам, надеясь, что ей удалось перехитрить нашу систему правосудия.

Луиза, корчившаяся на сцене, чуть подняла голову и тут же ее уронила. Залитые кровью глаза вряд ли были способны разбирать лица мучителей.

Джеймисон воздел сжатые в кулаки руки к небу, словно грозя там кому-то. Его врагом была ночь, догадалась Кора, ночная тьма и фантомы, которыми он ее населял. Под покровом тьмы, кричал он, цветные выродки посягают на жен и дочерей белых граждан. Эта тьма, коей несть конца и края, грозит поглотить ценности Юга, беззащитные, отданные ей на поругание.

Но на защиту этих ценностей встают белые всадники.

– Каждый из нас пожертвовал чем-то ради новой Северной Каролины, ради ее прав, – продолжал Джеймисон. – Ради отдельной нации, которую мы выковали, нации, независимой от вмешательства янки, незапятнанной представителями низшей расы. Нам удастся обуздать черные орды, исправляя тем самым давнюю ошибку, допущенную на заре становления Америки. Некоторые, как наши

братья в соседнем штате, до сих пор носятся с идеей развития черномазых. С куда бóльшим успехом можно обучить арифметике осла! – С этими словами он наклонился и потрепал Луизу по обритой голове. – И когда эти выродки попадают в наши руки, уж мы-то знаем, что с ними делать.

Толпа расступилась, повинувшись привычному ритуалу. Белые всадники с Джеймисоном во главе потащили девушку к могучему дубу, возвышавшемуся в самом сердце парка. Еще днем Кора заприметила стоявший в сторонке помост на колесах – там прыгали-скакали дети. Теперь его установили под дубом. Джеймисон воззвал к добровольцам, и множество людей всех возрастов ринулись к помосту, облепив его слева и справа. Сверху на него поставили Луизу с накинутой на шею петлей. Белый всадник расторопным, отточенным многократными повторениями движением перебросил веревку через толстый сук.

Одного из добровольцев, вызвавшихся выталкивать помост из-под ног Луизы, изгнали из рядов – оказывается, во время пятничного действия на прошлой неделе он это уже делал. Освободившееся место мигом же заняла подсуетившаяся молоденькая брюнетка в розовом платье в горошек.

Когда Луизу должны были вздернуть, Кора успела отвернуться. Она отползла в дальний угол закутка, своей новой западни. Последующие несколько месяцев, если ночная духота позволит уснуть, она будет спать только в этом углу, самом дальнем от парка, потому что другого способа спрятаться как можно дальше от биения омерзительного пульса города у нее не будет.

Толпа смолкла. В тишине раздался голос Джеймисона, отдающего приказ.

Чтобы объяснить, почему они с женой держат Кору взаперти на чердаке, Мартину пришлось начать издалека. Все, как всегда на Юге, началось с хлопка. Безжалостная машина по сбору хлопка требовала топлива – африканских рабов. Корабли бороздили океан и привозили чернокожих, чтобы было кому работать на полях и производить на свет новых рабов.

Поршни этой машины ходили не зная устали: чем больше рабов – тем больше хлопка, чем больше хлопка – тем больше денег, чтобы купить еще больше земли и выращивать на ней еще больше хлопка. Даже с прекращением работорговли, когда на смену одному поколению пришло другое, статистика оставалась угрожающей: сплошные черномазые. В Северной Каролине белого населения было в два раза больше, чем цветного, но в Луизиане и Джорджии и тех, и других было поровну. А по соседству, в Южной Каролине, черных оказалось больше аж на сто тысяч. И представить себе, что последует, если раб сбросит оковы и начнет мстить, было несложно.

В Джорджии, Кентукки, Южной Америке, на Карибах черные невольники затевали непродолжительные, но достаточно серьезные столкновения с хозяевами. Прежде чем восстание в Саутгемптоне было подавлено, жертвами Тернера и его ребят стали шестьдесят пять человек, среди которых были женщины и дети. За это белые отряды самообороны и патрульщики линчевали чуть ли не втрое больше народу, среди которых были заговорщики, сочувствующие и просто попавшие под горячую руку, чтоб неповадно было. Чтобы все всё поняли. Но статистика от этого не менялась, а цифры вещь упрямая, убеждению не поддающаяся.

– Тут у нас патрульщики были уравнены в правах с полицейскими, – сказал Мартин.

– Это везде так, – ответила Кора. – Слово поперек – в порошок сотрут.

Разговор происходил за полночь в понедельник. Дочь Мартина с семьей уехали домой, Фиона тоже ушла к себе в Айриш-таун – населенный ирландцами район на окраине. Мартин поднялся на чердак и присел на край ящика, обмахиваясь шляпой. Кора ходила туда-сюда, пользуясь возможностью расправить затекшие суставы. Впервые за несколько дней ей представилась возможность выпрямиться в полный

рост. Этель заперлась у себя. Плотные синие шторы были задернуты, огонек свечного огарка, словно дрожащий язычок, лизал темноту.

Даже в такой час говорить можно было только шепотом. Сын соседа Мартина был белым всадником.

Как ставленники рабовладельцев, патрульщики превратились в законную власть – белые, бессовестные и беспощадные. Это были выходцы из низов, самые отпетые, которых по недостатку ума и в надсмотрщики бы не взяли (Кора согласно кивнула). Для задержания иного основания, кроме цвета кожи, патрульщику не требовалось. Рабы, схваченные за пределами плантации, обязаны были предъявить пропуск, иначе порки или окружной тюрьмы им было не избежать. Свободным неграм полагалось иметь при себе вольную или иное доказательство свободного статуса, иначе им снова грозило рабство; зачастую их все равно выставляли на торги для продажи. Черномазых выродков, оказывавших сопротивление, пристреливали как собак. Патрульщики когда вздумается устраивали облавы в невольничьих деревнях, не чинясь, приходили с обысками в дома вольных негров, воруя трудом нажитое белье и пытаясь затащить в койку женщин.

В ходе боевых действий – а подавление невольничьего мятежа было славным поводом поднять оружие – у патрульщиков появлялась возможность из отребья превратиться в армию. Мятежи рисовались Коре страшными кровопролитными битвами, разворачивавшимися на фоне ночного неба при свете пожарищ. По словам Мартина, восстания всегда были мелкими и сумбурными. Рабы выходили на дорогу с самодельным оружием – тесаками, серпами, ножами и булыжниками. По наводке предателей белые ждали их в засадах, косили повстанцев пулями и топтали лошадьми при поддержке армии Соединенных Штатов. По первому сигналу к патрульщикам присоединялись добровольцы из отрядов белой самообороны, готовых задавить мятеж, ринуться в невольничьи деревни и пожечь дома вольных негров. Тюрьмы ломались от подозреваемых и случайно оказавшихся рядом очевидцев. Виновных вешали, а заодно, чтоб неповадно было, вешали и огромное количество невиновных. Свершив возмездие, причем так, чтобы наказание намного превосходило преступление, добровольцы возвращались к своим фермам, лавкам, фабрикам, а патрульщики продолжали нести службу.

Мятежи подавляли, но количество цветного населения не уменьшалось, невеселые столбцы цифр в переписи звучали погребальным набатом.

– Про это все знают, только никто не говорит, – вставила Кора. – А если говорят, то чтоб никто не слышал. Про то, как нас много.

Мартин заерзал на своем ящике, и раздался скрип.

В прошлом году холодным осенним вечером серьезные люди из Северной Каролины собрались вместе, чтобы договориться об урегулировании «цветного» вопроса. Тут были политики, привычные к хитросплетениям дебатов по проблемам рабства, богатые плантаторы, чувствовавшие, что узда, сдерживающая дикого зверя по имени хлопок, вот-вот вырвется у них из рук, а также прикормленные адвокаты, задачей которых было закалить огнем мягкую глину прожектов и придать им прочность. Джеймисон, сочетающий полномочия члена сената и богатого плантатора, тоже был среди присутствующих. Вечер затянулся за полночь.

Местом схода была назначена столовая в доме Оуни Гаррисона. Сам дом стоял на вершине Холма Истины. Название свое холм получил благодаря открывавшемуся сверху виду, отражавшему, как казалось, мир в его истинных размерах. И после этой ночи сход стали называть не иначе как «Истинная конвенция». Отец хозяина дома когда-то шел в авангарде хлопковой армады и оказался ловким апологетом этого агрономического чуда. Оуни рос среди богатства, заработанного на хлопке, но в окружении черномазых – это было неизбежное зло. Чем больше он думал обо всем этом, сидя в своей столовой и всматриваясь в длинные восковые лица гостей, которые угощались содержимым хозяйского винного погреба и явно загостились, тем отчетливее понимал, что формула-то простая: барышей должно быть побольше, черномазых поменьше – вот и все. Зачем так долго обсуждать все эти восстания невольников и влияние янки в Конгрессе, если в конечном итоге все сводится к тому, кто готов собирать этот чертов хлопок.

В последующие дни, продолжал свой рассказ Мартин, газеты обнародовали статистику. В Северной Каролине насчитывалось почти триста тысяч черных рабов. Такое же количество европейцев – в основном ирландцев и немцев – ежегодно прибывали морем в Бостон, Нью-Йорк и Филадельфию; кого гнал голод, кого политические

кризисы. В передовицах газет, на заседаниях правительства без конца поднимался один и тот же вопрос: чего ради столь лакомый кусок целиком забирают себе янки? Почему этот человеческий поток нельзя развернуть, чтобы и Югу от него перепало? Реклама в европейских газетах на все лады превозносила преимущества работы по контракту. Агенты с готовыми контрактами в карманах рассыпались в красноречии по харчевням, городским площадям и ночлежкам. И через какое-то время к южным берегам потянулись зафрахтованные суда, набитые пассажирами, добровольно рвущимися в неведомую жизнь. Эти мечтатели ехали в новые земли. По прибытии выяснялось, что их везли работать на хлопке.

– Ни разу не видала, чтобы белые собирали хлопок – промолвила Кора.

– Пока я не вернулся в Северную Каролину, то ни разу не видел, чтобы толпа голыми руками рвала человека на части, – отозвался Мартин. – Вот увидишь разок и заречешься говорить, что бывает, чего не бывает.

На самом же деле, называй их белыми неграми или нет, но с ирландцами обращаться как с африканцами не выходило. Тут на одной чаше весов лежала цена за покупку невольников и их содержание, а на другой – необходимость платить белым поденщикам пусть ничтожные, но хоть какие-то деньги, на которые можно прожить. Зато на смену реальной угрозе невольничьих мятежей приходила стабильность. Европейцы у себя дома были фермерами и тут стремились стать фермерами. Стоило переселенцу отработать контракт, куда входила стоимость проезда на корабле, плата за инструмент и проживание, и встроиться в американское общество, он превращался в горячего сторонника политической системы взрастившего его Юга. В день выборов, когда на избирательных участках они выстраивались в очередь к урнам для голосования, каждый обладал правом полного голоса, безо всякого компромисса трех пятых^[8].

С финансовой стороной еще предстояло разбираться, но в отношении конфликтов на расовой почве Северная Каролина по сравнению с остальными рабовладельческими штатами обеспечила себе исключительное положение.

Рабство, по сути, было упразднено. Точнее, как отметил Оуни Гаррисон, упразднили черномазых.

– Как так «упразднили»? – не поняла Кора. – А куда же они дели всех этих мужчин, женщин, детей?

Из парка донесся чей-то крик, поэтому на чердаке какое-то время царило молчание.

– Я же тебе показывал, – ответил Мартин.

Правительство штата Северная Каролина, добрая половина членом которого тем вечером были среди гостей Гаррисона, по выгодным ценам выкупило у хозяев всех рабов, как это в свое время сделала Великобритания, провозгласившая отмену рабства почти за полвека до описываемых событий. Живой товар охотно скупили остальные штаты «хлопкового пояса», особенно Флорида и Луизиана, в которых из-за охватившего их экономического бума постоянно ощущался острый недостаток черных рук, а тут еще и руки были опытные. Что из этого получилось, увидит любой желающий, стоит ему сделать два шага по Бурбон-стрит, главной улице Нового Орлеана: получился омерзительный штат полукровок, в котором белая раса из-за примеси негритянской крови оказалась запятнанной, нечистой. Если хотят, пусть себе путают свои европейские корни с тьмой египетской, пусть разрешают плодиться потоку мулатов, квартеронов и прочих грязнорожих ублюдков, кровью которых противно пачкать нож, которым бы следовало перерезать их поганые глотки.

Согласно новому расовому кодексу ни один цветной вне зависимости от пола и возраста не имел права ступить на землю штата Северная Каролина. Свободных негров, отказавшихся добром бросить свою землю и уехать, либо просто сгоняли с нее, либо жестоко казнили. Ветераны освоения индейских территорий за щедрую мзду охотно демонстрировали, как это делается. После того как армия завершила свою работу, бывшие патрульщики перерядились в белых всадников и принялись травить «паршивых овец» – рабов, ударившихся из-за нового порядка в бега, обездоленных вольных, которым не на что было добраться до Севера, и прочих несчастных обоего пола, по каким-то причинам застрявших на территории штата.

Проснувшись в субботу утром, Кора не могла заставить себя заглянуть в смотровой глазок. Когда, в конце концов, ей удалось себя пересилить, оказалось, труп Луизы уже сняли с дуба и под деревом, на котором ее вздернули, скачут дети.

– А эта дорога, – спросила она, – Тропа свободы, сколько она тянется?

Мартин ответил, дескать, насколько хватит трупов, чтобы вдоль нее развешивать, настолько и тянется. Разложившиеся или растерзанные падальщиками мертвые тела заменялись новыми, недостатка в них не было. В каждом мало-мальски значительном по размеру городе еженедельно проходило пятничное действо, в конце которого ставилась все та же страшная точка. Иногда в тюрьме держали несколько цветных про запас, на случай, если белые всадники вернутся несолоно хлебавши.

Белых, осужденных за пособничество, просто вешали, без публичного поругания. Хотя, уточнил Мартин, была история, когда белый фермер приютил у себя кучку цветных беженцев. Когда разгребали пепелище, невозможно отличить обгоревший труп хозяина от трупов тех, кого он укрывал; пламя уравнило их, уничтожив разницу в цвете кожи, так что все пять мертвых тел развесили на Тропе свободы, а по поводу нарушения протокола никто особо возмущаться не стал.

Преследования белых подвели разговор к причине Кориного заточения.

– Ты же понимаешь наши обстоятельства, – сказал Мартин.

По его словам, аболиционисты тут всегда были в опале. Если в Виргинии или Делавэре на их агитацию готовы были смотреть сквозь пальцы, то в хлопковом поясе все было иначе. За одно только хранение литературы можно было загреметь в тюрьму, а тем, кто отбыл срок, оставаться в городе не разрешалось. Согласно поправкам к конституции штата наказание за чтение бунтовских писаний либо за споспешествование цветным и их укрывательство оставлялось на усмотрение местных властей. На деле же за это полагался смертный приговор. Осужденного за волосы выволакивали из дома. Повешенью подлежали как рабовладельцы, проявившие неповиновение закону из чувства привязанности либо из своеобразных представлений о праве собственности, так и сердобольные граждане, прятавшие ниггеров по чердакам, чуланам и угольным сараям.

Когда аресты среди белого населения пошли на спад, в некоторых городах повысили вознаграждение за выдачу сочувствующих. Начались доносы на конкурентов, кровных врагов и соседей с

подробными изложениями давних бесед, в которых ренегаты выказывали преступные симпатии к цветным. Дети, которым в школе изложили про тавро бунтовщика, наушничали на родителей. Мартин рассказал Коре о гражданине, который долгие годы сильно тяготился собственной женой. Никаких доказательств ее вины представлено не было, но приговорили ее к высшей мере. А супруг через три месяца снова женился.

– И удачно? – спросила Кора.

– В каком смысле? – не понял Мартин.

Кора только махнула рукой. Суровый рассказ Мартина почему-то разбудил в ней желание ерничать.

В прежние времена патрульщики могли обыскивать дома цветных, что рабов, что вольных, безо всякого повода. Теперь их полномочия расширились, они имели право ради общественной безопасности стучаться в любую дверь либо с ордером на арест, либо просто с обыском. Эти правоохранители вламывались в любое время дня и ночи и к нищему трапперу, и к богатому чиновнику. Фургоны и экипажи досматривались на подступах к городу. До заброшенной слюдяной шахты было рукой подать, но даже решишь Мартин вывезти куда-то Кору, в соседний округ их без досмотра не выпустили бы.

Кора не верила, что белые даже из соображений безопасности позволяют так грубо попирать свои права, но Мартин, не желая ее запугивать, сказал, что во многих округах дотошность правоохранителей стала предметом гордости. Патриотично настроенные граждане хвалились друг перед другом, сколько раз их досматривали, чтобы подчеркнуть свою благонадежность. А визиты белых всадников в дома, где проживали хорошенькие барышни, неоднократно заканчивались помолвками.

До того как Кора появилась в доме Уэллсов, они пережили два обыска. Белые всадники вели себя очень любезно и даже похвалили имбирную коврижку, которой их потчевала Этель. Потолочный люк на чердаке подозрений не вызвал, но кто может поручиться, что в следующий раз все пройдет так же гладко?

После второго обыска Мартину пришлось сложить с себя полномочия стационарного смотрителя на подземной железной дороге. Ни о каком продолжении Кориного пути на Север, ни о какой связи с

другими отделениями и речи не было. Сигнала от них придется подождать.

Мартин еще раз извинился за поведение супруги.

– Ее можно понять. Она до смерти напугана! Мы же тут буквально висим на волоске. Мы себе не хозяева.

– То есть вы живете как рабы?

Мартин сказал, что Этель себе такую жизнь не выбирала.

– У вас, получается, выбора не было? – спросила Кора. – Прямо как у рабов?

На этом разговор иссяк. Ей пора было карабкаться в каморку под стропилами, прихватив с собой провизию и чистый ночной горшок.

Скоро ей пришлось привыкнуть. С учетом места, куда она была загнана, иначе и быть не могло. Набив дюжину шишек на макушке, тело вынуждено было запомнить границы, в которых оно могло двигаться. Она спала, сжавшись в комочек между стропилами, словно пассажир в тесном трюме. Она смотрела на парк через глазок. При тусклом свете, пробивавшемся сквозь отверстие в стене, она занималась чтением, бережно вызывая в памяти уроки грамоты, которые пришлось бросить там, в Южной Каролине. Она все время спрашивала себя, почему погода бывает всего двух видов: мерзкая по утрам и невыносимая по вечерам.

Каждую пятницу, когда в парке проходило действо, она корчилась в дальнем углу закутка.

Большую часть дней она изнывала от жары. Когда становилось совсем невмоготу, прикинула к отверстию и хватала ртом воздух, словно бьющаяся в ведре рыба. Если ей случалось просчитаться и выхлебать всю воду слишком рано, до самого вечера приходилось с завистью смотреть на струи фонтана в парке. На чертову эту псину, которая повизгивает в их брызгах. Иногда от зноя она теряла сознание, потом приходила в себя: голова втиснута в стропило, а шея свернута на сторону, как у курицы, которую кухарка Рэндаллов, Элис, пыталась придушить и обезглавить, чтобы приготовить к ужину.

От нее опять, как на плантации, остались кожа да кости. Этель взамен грязного платья выдала ей обноски своей дочери. У сухопарой Джейн бедра были как у мальчика, но на Коре и эта одежда стала болтаться.

Ближе к полуночи, после того как во всех домах, окружавших парк, гасли огни, а Фиона отправлялась к себе в Айриш-таун, приходил Мартин и кормил ее. Кора спускалась из закутка под крышей на чердак, где можно было выпрямиться и подышать нормальным воздухом. Они немного разговаривали, потом в какой-то момент Мартин торжественно вставал, и Кора снова отправлялась на верхотуру. Раз в несколько дней Мартин с введомы Этель водил ее ненадолго в умывальню. После его ухода она засыпала, иногда заплакавшись, иногда мгновенно, словно свечка, которую задули. Ей снова стали сниться кошмары. Она научилась узнавать постоянных посетителей парка и во время их ежедневных прогулок пополняла запас наблюдений и умозаключений о них, словно местный хроникер. В закутке под крышей у Мартина хранились аболиционистские газеты и брошюры. Держать их в доме было опасно, Этель требовала их выбросить, но они принадлежали Уэллсу-старшему, отцу Мартина, и датировались годами, когда Мартин и Этель еще не переехали в этот дом, так что причастность к действиям владельца, возможно, удалось бы отрицать. Выцедив что можно из пожелтевших от времени страниц, Кора перешла к старым календарям-альманахам с прогнозами и предсказаниями касательно приливов и движения светил и невразумительными комментариями. Позднее Мартин принес ей Библию. Как-то раз на чердаке ей попался на глаза «Последний из могикан» Купера, явно побывавший в воде, потому что обложка покособилась. Чтобы читать, днем она жалась к глазку, а по вечерам сворачивалась калачиком перед свечкой.

Месяц за месяцем Кора неизменно встречала Мартина одним и тем же вопросом:

– Есть вести?

Но по прошествии времени спрашивать перестала.

Подземная железная дорога хранила полное молчание. В газетах печатали сведения о налетах на станции и расправах над зрителями, но это скорее смахивало на дежурную антиабolicionистскую пропаганду. Раньше связь держали через спецкурьеров, которые доставляли Мартину сведения о маршрутах, либо, случись такое, о прибытии пассажира. Один и тот же человек никогда не приходил дважды, курьеры менялись. Но вот уже долгое время никаких сигналов не поступало. О них словно забыли.

– Одну меня вы, конечно, не отпустите, – сказала Кора.

– Ну, это же очевидно, – простонал Мартин.

По его словам, они все трое были заложниками ситуации.

– Одной тебе не справиться. Тебя схватят, и ты нас выдашь.

– На плантации Рэндаллов, когда человека хотели приковать к месту, на него надевали кандалы.

– Ты погубишь себя и нас: меня, Этель, тех, кто помогал тебе на подземной железной дороге.

Она понимала, что в его словах есть справедливость, но ей было плевать. Мартин отдал ей свежую газету и задвинул защелку потолочного люка.

При звуке шагов Фионы Кора замирала на месте. Горничную Уэллсов она ни разу не видела, только рисовала ее себе в воображении. Время от времени девушка поднималась на чердак со всяким барахлом, тогда скрип ступенек, сопровождавший каждое движение, служил лучше любого сигнала тревоги. Когда горничная уходила, можно было снова что-то делать. Грубый язык Фионы напоминал Коре былые дни на плантации и божбу невольников, кривших, стоило им остаться без догляда, хозяев на все корки. Это была извечная ненависть прислуги к господам. Она, наверное, украдкой плюет им в суп.

Домой Фиона ходила не через парк, так что, затвердив и выучив каждый ее вздох, лица девушки Кора не видела ни разу. Она рисовала ее себе, складывая по кусочкам – решительную, пережившую тяготы голода и переезда на новое место. Мартин рассказывал ей, что их привезли из Ирландии с братом и матерью на судне, набитом переселенцами. Мать страдала чахоткой и скончалась в день, когда сошла с корабля. Брат для работы был слишком мал, да и здоровья оказался слабого, так что ирландские старухи по очереди за ним присматривали. Интересно, какой он, Айриш-таун? Похож на цветные кварталы в Южной Каролине? Стоило перейти улицу, как все менялось. Люди по-другому говорили, жили в домах иного размера, в других условиях, их мечты отличались по сути и по масштабам.

Пройдет несколько месяцев, и пора будет собирать урожай. На полях за пределами города хлопчатник покроется белыми комочками, которые теперь уже белые руки будут собирать и складывать в мешки. Зазорно ли ирландцам и немцам выполнять работу черномазых или

все-таки деньги не пахнут? Место нищих черных на хлопковых полях занимают нищие белые, другое дело, что пройдет немного времени, и белые перестанут быть нищими и смогут, в отличие от своих черных братьев, отработать положенную по контракту сумму и начать новую жизнь.

Пройдоха часто вспоминал на плантации Рэндаллов, как охотники за живым товаром должны были заходить все глубже и глубже в дебри Африки, угоняя в неволю одно племя за другим, потому что хлопок требовал свежей крови. Плантации превращались в смешение разноразличных племен. Кора догадывалась, что, когда на смену ирландцам придет новая волна иммигрантов, бегущих из другой, не менее несчастной страны, все пойдет по новой. Машина закричит, вздохнет и снова завертится. Просто поршни будут ходить на новом топливе.

Наклонные стены ее тюрьмы служили холстом для болезненных раздумий, которым она предавалась от заката до ночных приходов Мартина. С того момента, как Цезарь предложил ей побег, она представляла себе только два исхода: либо сытая, привольная, трудно доставшаяся жизнь на Севере, либо смерть. В случае поимки Терренс не ограничился бы наказанием, а измывался бы над ней, пока не надоест, а затем устроил бы публичную казнь.

Ее фантазии о жизни на Севере поначалу были не столь отчетливы. Образы детей на светлой кухне – всегда двое, сын и дочка, – любящий муж в соседней комнате, его не видно, но он рядом. По мере того как тянулись недели ее заточения, за стенами кухни проступали другие комнаты. Ей виделась гостиная с простой, но элегантной мебелью, на которую в Южной Каролине она по вечерам смотрела, проходя мимо витрин «белых» магазинов. Спальня. Постель с белоснежными простынями, сияющими в лучах солнца; они с детьми вместе нежатся в кровати, мужа видно наполовину, он чуть с краю. Следующая сцена, годы спустя: Кора идет по оживленной городской улице и натывается на мать. Нищая побирушка, сломленная жизнью старуха с самого дна, согбенная под бременем совершенных ошибок. Мэйбл поднимает глаза, но не узнает дочери. Кора опрокидывает носком туфли ее плоскую для милостыни, медяки разлетаются со звоном, а она спешит себе дальше по делам. У сынишки сегодня день рождения, надо успеть купить муки, чтобы испечь пирог.

В этот ее воображаемый дом иногда приходит в гости Цезарь, и за ужином они со смехом вспоминают жизнь у Рэндаллов, перипетии побега с плантации и обретенную в конце концов свободу. Цезарь рассказывает детям, откуда у него небольшой шрам над бровью. Это его в Южной Каролине схватили охотники за невольниками, но ему удалось вырваться.

Об убитом ею мальчишке Кора почти не вспоминала. Ей не нужно было искать оправданий для своих действий той ночью в лесу, и требовать ее к ответу никто права не имел. Стараниями Терренса Рэндалла она вполне могла вообразить себе новый порядок в Северной Каролине, но в голове ее раньше не укладывалось одно: масштабы насилия. Страх в местных белых оказался сильнее жажды «хлопковых» денег. Над ними нависла тень черной руки, которая воздаст за все по заслугам. И однажды ночью до Кору вдруг дошло, что она сама и есть то самое мстительное кровожадное чудовище, которого все так боятся. Одного белого мальчишку она уже убила. Значит, ей ничего не стоит убить еще одного. Это ужас заставляет их возводить все новые эшафоты угнетения на фундаменте жестокого прошлого. Старик Рэндалл решил однажды засеять свою землю барбадосским хлопчатником, но к его семенам примешались семена насилия и смерти, и всходы мигом пошли в рост. Белые боялись не напрасно. Придет время, и они захлебнутся кровью.

Мятеж одиночки. На мгновение улыбка осветила ее лицо, а потом реальность заточения вновь властно заявила о себе. Пленница. Скребется за стеной, словно крыса. На хлопковом поле, под землей, на чердаке – Америка остается ее тюрьмой.

За неделю до летнего солнцеворота Мартин сунул свернутое валиком старое стеганое одеяло на кресло с продавленным сиденьем и уселся на него, постепенно проваливаясь в ходе разговора все глубже и глубже. Как всегда Кора первым делом выяснила у него значение непонятных слов, на этот раз из Библии, которую она штудировала с переменным успехом: что значит «противляющийся», «алкать» и «седины». Про первые два Мартин ничего вразумительного сказать не мог, а потом, словно в преддверии наступающей за солнцеворотом поры, вдруг заговорил о чередѣ дурных знамений.

Первое случилось на прошедшей неделе, когда Кора опрокинула ночной горшок. За четыре месяца, проведенных в заточении, ей случалось шуметь, когда, например, она билась макушкой в крышу или натыкалась коленом на стропило. Фиона все пропускала мимо ушей. Но на этот раз, когда Корин горшок стукнулся о стену, горничная торчала без дела на кухне. Поднимись она по лестнице на чердак, ни капающее с потолка содержимое, ни распространяемый им запах не остались бы незамеченными.

Пробило полдень. Этель куда-то ушла. По счастью, в отсутствие хозяйки к Фионе забежала соседка из Айриш-тауна, и они так заболтались в гостинной, что потом всю работу по дому пришлось делать впопыхах. Воня с чердака она или не почувствовала, или притворилась, что не чувствует, чтобы не создавать себе лишних проблем и зря не возиться с крысиным или чьим там еще гнездом, будь оно неладно. Когда ночью Мартин поднялся на чердак и они принялись за уборку, он сказал, что не станет сообщать жене о том, как близко была беда. Из-за жары нервы Этель и так были на пределе.

Мартин сам выбирал, что рассказывать Этель. Той ночью, когда Кора появилась в доме Уэллсов, они с Этель виделись в первый и последний раз. Насколько она могла судить, хозяйка дома никогда о ней не упоминала – даже если Фионы рядом не было, – а в случае крайней необходимости называла ее «эта». Часто перед полуночным подъемом Мартина на чердак раздавался звук захлопнувшейся двери в спальню. Кора подозревала, что не грози супруге Мартина обвинение в соучастии, она донесла бы о ней белым всадникам.

– Этель – простая душа, – произнес Мартин, все глубже утопая в своем импровизированном кресле. – Когда я просил ее руки, она понятия не имела, на что идет.

Зная, что Мартин сейчас опять заведет речь о своем нежданном-негаданном приходе в ряды аболиционистов, что сулило несколько лишних минут на воле, Кора, разминая руки, подала реплику:

– Да как же вы на такое решились?

– Одному Богу известно, как я на такое решился.

Мартин оказался орудием аболиционизма поневоле. Насколько он мог помнить, его батюшка, Дональд Уэллс, никогда не распространялся о своих взглядах на институт рабовладения, хотя в их кругу семей, подобно им не имевших невольников в собственности, можно было перечесть по пальцам. Когда Мартин был маленьким, приказчиком в их лавке служил сутулый сморщенный негр-вольноотпущенник по имени Джерико. К вящему смущению миссис Уэллс, ежегодно в День благодарения Джерико являлся к ним с поклоном, неизменно принося пюре из репы в качестве гостинца. Читая в газетах новости о положении рабов, Дональд Уэллс возмущенно фыркал и качал головой, но было непонятно, к чему относится негодование: к жестокости хозяина или строптивости невольника.

В восемнадцать лет Мартин уехал из Северной Каролины и, поболтавшись без дела, наконец получил место клерка в одном из отделений Норфолкской судоходной компании. Непыльная работа и морской воздух пошли ему на пользу. Он полюбил устрицы и приобрел свежий цвет лица. И вот однажды на горизонте возник блестящий джентльмен, мистер Делейни, отец Этель. Семейство Делейни было одним из самых почтенных в округе, но их генеалогическое древо вышло несколько кособоким: раскидистым, изобилующим родней на Севере и чахлым, безликим на Юге. К отцу Мартин навещался редко. Когда Дональд, латая крышу, разбился, сын после пятилетнего перерыва приехал домой.

Им всегда сложно было разговаривать. Пока была жива мать, в ее задачу входило переводить те невнятные фразы, из которых по большей части состояли диалоги между отцом и сыном. Но на смертном одре Дональд оказался без переводчика. Когда он заставил сына поклясться, что тот продолжит его дело, сын был уверен, что речь идет о принадлежащей старому Уэллсу лавке, и не стал уточнять. Это было ошибкой номер один. Ошибкой номер два было решить, что на карте, обнаруженной им в отцовских бумагах, изображен путь к

тайнику с сокровищами. Дональд Уэллс всю жизнь был таким молчуном, что глядя на него со стороны, можно было заподозрить в нем либо слабоумие, либо некую тайну, которую он в себе носит. Мартин решил, что прикидываться нищим, когда у самого денег куры не клюют, было вполне в духе отца.

Тайник, понятное дело, оказался станцией подземной железной дороги. Для кого-то свобода, может, и будет дороже золота, но Мартин ожидал другого. На перроне стояла бочка, где, обложенный цветными камнями, словно святыня, покоился дневник Дональда, из которого Мартин узнал, насколько угнетение эфиопского племени всегда было отвратительно отцовскому сердцу. Рабство он считал богопротивным делом, оскорблением Господа, а рабовладельцев – исчадьями ада. Всю свою жизнь Дональд Уэллс помогал рабам любыми возможными средствами, любыми доступными способами, с самого раннего детства, когда пустил по ложному следу охотников за невольниками, пытавшихся выведать, где скрывается беглый.

Его бесконечные разъезды, запомнившиеся Мартину со школьной поры, как выяснилось, были связаны с борьбой за отмену рабства. Удивительнее всего, что, несмотря на свою неразговорчивость, Дональд, по сути дела, служил живым телеграфом, мотаясь с вестями между Севером и Югом. П. Ж. Д., как шифровал ее Дональд в своем дневнике, не заворачивала в Северную Каролину, куда переправа беглых рабов не превратилась для Дональда Уэллса в дело жизни. Все знали, что заниматься подобными вещами в сердце Юга было чистым самоубийством. Это он выгородил под крышей, которую давно пора было латать, закуток над фальшивым потолком чердака, куда прятал своих подопечных. К тому моменту, как из-за плохо закрепленного куска дранки Дональд отправился на тот свет, он успел переправить в Свободные штаты не менее дюжины беглых.

Мартину мало кому удалось помочь. И Кора, и сам он понимали, что накануне ночью их спасло только чудо. И никакие его увертки не помогли, когда с парадного крыльца раздался стук в дверь, и на пороге возникли блюстители порядка.

Солнце уже село, но в парке было полно тех, кто боялся уходить. Кора часто спрашивала себя, что ждет их дома, если они так целенаправленно тянут время. Неделю за неделей здесь допоздна

задерживались одни и те же личности. Вот быстрым шагом к фонтану подходил мужчина, садился на бортик и приглаживал руками жидкие волосы. Вот брела, что-то бормоча себе под нос, неопрятная толстозадая особа в неизменной черной шляпе. Они засиживались тут не ради глотка ночной прохлады или поцелуя украдкой. Эти люди, как безумные, нарезали по парку круги, отводя глаза и стараясь смотреть куда угодно, только не прямо. Они словно боялись встретиться взглядом с призраками, с тенями тех, кто построил их город. Черные руки выстроили каждый из окружавших парк домов, разбили фонтан и вымостили плиткой дорожки. Это они сколотили сцену, на которой белые всадники устраивали свои жуткие действия, и дощатый помост на колесах, доставляющий обреченных к дубу. Вот только дуб был не их рук делом. Об этом позаботился Господь, дав городу возможность воздавать злом за добро.

Ясно, отчего белые в сумерках блуждают по парку, думала Кора, прильнув лбом к доскам обшивки. Они же сами словно призраки, застрявшие между двумя мирами: земным, в котором чинят злодеяния, и горним, которого им из-за причиненного зла не видеть.

По волнению, пробежавшему в толпе гуляющих, Кора понимала, что начинается очередной рейд белых всадников. На этот раз местные зеваки сбились в кучу перед домом напротив дома Мартина. Блюстителю закона постучали, дверь им открыла барышня с заплетенными на ночь косами. Кора вспомнила, что ее отец, хозяин дома, еле поднимался на это крыльцо. Его уже несколько недель не было видно. Барышня пропустила незваных гостей внутрь. Дверь закрылась. Трое зашли в дом, еще двое, высокие и ражие, остались на веранде и, лениво развалясь, картинно покуривали трубки.

Через полчаса дверь снова открылась. Теперь все пятеро сгрудились под фонарем и листали амбарную книгу с записями. Потом они двинулись куда-то через парк и на какое-то время скрылись из виду. Отодвинувшись от бесполезного глазка, она прикрыла глаза, и тут снизу раздался стук в парадную дверь. Белые всадники стояли у них на крыльце. Следующие несколько минут тянулись невыносимо. Кора забилась в угол, под стропило, пытаясь стать как можно меньше. По звукам снизу можно было догадаться, что там происходит. Этель тепло поздоровалась с незваными гостями, но каждый, кто ее знал, тут

же понял бы, что дело нечисто. Мартин вихрем взлетел на чердак, убедился, что там все в порядке и присоединился к жене.

Супруги показали дом, быстро отвечая на задаваемые вопросы. Они живут тут вдвоем. Дочь проживает в другом месте. (Тем временем продолжается обыск в кухне и гостиной.) Ключ есть только у Фионы, это горничная. У посторонних доступа в дом нет (переход на второй этаж). К ним никто не приходил. Никаких незнакомцев не видели, посторонних звуков не слушали, ничего особенного не замечали, все как обычно. (Обыск идет в обеих спальнях.) Нет, ничего не пропало. Чулана у них нет. Ни в одном из домов вокруг парка чуланов нет, как вы наверняка успели заметить. На чердак Мартин поднимался буквально только что, там все в порядке.

– Вы не возражаете, если мы сами посмотрим?

Голос был хриплый и басовитый, скорее всего, он принадлежал тому, кто пониже, бородатому.

Кора слышит их шаги на лестнице. Вот они прокладывают курс через чердачный хлам. Один из них открывает рот, и Кора чуть не подпрыгивает, их разделяет всего несколько дюймов. Она затаивает дыхание. Там, внизу, под днищем ее корабля, акулы с жадными пальцами почуяли кровь, которая совсем рядом. Между охотниками и добычей лишь тоненькая деревянная переборка.

– С той поры, как тут завелись еноты, мы стараемся лишний раз на чердак не подниматься, – вставил Мартин.

– Да уж, нагадили, судя по запаху, – отозвался белый всадник.

Блюстители порядка удалились. В этот вечер их ночные посиделки отменились, Мартин опасался какой-нибудь дьявольской ловушки и решил не подниматься. Кора в уютной темноте гладила стену: стена ее защитила.

Опрокинутый ночной горшок и визит белых всадников они пережили. Но на следующее утро случилось еще одно происшествие, не сулившее ничего хорошего: в городе линчевали супружескую пару за укрывательство двух цветных мальчишек. Донесла на них дочь, оскорбленная недостатком родительского внимания. Негритят, которых они прятали в сарае, несмотря на юный возраст, добавили к остальным экспонатам, развешанным вдоль зловещей Тропы свободы. Этель узнала об этой истории от кого-то из соседей, когда была на рынке, и тут же, пред прилавком, грохнулась в обморок.

Обыски шли все активнее и активнее.

– Они переловили всех, кого можно, и теперь, чтобы было что предъявить, вынуждены буквально из кожи вон лезть, – вздохнул Мартин.

Кора заметила, что обыск – это, может, даже к лучшему, ведь не завтра же они вернутся. Глядишь, за это время либо удастся связаться с подземной железной дорогой, либо подвернется хотя бы малейшая возможность...

Каждый раз, стоило Коре завести речь о каких-то действиях, Мартин принимался ерзать на месте. Разговаривая, он вертел в руках старую детскую игрушку – деревянную уточку. За последние месяцы краски на ней почти не осталось.

– Либо передвижение по дороге станет в два раза опаснее, – подхватил он. – Ребята изголодались по крови.

Внезапно лицо его прояснилось:

– Кстати, ты ведь спрашивала, что такое «алкать», да? Это значит «изголодаться».

Коре весь день было очень худо. Пожелав Мартину спокойной ночи, она залезла в свой закуток. С момента побега с плантации она превратилась в пассажира, который движется из порта отправления в порт назначения. Но вот уже несколько месяцев ее судно дрейфует в зоне мертвого штиля. Стоит подняться ветру, и оно вновь придет в движение, но пока вокруг лишь бескрайняя морская зыбь. Буря грохочет где-то рядом, но корабль словно застыл на месте.

Что же это за мир такой, когда дом-тюрьма оборачивается единственной тихой гаванью? «Беглая» – значит сбросившая тенета или, наоборот, запутавшаяся в паутине? У свободы, когда смотришь на нее с разных сторон, меняются очертания. Это как лес, кажущийся бесконечной непроходимой чащей тому, кто внутри, но снаружи, с луга, вдруг становятся отчетливо видны его границы. Свобода не зависит от наличия оков или количества жизненного пространства. На плантации Кора могла передвигаться по огромной территории, дышать полной грудью и глядеть на летние звезды, но при этом оставалась рабыней. Ее нынешний закуток при всей своей крохотности был огромен. Здесь, не имея возможности выпрямиться в полный рост, она была свободна от хозяйской власти.

Месяц за месяцем, сидя на чердаке, она не меняла положения, но ее горизонт неукротимо менялся. У Северной Каролины был Холм Истины, и у Кора он тоже был. Сверху ей открывалась вселенная парка и лежащий в свободном дрейфе город: вот его заливают солнце, падающее на каменные скамьи; вот набегают тень, которую отбрасывает дуб-виселица. Но этот город – невольник, скованный страхом. Мартин и Этель вздрагивают от каждого косога взгляда из-за задернутой шторы на соседском окне. Они живут в таком же рабстве, как Кора на плантации. Каждую пятницу город сбивается в кучу в надежде числом отогнать затаившееся во тьме лихо: надвигающиеся черные орды, недоброжелателей, рвущихся сострять донос, собственных детей, готовых воздать родителям за нотации и розги и стяжать себе славу на их костях. Нет, лучше прятаться по чердакам, чем хоть раз столкнуться с тем, что скрывает в себе сосед, друг или родственник.

Парк был зеленой гаванью, которая сохранялась по мере того, как город разрастался вширь, дом за домом, квартал за кварталом. Парк придавал городу сил. Коре вспомнилась ее грядка в невольничьей деревне, огородик, с которым она столько возилась. Теперь-то она понимала, чем на самом деле был этот крохотный клочок земли, придававший ей веру в то, что у нее есть что-то свое. С таким же успехом она могла считать своим хлопок, который сажала, полола и собирала. Ее грядка была тенью чего-то незримого, существовавшего вовне. Такой же, как Декларация независимости в исполнении несчастного Майкла. Отголосок чего-то внешнего. После побега она повидала Америку. В Декларации, судя по всему, речь шла о совсем другой стране. Настоящая Америка была призраком, притаившимся в темноте. Тенью. Совсем как Кора.

Той же ночью Кора слегла. Она проснулась от рези в желудке. Голова кружилась, и казалось, что чердак качается и ходит ходуном. Содержимого желудка и контроля над кишечником она лишилась, все под себя. Жар обступал крохотную коморку со всех сторон, расплавляя воздух и заползая ей под кожу. Она чудом дотянула до утра, до начала дневной мистерии. Парк был на своем месте. Ночью ей снился корабельный трюм, где она томилась в цепях. Напротив тоже был прикован невольник, и еще один, сотни орущих от ужаса негров.

Судно то взмывало на волнах вверх, то ныряло в пучину, расплющенное обрушивающимися на него потоками воды. На лестнице слышались шаги, щелкнула задвижка, и Кора смежила веки.

Она очнулась в белой комнате, на мягкой перине, обволакивающей ее тело. Сквозь окно скупно пробивался солнечный свет. По шуму из парка она привычно определила время: скоро вечер.

В углу бывшей детской Мартина притулилась Этель с вязанием на коленях. Не прикасаясь к нему, она неотрывно смотрела на Кору. Потом дотронулась до ее мокрого лба.

– Спадает...

Она наполнила стакан водой и принесла плошку говяжьего бульона.

За то время, что Кора металась в бреду, Этель к ней помягчала. Ночные стоны жилички были так слышны, а сама она оказалась до того плоха, когда Этель с мужем спускали ее с чердака, что горничную Фиону пришлось несколько дней не пускать. Ирландке объяснили, что Мартин слег с венесуэльской лихорадкой, причиной заражения стал мешок с испорченным фуражом, так что дом по приказу доктора на карантине, и вход туда запрещен. Мартин как раз недавно читал о введении такого карантина, поэтому это было первым, что пришло ему в голову. Горничная получила жалованье за неделю, сунула деньги в кошелек и без лишних вопросов удалилась.

Теперь пришел черед посторониться Мартину, поскольку все заботы о больной взяла на себя Этель, которая двое суток выхаживала ее, бившуюся в лихорадке и судорогах. Ни друзей, ни знакомых Уэллсы в городе не нашли, так что их затворничество не привлекало особого внимания. Пока Кора металась в жару, Этель, чтобы приблизить ее выздоровление, читала вслух Библию. Ее голос проникал в сны больной. Такой безжалостный в ночь вызволения Кору из заброшенной слюдяной шахты, теперь он приобрел теплоту. Коре привиделось, что женщина по-матерински касается ее лба губами. Уплывая куда-то, она вслушивалась в произносимые ею слова. Ковчег укрыл праведных и непорочных, не дал им сгинуть в пучине. Сорок лет продолжались скитания по пустыне, прежде чем обрели они Землю обетованную.

В предвечернем свете длинные тени тянулись, как горячая карамель, и, чем ближе к ужину, тем тише становилось в парке. Этель, улыбаясь, сидела в кресле-качалке, пытаясь подыскать в Писании приличествующий случаю отрывок.

Теперь, очнувшись и вновь обретя способность говорить, Кора смогла сказать хозяйке дома, что можно перестать читать.

Губы Этель сжались в нитку. Она закрыла книгу, заложив нужную страницу костлявым пальцем.

– Мы все уповаем на милость Создателя. Плохой бы я была христианкой, если бы пустила на порог нехристя, не поделившись с ним словом Божиим.

– Но вы же поделились, – прошептала Кора.

Библия, которую выдал Коре Мартин, принадлежала в детстве Этель. Это ее детские пальчики захватили и замусолили страницы Писания. Сейчас она недоверчиво смотрела на Кору, сомневаясь, что их незваная гостя способна прочесть и понять написанное. Кора, скажем прямо, к верующим от природы не относилась, да и обучение грамоте ей пришлось бросить прежде времени. Сидя на чердаке, она продиралась сквозь слова, двигаясь вперед и тут же возвращаясь назад в мудреных текстах. Понимая с пятого на десятое, она все равно до глубины души возмущалась встретившимися противоречиями:

– Вот тут в одном месте говорится: «Кто украдет человека и продаст его, или найдется он в руках у него, то должно предать его смерти». А в другом месте написано: «Рабов увещевай повиноваться своим господам, угождать им во всем, не прекословить». Что же, получается, владеть человеком как вещью – грех? Или и на это есть воля Божия? Но рабы, значит, еще и прекословить не должны. Не иначе, какой плантатор пробрался тайком в типографию и вставил сюда эти слова.

– Это значит то, что значит, – отвечала Этель. – В Исходе сказано, что сынам Израилевым не должно порабощать друг друга. Но к потомкам Хама это не относится, они другого роду-племени. На них лежит проклятие, отсюда и черная кожа, и хвост. Когда в Писании осуждается рабство, речь идет совсем не о рабах-неграх.

– Кожа у меня черная, но хвоста никакого нет, – возразила Кора и добавила, – по крайней мере, я не замечала, хотя специально не искала, конечно. Но рабство – зло, тут все правильно.

Когда рабами становятся белые люди, рабство – грех, а к африканцам это не относится. Все люди созданы равными, но коли ты нелюдь, равенство не про тебя.

Под солнцем Джорджии Коннелли частенько ссылался на Библию в назидание провинившимся неграм, которых порол:

– Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, убоявшись Бога. Поняли, черномазые?

Свист плетки-девятихвостки припечатывал каждый слог и заканчивался воплем жертвы. Коре вспомнились и другие отрывки из Священного Писания, где речь тоже шла о рабстве, и она наизусть прочитала их своей хозяйке, но Этель отмахнулась, ведь не затем же она утром открыла глаза, чтобы принять участие в богословском диспуте!

Кора радовалась ее обществу, а когда Этель поднялась и вышла из комнаты, сразу помрачнела. Сама она была убеждена, что во всем виноват тот, кто записывал. Люди сплошь и рядом все перевирают, иногда с умыслом, иногда без. На следующее утро Кора спросила Этель про альманахи.

Эти старые-престарые календари Кора обожала за незыблемость заключенного в них мира. В нем не было нужды уточнять, что именно тот или иной человек имел в виду. Цифры и факты невозможно было вывернуть наизнанку. Таблицы с фазами Луны и прогнозы погоды перемежались историями – сплошь про занудных вдовиц в годах да простаков негров, – вот они-то смущали Кору куда больше, чем нравственные уроки, которые она должна была почерпнуть из Священного Писания. И в том, и в другом случае речь шла о поведенческих нормах, выходявших за пределы ее понимания. Откуда и с какой стати ей должно было быть ведомо, как полагается вести себя во время сватовства или как перегонять овец по пустыне, да чтобы ни одна не заблудилась. А вот напечатанные в календарях-альманахах советы ей, возможно, когда-нибудь и сгодились бы. Взять хоть Оды к атмосфере или Оды к шоколадному дереву с островов южных морей. Ни про оды, ни про атмосферу она, конечно, слыхом не слыхивала, но честно штудировала страницу за страницей, и их обитатели занимали свои места в ее сознании. Появись у нее когда-нибудь башмаки, она уж будет знать про фокус со свечным салом и

воском, благодаря которому обувь может служить подольше. А если, не приведи Господь, расчихаются куры, то всего-то и надо, что растереть асафетиду с коровьим маслом и помазать им клювы сверху, мигом поправятся.

Отцу Мартина альманахи нужны были, чтобы наперед высчитывать время полнолуния; тем самым книги превращались в молитву о здравии беглых. Луна прибывала и убывала, зимний солнцеворот чередовался с летним, первые заморозки с весенними ливнями. Все это происходило без вмешательства человека. Кора пыталась представить себе приливы и отливы, волны, которые то набегают, то уносятся прочь и вгрызаются в песчаный берег, словно веселый щенок, не замечая ни людей, ни их козней. Болезнь отступала, и к ней возвращались силы.

Но самой ей в словах было не разобраться.

– Почитайте мне, пожалуйста, – просила она Этель.

Этель принималась брюзжать, но раскрывала ежегодный календарь на том месте, где он разваливался по корешку, и, сама того не желая, читала с теми же интонациями, что вызывали в ее голосе страницы Библии:

– Пересадка вечнозеленых растений. Время пересадки, будь то апрель, май или июнь, существенной роли не играет...

К пятнице Кора почти поправилась. Фиона выходила на работу с понедельника, так что по уговору прямо с утра Кора должна была перебраться в свой закуток под стропилами. Мартин и Этель собирались пригласить в гости соседей, чтобы под чай с кексом развеять все возможные подозрения или сплетни. Мартин старался выглядеть изможденным. Возможно, кто-то из гостей останется посмотреть пятничное действо: с веранды перед домом открывался отличный вид на парк.

Этель позволила Коре остаться ночевать в гостевой спальне, но только не зажигать света и не подходить к окну. Пятничное действо Коре смотреть совершенно не хотелось, но она мечтала о последней возможности вытянуться на кровати в полный рост. В конце концов решили обойтись без гостей, поэтому гости, постучавшиеся в дверь, едва началось ниггер-шоу, все до единого были незваными.

Правоохранители пришли в дом с обыском.

Представление прекратили, весь город, гудя, сгрудился на окраине парка. Этель пыталась задержать белых всадников. Они отшвырнули ее и Мартина. Кора метнулась было к лестнице, но поняла, что бесшумно проскользнуть вверх не получится – не зря скрип ступенек все эти месяцы служил для нее самым надежным сигналом о приближении посторонних. Она заползла под детскую кровать Мартина. Под ней ее и нашли. Ухватив за лодыжки, словно клещами, ее выволокли наружу и швырнули на ступени лестницы, так что она покатилась вниз, налетев в конце плечом на балясину перил. В ушах стоял звон.

Впервые за все время она увидела веранду дома Уэллсов, превратившуюся в сцену, еще одни подмости для пятничного увеселения горожан, где Кора валялась на дощатом полу под ногами у четырех блюстителей порядка, облаченных в черно-белую форму. Четверо других держали Мартина и Этель. На веранде находился еще один человек в клетчатом сюртуке из тонкой камвольной шерсти и серых брюках. Коре не приходилось встречать людей такого исполинского роста. Он был могучего телосложения с цепкими глазами и, наблюдая за происходящим, улыбался чему-то своему.

Жители города запрудили проулок и улицу, отпихивая друг друга, чтобы получше рассмотреть новую потеху. Сквозь толпу прокладывала себе дорогу рыжеволосая девица:

– Лихорадка, значит, венесуэльская. Говорила я вам, прячут они кого-то!

Так вот она какая, Фиона, наконец-то свиделись. Кора приподнялась на локтях, чтобы посмотреть на девушку, которую так хорошо знала, хотя ни разу не видела.

– Да получишь ты свои деньги, получишь, – махнул рукой бородатый белый всадник.

Он был среди тех, кто приходил в дом во время прошлого обыска.

– Тебя, пентюха, забыла спросить, – огрызнулась Фиона. – Сами, небось, в прошлый раз на чердак не полезли, а мне-то сказали, что все обыскали! Куда, скажите на милость, все время еда пропадала?

Фиона легонько поддала Коре ногой.

– Хозяйка, бывало, настряпает жаркого, а на следующий день в кастрюле пусто. Кто съел? Неизвестно. И вечно сидят глаза в потолок. Чего, спрашивается, высматривают?

Она повернулась к толпе, призывая свидетелей в свою поддержку.
– Вы все видели, награда за поимку причитается мне.

Кора подумала, что она еще совсем девочка с круглым, как яблочко, веснушчатым лицом, но взгляд был жестким. Глядя на этот нежный ротик, с трудом верилось, что брань и проклятия, которые она месяцами слышала, вылетали из него, но стоило посмотреть Фионе в глаза, любые сомнения отпадали.

– Разве мы тебя обижали? – простонал Мартин.

– Да ну вас, сами вы богом обиженные, – отрезала Фиона. – Поделом вам.

Как вершится правосудие, город лицезрел бесчисленное количество раз, но сегодня впервые ожидалось публичное оглашение приговора. От этого всем было не по себе. Получается, что из публики они превращались в присяжных. Жители украдкой поглядывали друг на друга, ожидая подсказки. Какой-то старик сложил ладони рупором и стал орать какую-то чушь. В Кору полетел огрызок яблока. На эстраде кривляки из скетчей про ниггеров обиженно комкали в руках растерзанные шляпы.

В толпе возник Джеймисон, утиравший лоб красным носовым платком. Со времен первого пятничного действия Кора его не видела, зато каждую неделю слышала заключительные речи. Каждую шутку, каждый велеречивый пассаж, вызывавший к расовым и государственным интересам, и в завершение приказ убить обреченную на заклятие жертву. Возникшие осложнения его несколько ошарашили; голос, лишенный обычного неистовства, сорвался на визг.

– Батюшки, – воскликнул он, – да ведь это сын Дональда Уэллса?

Мартин сокрушенно кивнул, его мягкое тело сотрясали рыдания.

– Отец бы в гробу перевернулся, – продолжал Джеймисон.

– Я ни при чем, это все он, – вскинулась Этель, упираясь и пытаясь вырваться из цепких рук белых всадников. – Это все он сам, я ничего не знала!

Мартин отвел глаза. От людей на веранде, от города. Он повернулся лицом в сторону Виргинии, где некогда, сбежав из родных пенат, смог вкусить свободы.

По мановению руки Джеймисона белые всадники поволокли Мартина и Этель в парк. Потом он оценивающе посмотрел на Кору и прищелкнул языком:

– Приятная неожиданность!

Намеченная на сегодня жертва тоже ждала своего часа.

– Ну что, разберемся с обеими?

Неожиданно в разговор вступил высокий незнакомец:

– Я, кажется, ясно выразился: девчонка моя.

Не привыкший к неповиновению Джеймисон окаменел лицом и попросил незнакомца представиться.

– Риджуэй, – последовал ответ. – Охотник на беглых, гоняюсь за ними повсюду. За этой пришлось побегать особенно долго. Ваш судья в курсе.

– Ну, знаете, закон грубой силы тут у нас не действует!

Джеймисон кожей чувствовал, что публика, кольцом обступившая дом, смотрит на него с невнятным ожиданием. Заслышав новые обертоны в голосе начальства, два ражих молодца сделали шаг, обходя Риджуэя с флангов.

Риджуэя все происходящее нимало не смущало.

– Понятное дело, в каждом городе на свой лад развлекаются. – Последнее слово он произнес как священник, проповедующий воздержание. – Но это чужая собственность. Согласно Закону о беглых рабах собственность по праву должна быть возвращена владельцу, что я и намерен проделать.

Кора со всхлипом дотронулась до своей головы. У нее все плыло перед глазами, как после страшного удара Терренса. Этот человек собирался вернуть ее хозяину. Белый всадник, швырнувший ее вниз по ступеням, вступил в разговор. Откашлявшись, он объяснил Джеймисону, что на дом Уэллсов их навел именно охотник за невольниками, который сегодня во второй половине дня побывал у судьи Теннисона и сделал официальное заявление, хотя его честь вряд ли это помнит, потому что усиленно смаковал свой пятничный виски. Проводить облаву в разгар пятничного действия никто желанием не горел, но Риджуэй сумел настоять на своем.

Риджуэй, жевавший табак, сплюнул жижу на землю, прямо под ноги зевакам.

– Наградные оставь себе, – бросил он Фионе.

Потом наклонился и, взяв Кору за локоть, вздернул ее на ноги:

– А тебе, Кора, бояться нечего, ты ведь домой поедешь.

В конце улицы появился фургон, запряженный парой лошадей. Вид восседавшего на козлах цветного мальчугана лет десяти в черной ливрее и высоченном цилиндре в другой ситуации вызвал бы оторопь, однако после столь театрального ареста беглой невольницы и ее укрывателей маленький темнокожий возница показался еще одним персонажем ночной фантасмагории. У многих в толпе мелькнула мысль, что все происходящее – лишь новый трюк из арсенала пятничного действия, просто спектакль, разыгрываемый, чтобы разбавить тяготину еженедельных фарсов и линчеваний, которые публике, честно говоря, успели набить оскомину.

Перед крыльцом стояла стайка молодых ирландок из Айриш-тауна во главе с Фионой.

– Девушке в чужом краю, коли желает пробиться, надо свой интерес блюсти, – объясняла она подругам.

В дополнение к вознице и Риджуэю на улице маячил еще один конный – высокий светлокожий человек с болтавшимся на шее ожерельем из отрезанных человеческих ушей. Он защелкнул у Кору на лодыжках кандалы и протянул цепь сквозь вделанное в днище фургона железное кольцо. словно в беспамятстве она опустилась на сиденье. Каждый удар сердца отдавался в голове пульсирующей болью. Фургон тронулся, и она увидела Мартина и Этель, привязанных к дубу-виселице. Они рыдали и пытались вырваться из пут. У их ног выписывал безумные кренделя шелудивый пес Мэр. Белокурая девчушка подобрала с земли камень и швырнула в Этель, угодив ей в лицо. Часть горожан разразилась хохотом на жалобные вопли жертвы. Еще двое детей стали кидаться в несчастных камнями. Мэр завизжал и запрыгал еще отчаяннее. Все больше людей наклонялось за бульжниками. Вот они распрямились и вскинули руки вверх. Горожане плотным кольцом обступили дуб и скрыли Этель с Мартином от глаз Кору.

Этель

С того дня, как Этель увидела гравюру с изображением миссионера в окружении туземцев, она поняла, что ее призвание – нести слово Божие в дебри Африки и просвещать дикарей. Ее воображению рисовалось рискованное путешествие в глубь континента к верховьям рек через горные перевалы, где всюду таятся опасности: львы, змеи, смертельно ядовитые растения, коварные проводники. И вот наконец деревня; туземцы встречают ее как посланницу Божию и провозвестницу цивилизации. Благодарные негры возносят ее к небесам, благоговейно повторяя: «Этель! Этель!»

Ей исполнилось восемь. Газеты, которые читал отец, были полны рассказов о неведомых странах, экспедициях, пигмеях, и чтобы хоть как-то воплотить все это в жизнь, она играла с Ясминой в миссионера и туземцев. Девочки росли словно сестры. Игра в миссионера длилась недолго и там же, в чулане дома Этель, переходила в «папу и маму», по ходу чего полагалось целоваться и скандалить. С учетом разницы в цвете кожи, роли в обеих играх всегда распределялись одинаково, хотя Этель вечно вымазывала себе лицо сажей. Стоя перед зеркалом, она примеряла на чумазую мордочку выражения изумления и благоговения, заранее репетируя, что будет написано на лицах обращаемых ею язычников.

Ясмина и ее мать Фелиция жили на антресолях. Семье Делейни принадлежала еще бабка Ясины, а Фелицию маленькому Эдгару Делейни подарили в день его десятилетия. С возрастом он оценил, какое она чудо, потому что за его домом рабыня следила, как за родным. Эдгар привычно черпал из кладезя ее негритянской мудрости, цитируя гостям ее притчи о природе человеческой, стоило Фелиции скрыться за дверью кухни, а когда она возвращалась, гости смотрели на нее с восхищением и вздыхали от зависти. Под Новый год Эдгар давал ей увольнительную, чтобы на праздник она могла съездить на плантацию Паркера, повидаться с сестрой, которая работала там прачкой. Через девять месяцев после одной из таких отлучек родилась Ясмина, так что Делейни стали хозяевами двух невольниц.

Этель считала, что раб – тот, кто живет в хозяйском доме как член семьи, хотя членом семьи не является. Дабы спустить дочь с небес на

землю, отец разъяснил ей, откуда взялась черная раса. Некоторые почитали их потомками великанов, в древности правивших миром, но Эдгар Делейни верил, что их праотцом был проклятый Ноем Хам, который уцелел во время Вселенского потопа, потому что укрылся на вершинах африканских гор. Этель решила, что проклятые тем более нуждаются в христианском наставлении.

Когда девочке исполнилось восемь лет, отец запретил ей играть с Ясминой, дабы не исказить сложившихся естественным образом межрасовых отношений. Этель даже в детстве трудно сходилась с людьми. Дни напролет она рыдала и топала ногами. Ясмина перенесла разлуку легче. Она выучилась выполнять простую работу по дому, а через какое-то время заняла место матери, когда та однажды схватилась за сердце и упала парализованная, лишившись дара речи. Месяц тянулся за месяцем, а состояние Фелиции не менялось: все тот же разинутый розовый рот и мутные глаза. В конце концов Эдгар велел увезти ее из дома. На лице своей бывшей подружки по играм Этель не прочитала никакого волнения, когда та грузила обездвиженную мать на телегу. К тому времени девочки уже разучились говорить друг с другом на темы, не касающиеся быта.

За пятьдесят лет существования дома Делейни ступеньки рассохлись и скрипели. Шепот в одной комнате эхом отдавался в двух соседних. Каждую ночь после ужина и вечерней молитвы Этель слышала, как отец поднимается вверх по корявой лестнице при пляшущем свете свечи. Порой она проскальзывала к двери спальни и успевала заметить край белой ночной рубашки до того, как фигура отца скрывалась за поворотом коридора.

– Куда вы, батюшка? – спросила она его однажды.

Фелицию уже два года как увезли. Ясмине было четырнадцать.

– Наверх, – ответил он, и оба испытали странное облегчение, потому что отныне было найдено слово для его еженощных визитов.

Он просто ходит наверх, а куда еще можно идти по лестнице? В далеком детстве Этель получила от отца объяснение расового разделения, ставшего возмездием за рознь между братьями. Белые живут на нижних этажах, черные ютятся под крышей, но если этот разрыв преодолеть, саднящая с библейских времен рана затянется. Ночные походы отца сулили примирение.

Мать Этель придерживалась не столь почтительного мнения о хождениях супруга на антресоли и обладала определенными рычагами влияния. Когда Ясмину продали меднику, жившему на противоположном конце города, Этель знала, что без матери тут не обошлось. На антресолях обосновалась новая рабыня, и визиты туда отца прекратились. Нэнси была в годах, подслеповатая, с медленной поступью. Теперь сквозь стены доносились не шаги и визг, а старческое пыхтение. В доме воцарились чистота и порядок, как при Фелиции. Ясмина хоть и старалась, но частенько отвлекалась. Ее новый дом был неподалеку. Соседи шушукались, что у сыночка-то отцовские глаза.

Однажды за обедом Этель заявила родителям, что, когда вырастет, хочет нести слово Божие первобытным племенам Африки. Ее подняли на смех. Слыханное ли дело, чтобы барышня из приличной виргинской семьи выбрала себе такую стезю. Отец сказал, что коли дочери хочется наставлять дикарей на путь истинный, ей прямая дорога в учительницы. Еще он сказал, что в мозгах пятилетнего ребенка куда больше дикости и непокорства, чем у самого дряхлого негра из африканских джунглей. Судьба Этель была решена. Скрепя сердце она устроилась учительницей в школу. Белые малыши, весело щебечущие и ничего не знающие, несли в себе какую-то первозданность, но это было не то. В сокровенных мечтах она неизменно уносилась мыслями в джунгли, к ликующей толпе боготворящих ее черных туземцев.

Главным для Этель стало отторжение. Жизнь барышень ее круга была подчинена некоему неведомому ритуалу, для нее непостижимому. Молодые люди, а позднее мужчины Этель не интересовали. Она устала от пересудов и давно оставила всякую надежду на счастье, когда кто-то из дальних родственников познакомил ее с Мартином, клерком Норфолкской судоходной компании. Этот пыхтящий барсук ее таки уломал. Играть в папу и маму оказалось совсем не интересно, хотя малютка Джейн, пусть даже акт ее зачатия стал очередным унижением, обернулась неожиданной благодатью, милым аккуратным букетиком, который Этель прижимала к груди. Год за годом жизнь в доме на Орчард-стрит текла с тоскливой размеренностью, в конечном итоге вылепившейся в покой. Ясмину, встречаясь с ней на улице, она предпочитала не замечать, особенно когда ее подруга детства вела за

руку сына. В его лицо Этель могла смотреться, как в закопченное зеркало.

Затем семейные обстоятельства заставили Мартина вернуться в Северную Каролину. Похороны Дональда проходили в разгар летней жары. Она лишилась чувств, все подумали, что от горя, но во всем была виновата здешняя чудовищная влажность. Муж клялся и божился, что, как только найдется покупатель на доставшуюся ему в наследство фуражную лавку, они тут же уедут. Город был сущей дырой. Напасти следовали одна за другой: не зной, так мухи, не мыши, так люди. В Виргинии, по крайней мере, линчующие толпы не бесновались по расписанию, в них был элемент внезапности. Там никто в одно и то же время еженедельно не вздергивал людей практически у тебя на пороге, а здесь такое происходило с регулярностью церковной службы. Нет, Северная Каролина – лишь краткая страница в ее жизни. По крайней мере в это Этель верила, пока на собственной кухне не наткнулась на черномазого.

Джордж, так звали единственного раба, которому Мартин помог до того, как прибилась эта девчонка, слез с чердака, потому что оголодал. До вступления в силу расистских законов оставалась неделя, так что страсти накалялись, население с воодушевлением репетировало карательные меры по отношению к цветным. Как Мартин объяснил жене, записка, которую он нашел на крыльце, привела его в заброшенную слюдяную шахту, где ждал своей участи озлобленный изголодавшийся Джордж. Беглый невольник с табачной плантации неделю топал у Этель над головой, пока человек с подземной железной дороги не переправил его на следующую станцию, для чего Джорджа пришлось упаковать в ящик, который выволокли из дома через переднюю дверь. Сперва Этель пришла в ярость, потом в отчаянье – Джордж, по сути, стал душеприказчиком ее свекра, введя Мартина в права таинственного наследства, доставшегося ему от отца. Работая на плантации, этот негр потерял три пальца на руке.

Моральная сторона рабства Этель никогда не волновала, ведь если бы Господь не уготовил африканцам участь невольников, не носить бы им кандалов. Но в том, что за чужие высокие идеалы своей жизнью расплачиваться не стоит, она была твердо убеждена. Из-за подземной железной дороги у них с Мартином были такие скандалы, каких не

случалось за все их супружество, причем это еще до вступления в силу отпечатанных мелким шрифтом смертоносных положений «Истинной конвенции». Посредством Кору – короюда, заведшегося у нее на чердаке, – покойный свекор тянулся к горлу невестки из могилы, чтобы покарать за опрометчивую шутку, брошенную в его адрес много лет назад. Когда семьи жениха и невесты впервые встретились, Этель вслух обмолвилась о простом деревенском платье Дональда. Она шутливо подчеркнула, как по-разному в каждом из семейных кланов трактуется понятие выходного костюма. Это была всего лишь шутка, ей хотелось, чтобы, отбросив условности, все поскорее приступили к обеду, который она так долго и тщательно планировала. Но Дональд, как она не раз жаловалась Мартину, никогда до конца невестку не простил, так что теперь им суждено болтаться на суку дуба-виселицы прямо перед парадным крыльцом их дома.

Подобно отцу Этель, Мартин тоже регулярно ходил к темнокожей девчонке наверх, правда, делал он это иначе, чем тесть, но и тот, и другой спускались вниз преобразенными. И тот, и другой преодолевали ветхозаветный раскол ради своих личных целей.

Но если им можно, почему ей нельзя?

Всю жизнь Этель вынуждена была во всем себе отказывать. В миссионерской деятельности. В возможности благодетельствовать. Дарить любовь в той степени, какой хочется. Когда девчонка занемогла, Этель почувствовала, что час, которого она ждала всю жизнь, наконец-то пробил. В конечном счете, если не она отправилась в Африку, то Африка сама пришла к ней.

Этель поднялась наверх, как некогда ее отец, чтобы лицом к лицу встретиться с чужим человеком, который живет в ее доме, словно член семьи. Девушка лежала на простынях, изогнувшись, словно перевозданная река. Она выкупала ее, омыв ее чресла от грязи и скверны. Потом поцеловала ее чело и шею, и в этих двух поцелуях в беспокойном забытии смешались два таких непохожих друг на друга чувства. Она принесла ей слово Божие.

Отныне у нее появилась своя, совсем своя дикарочка.

Теннесси

Награда 30 долларов

Февраля сего года 6-го дня с плантации нижеподписавшегося Джона Дарка бежала принадлежавшая ему молодая мулатка по имени ПЕГГИ. Лет ей около 16, росту среднего, смуглая, волос прямой, собой ладная, только на шее неровный рубец от ожога. Будет выдавать себя за свободную гражданку США, о чем наверняка представит документ. По виду ума невеликого, при разговоре вид строит глупый, тараторит. Голос имеет писклявый.

Джон Дарк

Округ Чатем, мая 17-го дня

– Иисус, верни меня домой, домой в ту землю...

Джаспер пел не переставая.

Риджуэй, ехавший во главе маленького отряда, орал Джасперу, чтоб он заткнулся, а иногда они специально останавливались, чтобы Боусман, спешившись, мог залезть в фургон и треснуть беглого ниггера по башке. Джаспер какое-то время сосал пальцы, зализывая шрамы, а потом снова заводил свое. Сперва негромко, так что слышала только Кора, которая сидела рядом, но вскоре снова пел во весь голос, обращаясь к своей сгинувшей семье, своему богу, к каждому встречному, попадавшемуся на пути. И его снова требовалось затыкать.

Какие-то песнопения были Коре знакомы. Она подозревала, что авторство многих принадлежало самому Джасперу, уж больно хромали рифмы. Будь у него голос получше, она бы ничего не имела против, но певческим даром Господь его явно не наградил. Как и пригожестью, дав взамен скособоченное лицо, похожее на жабью морду, и ручки-веточки, с которыми на плантации делать нечего. Удачей тоже обделил.

В этом они с Корой были похожи.

Джаспера они прихватили через три дня после того, как выехали за пределы штата Северная Каролина. Он был живой бандеролью, которую требовалось доставить по назначению. Сбежал с плантации сахарного тростника во Флориде и сумел добраться до Теннесси, где попался на воровстве – таскал съестное из кладовки лудильщика. Через пару недель помощник шерифа установил имя его флоридского хозяина, но пострадавший лудильщик оказался безлошадным. Риджуэй с Боусманом как раз сидели за стаканом в таверне рядом с местной тюрьмой, а маленький Хомер и Кора ждали их в повозке. Секретарь муниципалитета подошел к знаменитому охотнику на беглых, оговорил с ним размер комиссионных, и теперь у него в фургоне на цепи сидел еще один беглый ниггер. О том, что он окажется певчей пташкой, Риджуэя никто не предупредил.

По парусиновой крыше барабанил дождь. Кора обрадовалась было свежему ветру, но потом устыдилась, что чему-то радуется. Когда дождь выдохся, они остановились, чтобы поесть. Боусман отвесил Джасперу затрещину, хохотнул и отцепил кандалы обоим беглым от вделанного в днище фургона кольца. С сопением присев перед Корой, он как всегда повторил свое пошлое предложение. Кора и Джаспер по-

прежнему были скованы по рукам и ногам. Никогда в жизни ей не приходилось так долго носить кандалы.

Над головой кружила стая ворон. Всюду, куда хватало глаз, расстилалась выжженная гарь, море пепла и сажки, тянувшееся через плоскую равнину до самых гор. Над землей нависали черные деревья, их чахлые черные руки будто указывали на неведомое уцелевшее от огня место. Они ехали мимо бесчисленных почерневших остовов домов и сараев, мимо печных труб, торчащих над пепелищами, словно надгробия, мимо выгоревших дотла мельниц и амбаров, от которых остались лишь камни стен. Обуглившиеся изгороди помяла скотина, но животных наверняка поглотило пламя, в котором никто не выжил.

Через два дня пути в их кожу вьелась черная сажа. Риджуэй приговаривал, что чувствует себя как на отцовской кузне.

А Кора понимала, что тут не спрячешься. За этими черными стеблями не укроешься, даже если бы не путы. Даже если бы выпал шанс.

Мимо на лошади мышастой масти трусил белый старик в сером пыльнике. Как и все, кто попадался им на пути, он из любопытства замедлил шаг. Двое взрослых невольников никого не удивляли, но сидевший на козлах цветной мальчуган в черной ливрее своей странной ухмылкой вызывал у проезжавших мимо оторопь. У белого, что помоложе, в красном котелке с загнутыми полями, на шее болталось ожерелье из кусков сморщенной кожи. Когда любопытствующие понимали, что это человеческие уши, он оскаливал побуревшие от табака неровные зубы. Белый постарше, который явно был за главного, своим недобрый взглядом пресекал всякое желание завязать разговор, так что старик проехал мимо, за поворот, где дорога принималась петлять меж облысевших холмов.

Хомер расстелил побитое молью одеяло, на которое можно было сесть, и каждый получил свою порцию в оловянной миске. У знаменитого охотника за беглыми еда делилась между охотниками и беглыми поровну. Так повелось с самого начала: жалоб в пути меньше, а в конце он все расходы вписывал клиенту в счет. Сидя на обочине выгоревшего поля и отбиваясь от полчищ зудящей мошкары, они ели солонину с фасолью, которую состряпал Боусман.

Дождь обострил запах гари, и воздух стал горчить. Каждая ложка еды, каждый глоток воды отдавали дымом.

– Восстань, призвал наш искупитель, восстань, коль хочешь лик узреть... – затянул Джаспер.

– Аллилуйя-а-а, жирдяй-спаситель! – завопил в ответ Боусман.

Эхо его слов разнеслось по округе, и он вытанцовывал коленца, разбрызгивая темную воду.

– Он опять ничего не ел, – пожаловалась Кора.

Последние несколько привалов Джаспер, вместо того чтобы есть, сидел, скрестив руки, и кривил плотно сжатые губы.

– Значит, поголодает, – хладнокровно отозвался Риджуэй, ожидая, что Кора вскинется.

Она всегда что-то чирикала в ответ на его слова. Один постоянно держал другого на мушке. Но Кора промолчала, не желая продолжать игру.

Подоспевший Хомер мигом проглотил порцию Джаспера. Почувствовав на себе взгляд Кору, он, не поднимая головы, ухмыльнулся.

Маленький возница был сущим дьявольским отродьем, ни на кого не похожим. От роду ему было лет десять, но в заученных движениях проступала меланхолическая грация старого домашнего лакея. На свою черную ливрею и высоченный цилиндр он просто надышаться не мог, обирая с материи каждую ворсинку и разглядывая ее, прежде чем сбить щелчком, с таким выражением, словно это ядовитый паук. С окружающими не разговаривал, только лошадей своих крыл на все корки. Никаких признаков расовой солидарности или симпатии не подавал. Кора и Джаспер значили для него меньше, чем ворсинки на рукаве. Он их просто не видел.

Кроме обязанностей возницы на Хомере лежала вся починка и то, что Риджуэй называл «бумажной работой». Он вел все счета, а также записывал за Риджуэем в книжицу, которую всегда держал в кармане ливреи. На ее страницы попадали и набившие оскомину философские трюизмы, и прозаические замечания о погоде – мальчуган их фиксировал с одинаковым рвением. Чем он руководствовался при отборе, Кора так и не разобрала.

Как-то ночью Коре удалось разговорить Риджуэя, и он заявил, что за исключением четырнадцати часов, в течение которых Хомер находился в его собственности, сам он ни одной минуты в жизни рабовладельцем не был. На Корин вопрос: «Почему?», он спросил:

– А зачем?

Риджуэю случилось проезжать через окраину Атланты – надо было доставить хозяину беглую супружескую пару напрямик из Нью-Йорка, – и тут ему попался на глаза мясник, которому, как выяснилось, потребовались деньги, чтобы уплатить карточный долг. Родители жены подарили им на свадьбу мать Хомера, но мясник ее давно продал; тогда, видать, тоже в картах не подфартило. Теперь пришла очередь мальчишки. Хозяин повесил ему на шею картонку с грубо намалеванной ценой.

Риджуэя поразила ни на что не похожая душевная организация мальчугана. В блестящих глазах на круглом, как блинчик, лице разом читались и дикость, и безмятежность. Родственная душа! Риджуэй купил его за пять долларов и на следующий же день выправил парню вольную. Хомер прилепился к нему, несмотря на вялые попытки Риджуэя от него отделаться. Мясник не придерживался жестких взглядов на образование цветных и отпускал своего негритенка в школу, где учились дети вольных. Риджуэй со скуки продолжил учить мальчишку грамоте. Хомер при случае любил огорошить любопытствующих рассказами про свои итальянские корни. Платье его с течением времени менялось, пока не сложилось в ни на что не похожий наряд, а вот нрав оставался неизменным.

– Если он не раб, почему не уходит?

– А куда? – поднял брови Риджуэй. – Он достаточно повидал, чтобы понять, что у черномазого мальчишки будущего нет, что с вольной, что без. По крайней мере, здесь. Его тут же схватит какой-нибудь проходимец и мигом выставит на торги. Со мной хоть жизнь повидаёт. Глядишь, найдет себе место.

Каждую ночь Хомер размеренными движениями открывал походный ранец, доставал оттуда пару наручников, приковывал себя к козлам, прятал ключ в карман и закрывал глаза.

Перехватив удивленный взгляд Кору, Риджуэй пояснил:

– Говорит, по-другому ему не заснуть.

Во сне Хомер храпел, как старый барин.

Боусман ездил с Риджуэем уже три года. Он прибил к нему в Южной Каролине и до охоты за беглыми пробавлялся на разных скудных нивах: был портовым грузчиком, коллектором, выбивающим

долги, могильщиком. Ума Боусман был невеликого, но обладал даром предвосхищать желания Риджуэя, причем так, что вызывало это разом и восхищение, и ужас. Когда Боусман вошел в шайку Риджуэя, в ней было пять человек, но потом они один за другим отпали, и Кора далеко не сразу поняла причину.

До Боусмана ожерелье из отрезанных ушей принадлежало краснокожему индейцу по имени Стронг. Он все хвастался своим нюхом, но нюх не подводил его только в одном случае: когда требовалось разнюхать местонахождение виски. Боусман выиграл ожерелье в борцовском поединке, а когда краснокожий стал возмущаться из-за несправедливости, Боусман отходил его лопатой. Стронг после этого лишился слуха. Шайку он бросил и, как болтали, подался в Канаду, на сыромятни. Уши в ожерелье, даром что сухие и сморщенные, в жару привлекали полчища мух, но Боусман своим трофеем дорожил. Grimаса отвращения на лице каждого нового клиента приводила его в восторг, а Риджуэй при случае любил вставить, что краснокожего, в бытность его хозяином ожерелья, мухи не смущали.

В промежутках между ложками Боусман созерцал холмы с непривычно задумчивым видом, потом отошел в сторонку по нужде, а вернувшись, сказал:

– Папаня мой через эти края проезжал. Рассказывал, как туда ехал, тут леса стояли, а обратно – уже все скваттеры порасчистили.

– А теперь тут все вытоптано подчистую, – хмыкнул Риджуэй. – Твоя правда, Боусман, раньше здесь только конная тропа шла. В следующий раз учти, как понадобится пробивать дорогу через лес, надо прогнать через него тысяч десять голодных чероки, и дело в шляпе. Дешево и сердито.

– А где эти чероки теперь? – спросила Кора.

Со времен ночных посиделок с Мартином на чердаке она научилась чувствовать, когда белый в разговорчивом настроении. Это давало ей возможность обдумать свои дальнейшие шаги.

Риджуэй был неутомимым читателем газет. Они требовались ему по роду деятельности, поскольку содержали объявления о розыске беглых – Хомер обеспечивал его подробной подборкой, – а еще новости о текущих событиях, откуда он черпал подтверждения для своих умозаключений об общественном устройстве и роде

человеческом. Особенности индивидуумов, ходивших под началом Риджуэя, приучили его, что элементарные вещи и исторические факты нуждаются в разъяснении. В конце концов, разве черномазая девчонка обязана знать историю края, по которому они едут?

Он объяснил, что вся эта земля искони принадлежала индейцам чероки. Это была земля их краснокожих предков, но президент Джексон решил иначе и велел им выметаться вон. На этот край нацелились скваттеры, а если индейцы к тому времени так и не усвоили, что любым обещаниям бледнолицых грош цена, то поделом им. Кое-кто из приятелей Риджуэя служил в это время в американской армии. Индейцев взяли в кольцо, и детей, и женщин, заставили собрать пожитки, кто что может унести, и погнали на запад по реке Миссисипи. Сами чероки позднее назовут этот путь «Дорогой слез и смерти», и это не пустые слова, не просто поэтическое преувеличение, к которому индейцы склонны. Болезни и голод вкуче с небывалым морозом, о котором Риджуэй вспоминал с содроганием, косили их тысячами. Когда чероки доползли до Оклахомы, оказалось, что землю, обещанную им под переселение в последнем пустопорожном договоре, уже захватили белые скваттеры. А они, бедолаги, на собственных ошибках так ничему и не научились. Зато теперь тут проезжий тракт, утрамбованный босыми красными пятками, так что путешествовать из Джорджии в штат Миссури стало не в пример удобнее.

– Цивилизация, – прищелкнул языком Риджуэй. – Один мой родственник в этой лотерее сумел урвать для себя надел индейской земли. Теперь кукурузу выращивает.

Кора, склонив голову, рассматривала следы разрухи.

– Повезло ему, – сказала она.

По дороге Риджуэй сообщил им, что причиной пожара, вероятно, стал удар молнии. Небо на сотни миль заволкло дымом, оно набухало багрово-красным, как венозная кровь, закатом. Казалось, будто диковинные твари извиваются в жерле вулкана. Так давал знать о себе подступающий штат Теннесси. Кора впервые пересекала границу штата не под землей, а поверху. Прежде тоннели подземной железной дороги служили ей защитой. «Штат штату рознь, – вспоминала она слова начальника станции Ламбли. – Со своими обычаями, своим укладом». Красное небо заставляло ее сердце содрогаться при мысли об обычаях и укладе этой новой местности. Пока они приближались к

курившемуся дыму, Джаспер под воздействием заката разразился циклом гимнов, в которых красной нитью проходила тема гнева Господня и кары, уготованной грешникам. Боусман только и делал, что наведывался в фургон.

Ближайший городок заполонили погорельцы.

– Тоже беглые, – отчеканила Кора.

Хомер заерзал на козлах и подмигнул ей.

Белые семьи ютились на задворках, безутешные и деморализованные, окруженные жалким скарбом, который смогли вынести из огня. По улицам, пошатываясь, бродили личности с обезумевшими лицами в обгоревших лохмотьях; в их глазах застыло отчаянье, ожоги перевязаны тряпьем. Кора привыкла к плачу негритят, которые мучительно заходились от голода или боли, от помешательства тех, чьим заботам они вверены. Плач такого количества белых младенцев был ей в диковинку. Цветные казались куда милей.

Магазин встретил Риджуэя и Боусмана пустыми полками. От приказчика они узнали, что пожар начали колонисты, пытавшиеся пожечь заросли кустарника. Ненасытное всепожирающее пламя вышло из повиновения и опустошало округу, пока не хлынули дожди. Выгорело чуть не полтора миллиона гектаров. Правительство посулило помощь, но когда она придет – неизвестно. Катастроф такого масштаба тут, как сказал приказчик, прежде не случалось.

Слушая, как Риджуэй пересказывает его слова, Кора подумала, что у исконных обитателей здешних мест наверняка существовала собственная летопись лесных пожаров, наводнений и ураганов, но поделиться ею они не могли, потому что были далеко. Кора не знала, какое племя называло эту землю своей, но ее хозяевами были индейцы. А разве у американской земли были другие хозяева? Ей никогда не приходилось толком учить историю, но порой достаточно просто посмотреть по сторонам, и все понятно.

– Бога, поди, прогневили чем-то, – сказал Боусман.

– Да одной искры было достаточно, в сторону отнесло, и привет, – отозвался Риджуэй.

После обеда они отдыхали при дороге: Боусман и Риджуэй посасывали трубки и пересмеивались, не спеша садиться на коней. Несмотря на все разговоры о том, сколько пришлось гоняться за

Корой, знаменитый охотник на беглых явно не торопился как можно скорее доставить девушку Терренсу Рэндаллу, да и сама она воссоединиться с хозяином не спешила. Кора неверными шагами двинулась по выжженной стерне. Она уже научилась передвигаться в кандалах, правда, на это ей потребовалась уйма времени. Сколько раз сердце ее сжималось при виде вереницы скованных вместе невольников, которых гнали мимо плантации, а вот теперь и она попалась. Непонятно, правда, то ли судьба столько лет оберегала ее от этих мук, то ли она, злодейка, дождалась своего часа, и ловушка захлопнулась. Кожа под браслетами кандалов стерлась и покрылась язвами. Боусман и Риджуэй даже не смотрели в ее сторону. Кора медленно двинулась к обгоревшим деревьям.

На самом деле она уже несколько раз пыталась бежать. Как-то они остановились, чтобы пополнить припасы, Боусман засмотрелся на похоронную процессию, заворачивавшую за угол, и не заметил, что Коре удалось отойти на несколько ярдов, пока Хомер не сообразил, в чем дело. Тогда к ножным кандалам ей добавили металлический ошейник, с которого, словно плети плауна, свисали две цепи, закрепленные противоположными концами на запястьях. Со сложенными перед собой руками Кора напоминала просящую подаяния нищенку или богомола. В другой раз она попробовала бежать, когда белые отошли в сторонку по нужде. Ей удалось продвинуться несколько дальше. Как-то под вечер она попыталась счастья снова. Это было у ручья, течение манило вперед, но, поскользнувшись на мокрых камнях, она упала в воду, после чего Риджуэй ее выпорол. Больше она не бегала.

Выехав из Северной Каролины, они несколько дней почти не разговаривали. Коре сначала казалось, что это из-за столкновения с толпой, которое далось им также нелегко, как и ей, но потом поняла, что у них вообще принято ехать молча – так и было, пока не появился Джаспер. Теперь Боусман цедил сквозь зубы грязные слова домогательств, а сидевший на козлах Хомер с только ему понятной регулярностью оборачивался к Коре и расплывался в улыбке, от которой падало сердце. Сам же главарь шайки скакал впереди, на некотором расстоянии от остальных, и иногда что-то насвистывал.

Кора сама сообразила, что, вместо того чтобы двигаться на юг, они едут на запад. До знакомства с Цезарем она не знала, что можно ориентироваться по солнцу. Он объяснил, что это поможет им при побеге. Утром, когда они сделали остановку перед пекарней в каком-то городке, Кора собралась с духом и спросила Риджуэя, куда они направляются.

Его глаза сверкнули, словно он давно ждал, что она подойдет с вопросом. С того раза Риджуэй стал посвящать ее в их планы, словно у нее было право голоса. Он сказал, что они с самого начала держат путь на запад.

– Тебя-то мы случайно нашли, но можешь не беспокоиться, скоро и тебя довезем.

Выяснилось, что некий плантатор из Джорджии по имени Хинтон подрядил Риджуэя вернуть беглых. Речь шла о Нельсоне, весьма ловком и хитром негре, у которого в цветном поселке в штате Миссури жила родня. По данным из проверенных источников, этот самый Нельсон, ничуть не таясь, промышлял себе там охотой и в ус не дул. Его хозяин, Хинтон, был человек почтенный, владелец завидного состояния и родственник губернатора штата. К несчастью, один из его надсмотрщиков проболтался о случившемся своей цветной наложнице, и Хинтон сделался посмешищем для собственных рабов. Нельсона он некогда планировал поставить десятником. За его возвращение Риджуэю было обещано щедрое вознаграждение. Дошло до того, что с охотником на беглых был заключен официальный контракт с соблюдением всех формальностей. Свидетелем стал старик негр, смущенно кашлявший в ладонь.

С учетом нетерпения Хинтона первым делом надо было смотаться в Миссури.

– Вот заберем парня, – сказал Риджуэй, – и сразу повезем тебя к твоему хозяину. Уж он-то знает, чем тебя встретить.

Риджуэй не скрывал своего презрения к Терренсу Рэндаллу с его, как он говорил, «богатым воображением» по части всего, что касалось усмирения невольников. Что он за фрукт, стало понятно, едва отряд охотников свернул на аллею к господскому дому, рядом с которым стояли три виселицы. На одной болталось выставленное на всеобщее обозрение тело молоденькой девушки, проткнутой насквозь толстым

железным шкворнем. Внизу, на глине темнели лужи крови. Две еще пустые виселицы стояли и ждали своих жертв.

– Подружку-то как звали? Милашка? Не задержи меня дела на Севере, я бы вас троих мигом замел по горячим следам, – сказал Риджуэй.

Кора зажала рот руками, чтобы не закричать, потом потеряла сознание. Риджуэй ждал минут десять, пока она придет в себя. Жители городка смотрели на цветную девушку, лежащую на земле без чувств, и перешагивали через нее, чтобы зайти в пекарню за хлебом. По улице разносился запах свежей выпечки, сдобный и манящий.

Риджуэй велел Боусману и Хомеру ждать перед домом, пока он будет говорить с Терренсом. При старике Рэндалле господский дом казался живым и гостеприимным, ведь Риджуэй бывал там прежде и возвращался несолоно хлебавши, так и не сумев поймать Мэйбл. Изменившуюся атмосферу в доме он почувствовал с первых минут. Рэндалл-младший был отъявленным мерзавцем, причем мерзость эта, словно зараза, распространялась на все вокруг. Из-за серых грозовых туч дневной свет казался мутным и вялым, понурые домашние негры ползали, как сонные мухи.

Газеты любят сказки про счастливую жизнь на плантации, где довольные рабы поют и пляшут, а добрый белый масса радуется. Людям подобные вещи по вкусу, да и с политической точки зрения польза, учитывая борьбу между Севером и Югом и аболиционизм. Риджуэй прекрасно знал цену подобным вракам и на институт рабства смотрел без иллюзий, трезво, но и скверну, которую источала плантация Рэндаллов, воспринимал не менее трезво. Это было проклятое место. У кого повернется язык выговаривать рабу за понурый вид, когда под окнами на суку болтается труп?

Терренс принял Риджуэя в гостиной, развалясь в красном халате на диване. Он был пьян и не потрудился одеться. По словам Риджуэя, горько было смотреть, как за одно поколение все пришло в упадок, но такое в семьях случается. Это все деньги. Из-за них всякая мерзость лезет наружу. Терренс помнил Риджуэя по его предыдущему визиту, когда пропала Мэйбл. Ее след тогда тоже терялся в трясине, как и у сбежавшей троицы. Рэндалл-младший сказал, что отец был польщен, когда Риджуэй лично принес ему извинения за свою нерадивость.

– У меня руки чесались съездить этому щенку по морде пару раз, причем я ничем не рисковал, – рассказывал Риджуэй Коре. – Но по зрелом размышлении решил, что успею, когда ты и твой попутчик будете у меня в руках. Какая-никакая, а цель.

По настойчивости Терренса и размеру вознаграждения он сделал вывод, что Кора была хозяйской наложницей.

Кора помотала головой. Она больше не рыдала и теперь стояла, стиснув кулаки, чтобы унять дрожь.

Риджуэй помолчал.

– Ну, значит, дело в другом. В любом случае, ты его чем-то сильно зацепила.

Он снова принялся описывать свой визит на плантацию. Терренс вкратце сообщил ему, что произошло после поимки Милашки. Как раз утром Коннелли откуда-то узнал, что Цезарь захаживал в дом к Флетчеру, местному лавочнику, – тот якобы продавал вырезанные им деревянные доски. Может, есть смысл наведаться к этому Флетчеру, а дальше видно будет? Девку вернуть живой, с парнем можно делать что угодно. Кстати, Риджуэй в курсе, что парень из Виргинии?

Этого Риджуэй не знал. Он тоже был из Виргинии и питал к родному штату подобие рыцарских чувств.

Окна в гостиной были закрыты, но неприятный запах пробивался внутрь.

– Вот и набрался там всякой дряни, – процедил Терренс. – Там же с ними цацкаются. Пусть почувствует, как обстоят дела у нас в Джорджии.

С государственным правосудием Рэндалл связываться не хотел. Беглецов разыскивали за убийство белого подростка, и, прознай об этом кто-нибудь, толпа расправилась бы с виновными на месте. Гонорар Риджуэя включал в себя плату за молчание.

Охотник на беглых откланялся. Колесные оси фургона жалобно скрипели, как это было всякий раз, если фургон ехал порожняком. Риджуэй дал себе слово, что возврата порожняком не будет. Еще раз извиняться перед Рэндаллами он не намерен. Особенно перед таким сучонком, как молодой хозяин. Он услышал какой-то звук и повернул голову. Это была повешенная Милашка. Ее руки дергались. Значит, она еще не умерла.

– Рассказывают, так и болталась еще полдня.

Флетчер раскололся моментально – оказался из породы верующих слюнтяев, так что своего поделщика по подземной железной дороге, Ламбли, тут же сдал. Но Ламбли этот как сквозь землю провалился после того, как переправил Кору и Цезаря в другой штат.

– В Южную Каролину, да? – спросил Риджуэй Кору. – А мать твою на Север тоже он переправлял?

Кора молчала. О судьбе Флетчера и, наверное, его несчастной жены догадаться было несложно. Ну, хоть Ламбли удалось выпутаться. И тоннеля под амбаром они не обнаружили. В один прекрасный день какая-нибудь пропадающая душа найдет его. И, как знать, может, спасется.

– Молчишь? Ну, молчи, – мотнул головой Риджуэй. – До Миссури путь неблизкий, успеем наговориться. Нам спешить некуда.

Блюстители закона взяли стационарного зрителя из Южной Виргинии; он-то, по словам Риджуэя, и выдал отца Мартина. Дональд Уэллс к тому времени уже лежал в могиле, но Риджуэй решил попробовать разобраться на месте, чтобы получить представление о том, как работает большая сеть. Кору он даже не ожидал обнаружить. Все получилось к вящему его удовольствию.

Боусман прикрепил ее цепи к кольцу в днище фургона. Теперь она на слух узнавала повадки замка: перед тем, как защелкнуться, он словно бы не поддавался. На следующий день появился Джаспер. Он дрожал всем телом, будто побитая собака. Кора пыталась втянуть его в разговор, спрашивая, откуда он бежал, как решился на это, каково было работать на плантации сахарного тростника. Джаспер отвечал лишь гимнами и молитвами.

Все это случилось четыре дня назад. Сейчас она стояла на превратившемся в пепелище выгоне в злосчастном Теннесси, чувствуя, как хрустят под ногами угли.

Поднялся ветер, потом брызнул дождь. Привал подошел к концу. Хомер перемыл посуду после их трапезы. Риджуэй и Боусман выколотили трубки, и Боусман свистом позвал Кору назад. Холмы и хребты Теннесси обступали ее со всех сторон, словно стенки погребальной урны. Как же страшно тут все полыхало, как беспощадно. Мы ползаем в урне с прахом. Вот что остается, когда все ценное уничтожено, – лишь черная пыль, которую гонит ветер.

Боусман пропустил цепи через кольцо в полу и защелкнул замок. В днище фургона были вделаны десять колец – пять вдоль одного борта пять вдоль другого, – достаточно для крупного улова, буде такой случится. Достаточно для них двоих. Джаспер утвердился на своем излюбленном месте на скамейке и завел со всем жаром, словно только что встал из-за рождественского ужина:

– Как призовет тебя Спаситель, сложи с себя свой груз, сложи!

– Боусман! – негромко позвал Риджуэй.

– Он вглубь души твоей заглянет и все грехи твои прочтет. Он вглубь души твоей заглянет и все, что сделал ты, поймет.

– Та-ак, – с любопытством протянул Боусман.

Впервые за все время, как они поймали Кору, Риджуэй залез в фургон. В руках он держал револьвер Боусмана, из которого в упор пальнул Джасперу в лицо. На парусиновый навес и Корино замызганное платье брызнула кровь и осколки костей.

Риджуэй утер лицо и объяснил, почему он так поступил. За Джаспера полагалось вознаграждение в пятьдесят долларов, из которых пятнадцать должен был получить лудильщик, доставивший беглого негра шерифу. Сперва им надо в Миссури, потом обратно, на восток, в Джорджию, и только потом Флорида – понадобилось бы несколько недель, чтобы доставить Джаспера хозяину. Значит, тридцать пять долларов за три, предположим, недели, да минус доля Боусмана – получается ничтожная сумма, которую не жалко потерять ради тишины и покоя.

Хомер вытащил из кармана свою книжицу и проверил приведенные хозяином цифры:

– Все точно, – подтвердил он.

Теннесси встретил их чередой разрушений. Два городка вдоль выжженной дороги сгнули в жерле ненасытного пламени. Утром за холмом замаячило пепелище, оставшееся от поселка, – обуглившееся дерево и закопченный камень. Ближе к дороге, словно пни, торчали печные трубы отдельных домов, в которых некогда предавались мечтам первопоселенцы, за ними шло то, что осталось от улицы, – ряд полуобвалившихся остовов. Дальше по дороге находился город побольше, пострадавший столь же страшно. В самом центре его лежал просторный перекресток, где сходились недавно соперничавшие друг с другом по оживленности, а теперь лежавшие в руинах торговые улицы. Пекарская печь зловещим тотемом торчала среди развалин булочной, за тюремными решетками скрючились человеческие останки.

Кора не могла сказать, что заставило первых колонистов связать свое будущее с этой землей: плодородная почва, вода, открывавшийся вид. Теперь все это было уничтожено. Реши кто-то из выживших вернуться сюда, то лишь для того, чтобы окончательно понять: счастья теперь надобно пытаться в других местах, – и немедленно уходить либо дальше на восток, либо вовсе на запад. Эту землю не воскресить.

Потом гарь отступила. После их путешествия по выжженной пустоши березы и луговые травы дразнили взор немислимыми переливами зелени, жизнеутверждающими, будто в Эдемском саду. В ознаменование перемены настроения воодушевленный Боусман заголосил, подражая Джасперу. Чернота пожаращ подействовала на всех куда сильнее, чем казалось по дороге. Кукуруза в полях, вымахавшая уже под два фута, обещала богатый урожай, и столь же красноречиво выжженные земли предрекали тяжкие времена.

Солнце было еще в зените, когда Риджуэй приказал им остановиться. Напряженным голосом он зачитал остальным объявление на столбе: проезжающих предупреждали, что в городе, куда вела дорога, свирепствует желтая лихорадка. Объездная дорога, узкая и колдобистая, проходила южнее.

Объявление, судя по всему, было свежее, повесили его недавно, так что карантин наверняка не истек.

– У меня обоих братьев унесла желтая лихорадка, – произнес Боусман.

Он вырос на берегах Миссури, где с наступлением тепла эта зараза была частой гостьей. Кожа младших братишек стала желтой, как воск,

они исходили кровью, даже из глаз сочилась, крохотные тела корчились в судорогах. Потом их трупы забрали и отвезли куда-то на скрипучей тачке.

– Страшной смертью умерли, – пробормотал он, миглом утратив все свое веселье.

Риджуэй знал этот город. Продажный хам в кресле мэра, еда, от которой ничего, кроме расстройств. Жизнь дороже, хотя объездной путь выйдет много длиннее.

– Эту заразу завозят корабли, – заявил он. – Из Вест-Индии, из черной Африки, в нагрузку к невольникам. Такой вот налог на живой товар.

– И какому же сборщику его полагается платить? – буркнул Боусман. – В глаза бы ему посмотреть.

От страха он нетерпеливо ерзал. Ему хотелось немедленно убраться с дорожной развилки, находившейся слишком близко к охваченному эпидемией городу. Не дожидаясь приказа Риджуэя или повинаясь сигналу, понятному только охотнику на беглых и его малолетнему секретарю, Хомер погнал фургон прочь от проклятого места.

По пути на юго-восток им встретилось еще два объявления, предупреждавших об опасности. Но дороги, ведущие в города, где был объявлен карантин, беды не сулили. Пожарища, по которым они долго ехали, были бедой зримой, что делало эту невидимую глазом угрозу еще более жуткой. Следующую остановку они сделали уже в полной темноте. У Кору было достаточно времени, чтобы мысленно перебрать все подробности своей жизни с момента побега, сплетая их в памяти в толстенный жгут.

Конduit рабства складывался постепенно, лист за листом. Десятки тысяч пойманных на побережье Африки, чьи имена значатся в декларациях судового груза. Живого груза. Имена мертвых значили не меньше, чем имена живых, потому что за каждую потерю, вызванную болезнью или самоубийством, а также прочими несчастными случаями, экипажу требовалось отчитываться перед грузоотправителем. Во время торгов велся учет всех душ, проданных и купленных. На плантациях надсмотрщики заносили имена невольников в убористые столбцы. Каждое имя – капитал, живой товар, плоть, способная приносить прибыльный приплод.

Рабство сделало из Кору еще одного составителя списков, но в ее поминальнице люди не низводились до суммы, а возвеличивались за свою доброту. Те, кто были дороги сердцу, от кого она видела добро. Женщины из хижины Иова, Милашка, Мартин и Этель, Флетчер. Те, кто сгинули: Цезарь, Сэм, Ламбли. Смерть Джаспера была не на ее совести, но брызги его крови на парусиновой крыше фургона и у нее на платье заставляли причислять его к «своим» усопшим.

Теннесси был проклятым штатом. Она сперва решила, что все разрушения – и пожарища, и эпидемия – возмездие провидения, воздавшего белым по грехам. За то, что поработили ее народ, истребили коренное население, за то, что вся земля тут была краденой. Пусть мечутся в огне или в лихорадке, пусть начавшееся тут разрушение распространяется на все новые и новые земли, пока не будет отмщен последний мертвый. Но если возмездие им было по грехам, за что же столько бед обрушилось на ее голову? В другом памятном списке Кора собирала поступки, приведшие ее в этот фургон со вделанными в пол железными кольцами. Малолетка Честер, за которого она вступилась. Порка плетью была обычным наказанием за неповиновение. Побег считался проступком настолько тяжким, что наказание распространялось на каждого сочувствующего, встретившегося ей на таком недолгом пути к свободе. Подскакивая на колесных рессорах, она втягивала носом запах влажной земли и прущих из нее растений. Почему-то поле за пять миль отсюда пожар выжег на корню, а это пощадил. Зачем? На плантации всегда правили подлость и несправедливость, но и мир за ее пределами разборчивостью не отличался. В этом большом мире злодеям содеянное сходило с рук, кары обрушивались на честных и добрых. Катастрофы, постигшие Теннесси, были плодом безучастности природы, а не возмездием за преступления первопоселенцев. Не воздаянием за муки индейцев чероки.

Одной искры было достаточно.

Ни характер Кору, ни ее поступки не стали звеньями в цепи ее злоключений. Просто она родилась с черной кожей, а в этом мире чернокожих ждала такая судьба. Вот и все. «Штат штату рознь», – говорил Ламбли. В норове штата Теннесси, если он у него был, явно проступали темные стороны миропорядка, не брезговавшего

случайными заложниками. Кара могла постигнуть любого, вне зависимости от его стремлений или цвета кожи.

С запада к ним приближалась упряжка рабочих лошадей, которой правил молодой возница с темными курчавыми волосами и серыми, как речная галька, глазами, поблескивавшими из-под соломенной шляпы. Кожа на его лице обгорела докрасна. Поравнявшись с шайкой Риджуэя, он сообщил, что прямо по курсу большой город с весьма разгульными нравами. На это утро случаев желтой лихорадки там не наблюдалось. Риджуэй поблагодарил парня и в ответ рассказал, что лежит у него на пути.

На дороге словно по волшебству возобновилось движение. Оживились даже животные и насекомые. На Риджуэя и его попутчиков нахлынули зрелища, звуки и запахи цивилизации. В домах и хижинах на окраине зажигались вечерние огни, собирая семьи к ужину. Впереди лежал город, самый большой, какой Кора видела со времен своего пребывания в Южной Каролине, и тоже недавно построенный. Длинная улица с двумя банками и шумной чередой закусочных тут же перенесла ее во времена, когда она жила в dormitorio. Несмотря на приближавшийся вечер, жизнь в городе и не думала затихать: двери лавок были распахнуты настежь, по деревянным тротуарам сновали прохожие.

Ночевать здесь Боусман отказался наотрез. Если зараза совсем рядом, она может вспыхнуть тут в любую минуту, возможно, уже гнездится где-нибудь в телах обитателей. Риджуэю пришлось уступить, хотя и не без раздражения, потому что он мечтал выспаться в нормальной постели. Решено было пополнить припасы и встать на ночевку при дороге выше, на выезде из города.

Пока они занимались своими делами, прикованная Кора сидела в фургоне. Проходившие мимо люди, взглянув на ее лицо, видневшееся в проеме парусиного полога, отводили глаза. У них были грубые черты, да и одежда из домотканой пряжи казалась дешевле и проще, чем платье белых на востоке. Одежда переселенцев, а не городских жителей.

Хомер залез внутрь фургона, насвистывая один из самых заунывных псалмов Джаспера. Даже после смерти он все еще был с ними. В руках Хомер держал сверток в оберточной бумаге.

– Это тебе, – сказал он.

Платье было из синего ситца с белыми пуговками, от тонкой ткани шел запах аптеки. Кора подняла его над головой, словно заслоняясь от заляпавших парусину кровавых брызг, ставших в свете уличных фонарей вдвое ярче.

– Надевай.

На вздетых руках звякнули цепи.

Достав из кармана ливреи ключ, Хомер открыл замок. Теперь у нее были свободны руки и ноги. Всякий раз, когда это случалось, она мысленно оценивала свои шансы на побег и понимала, что их нет. В таком городе, буйном и беспокойном, конечно же, большие толпы. Узнать бы, дошли сюда слухи об убийстве того паренька из Джорджии? Она никогда не думала о том, что произошло в лесу. Этого события в ее списке грехов не значилось. Убитый шел отдельным списком – но что за это полагалось?

Хомер смотрел, как она переодевается – словно слуга, что был приставлен к ней с колыбели.

– Я в ловушке, – сказала Кора, – а ты с ним заодно.

На круглом лице Хомера появилось озадаченное выражение. Он вытащил из кармана книжицу, открыл ее на последней странице, достал карандаш и что-то нацарапал. Покончив с этим, он снова защелкнул на ней кандалы и сунул ей корявые деревянные башмаки. Оставалось только снова приковать Кору вделанному в пол кольца, как голос Риджуэя приказал вывести ее из фургона.

Боусман, в планах у которого были баня и цирюльник, еще не появлялся. Риджуэй вручил Хомеру пачку газет и бюллетеней о розыске беглых невольников, которыми он разжился у помощника начальника местной тюрьмы.

– Я иду ужинать и эту беру с собой, – бросил он, прежде чем нырнуть в толпу.

Хомер швырнул грязные обноски в канаву. Бурая засохшая кровь смешалась с бурой глиной.

Деревянные башмаки врезались в ступни, она в них еле переставляла ноги. Риджуэй, не пытаясь замедлить шаг, шел впереди, не заботясь о том, что Кора убежит. Ее кандалы звенели, словно колокольцы у коровы. Белые жители Теннесси не обращали на Кору никакого внимания. Единственным человеком, как-то отреагировавшим на ее присутствие, был молодой негр,

привалившийся к стене конюшни. Судя по виду, из вольных, в полосатых серых брюках и жилете из воловьей кожи. Он следил за ней с тем же выражением, с каким она смотрела на вереницы скованных невольников, которых гнали мимо плантации Рэндалла. Видеть себе подобного в кандалах и радоваться, что это не ты, – вот оно, счастье, отпущенное цветному, особенно если учесть, что в любую минуту кандалы могут защелкнуться и на нем. Стоит встретиться глазами, и те, на кого смотрят, и тот, кто смотрит, отводят взгляды. Но этот парень вел себя иначе. Перед тем как они из-за толпы потеряли друг друга из виду, он ей кивнул.

В Южной Каролине Коре доводилось заглядывать в дверь салуна, где работал Сэм, но никогда она не переступала его порога. Даже если она и являла собой фигуру для здешних мест непривычную, одного взгляда на Риджуэя было достаточно, чтобы завсегда и смотрели строго в свои стаканы. Толстяк за барной стойкой перекачивал во рту табачную жвачку и буравил глазами затылок нового гостя.

Риджуэй подвел Кору к колченомому столу у задней стены. Аромат тушеного мяса перебивал застарелый запах пива, вьедшийся в половицы, стены и дощатый потолок. Прислуживала гостям широкоплечая деваха с могучими руками сборщицы хлопка и волосами, заплетенными в две косы. Риджуэй заказал ужин.

– Насчет обуви я не зря сомневался, – сказал он, – а вот платье тебе подошло.

– Чистое, – сказала Кора.

– Да, чистое. Где ж это видано, чтобы наша Кора ходила в платье, которое грязнее половой тряпки с бойни!

Он добивался от нее реакции. Она не поддавалась. Из соседнего салуна донеслись звуки пианино. Казалось, вверх-вниз по клавишам бегают неуклюжий енот.

– Ты ведь ни разу не спросила о дружке своем, Цезаре. В Северной Каролине об этом в газетах не писали?

Риджуэй недаром передел ее в новое платье. Он затеял представление похлеще пятничного действа в парке. Она ждала.

– Чего вас понесло в Южную Каролину? Конечно, у них сейчас новые порядки. В прежние-то времена там дел понаделали. Только эти прежние времена, они никуда не делись. И, несмотря на все разговоры

про развитие негров, про то, что цивилизация сделает из дикаря человека, копнешь, а там прежняя жажда крови.

Девушка принесла ломти хлеба и миски с рагу из тушенной в пиве говядины с картошкой и луком. Поглядывая на Кору, Риджуэй что-то прошептал девушке на ухо, но что именно, Кора не разобрала. Девушка расхохоталась. Кора поняла, что Риджуэй пьян.

Он, чавкая, уплетал ужин.

– Ну что, когда на фабрике смена кончилась, все вернулось на круги своя. Все эти черномазые стоят вокруг и мучаются от забытого страха, который вроде бы давно остался в прошлом. Сначала вроде ничего особенного. Подумаешь, поймали очередного беглого. А потом кто-то пустил по городу слух, что беглый этот разыскивается за убийство маленького мальчика...

– Не маленького! – не выдержала Кора.

Риджуэй пожал плечами.

– Они ворвались в его камеру... Правда, если уж начистоту, шериф сам отдал им ключ, но тогда будет не так интересно. Ворвались, стало быть, в камеру, где он сидел, и растерзали его на куски. Добропорядочные жители Южной Каролины, со всеми своими школами и играми в Робинзона с Пятницей. И на дворе была не пятница.

В первый раз, узнав про Милашку, она упала без чувств. Теперь этого не произошло, Риджуэю не удалось застать ее врасплох. Он выдал себя. Его глаза в предвкушении расправы начинали блестеть. И она давно знала, что Цезаря нет в живых, потому и не спрашивала. Однажды ночью на чердаке ей вдруг открылась простая слепящая правда: Цезарь из города не выбрался. Он не добрался до Севера. Не разгуливал по улицам в новом костюме, новых башмаках, с новой улыбкой. Сидя в темноте, между стропилами под самой крышей, Кора поняла, что снова осталась одна. Его схватили. К тому времени, когда Риджуэй постучал в двери Мартина Уэллса, Кора успела оплакать кончину товарища.

Риджуэй выплюнул хрящ, который обсасывал.

– Ну, мне-то за его арест все равно кое-что перепало, а по пути еще одного негртенка закинул хозяину, так что внакладе не остался.

– Я смотрю, за плату, что Рэндалл посулил, вам приходится горбатиться почище старого негра на плантации.

Рэндалл положил ручки на стол, отчего тот накренился и содержимое мисок выплеснулось через края.

– Могли бы и починить, – проворчал он.

В соусе плавали комья муки, с помощью которой его пытались сделать погуще. Кора размазывала их языком по нёбу, как она делала на плантации, когда ужин стряпала не сама Элис, а подручная старой кухарки. Пианист за стенкой наярывал что-то жизнерадостное. Подвыпившая парочка направилась в соседний салун с намерением поплясать.

– Джаспера не толпа убила, – вставила Кора.

– Непредвиденные расходы, – пожал плечами Риджуэй. – Обычное дело. Я ж его кормил-поил себе в убыток.

– Как будто дело в причине! Называйте, как хотите, суть-то не переменится. И ложь от этого правдой не станет. Джаспера вы убили, собственной рукой. Безжалостно.

– Ну, скорее, по личным мотивам, – уклончиво ответил Риджуэй, – и речь вообще не об этом. Ты и твой дружок убили мальчика. Но ты же находишь себе оправдание.

– Иначе мне было не вырваться.

– Вот и я о том же. Борьба за выживание. И как тебя совесть, не мучает?

Убитый мальчик мешал ей вырваться, как отсутствие полной луны или раньше времени начавшиеся розыски, потому что мать Милашки заметила ее исчезновение. Но ставни, которыми Кора отгораживалась внутри себя от его смерти, вдруг распахнулись, и она увидела подростка, бьющегося на смертном ложе, его мать, рыдающую на могиле сына. Все это время Кора безотчетно оплакивала его. Еще одна жизнь, перемолотая машиной, где и раб, и хозяин повязаны. Она мысленно перенесла убитого мальчика из отдельного списка и отвела ему место под именами Мартина и Этель, хотя как его звали, ей было неизвестно. Пусть будет крест, который она ставила вместо собственного имени, пока не знала грамоту.

Но в ответ на вопрос Риджуэя Кора помотала головой.

– Не мучает.

– Правильно. А какой смысл? Лучше уж рыдать по выжженным полям или по бычку, мясо которого лежит у нас в тарелках. Тебе выжить требовалось.

Риджуэй утер губы.

– Но в одном ты права: мы вечно прячем истинную суть вещей за красивыми словами. Вроде всех этих умников, что рассуждают в газетах о «предначертании судьбы», как будто это все только вчера придумали. Ты вообще понимаешь, о чем я?

Кора выпрямилась на стуле.

– О словах, которыми все приукрашивают.

– Речь о том, чтобы забрать свое, забрать то, что должно принадлежать человеку по воле Божией. Это его собственность. А все остальные пусть расступятся и дадут ему эту собственность забрать. Всякие там индейцы, африканцы хоть добровольно, хоть по принуждению, но пусть дадут американцам забрать то, что принадлежит им по праву. Чтоб французы думать забыли о своих территориальных притязаниях. Чтоб испанцы и англичане растаяли как дым. Моему отцу нравились все эти индейские сказки про Великого Духа, – продолжал Риджуэй. – Прошли годы, и мне больше по сердцу Американский дух, призвавший нас из Старого света в Новый, чтобы завоевывать, строить, развивать. Но также искоренять то, что подлежит искоренению. Развивать низшие расы. А если не развивать, то покорять и подчинять себе. А не подчинятся – значит, истреблять, ибо нам свыше предначертано нести американский императив. Вот оно и есть, «предначертание судьбы».

– Мне надо по нужде, – сказала Кора.

Углы его рта опустились. Он жестом приказал ей идти к выходу. Ступеньки, ведущие к нужнику, были скользкими от чьей-то блевотины. Закрыв дверцу у Риджуэя перед носом, Кора испытала чувство острейшего удовольствия, которое почти забыла.

Риджуэй, не смущаясь, продолжал разглагольствовать:

– Вот взять хоть мамашу твою, Мэйбл. У хозяина ее выкрали заговорщики, среди них и белые, которым задурили головы, и цветные. Это преступный сговор. Я глаз не сомкнул, весь Бостон и Нью-Йорк вверх дном перевернул, все цветные поселения на Севере перешерстил. Сиракьюс. Нортгемптон. А она пробралась себе в Канаду и потешается там над Рэндаллом и надо мной. Я это воспринимаю как личное оскорбление. Чего, думаешь, я тебе это платье купил? Чтоб приятнее было представлять себе, будто возвращаю ее хозяину в подарочной упаковке!

Он ненавидит ее мать так же сильно, как она сама. А еще у каждого из них по паре глаз. Выходит, у них есть что-то общее.

Риджуэй остановился. Какому-то пьянчужке вдруг понадобился нужник, и Риджуэй шуганул его, чтоб не приставал.

– Ты вот десять месяцев скрывалась. Тоже оскорбление. Вы с матерью одной породы, которую надо извести. Ты неделю со мной едешь, в цепях, у тебя впереди смерть лютая, а ты мне дерзишь. Аболиционисты и их приспешники заладили одно, произносят свои речи перед теми белыми, которые понятия не имеют, как все в мире устроено.

Охотник на беглых ошибался. Если бы она добралась до северных штатов, то окунулась бы в жизнь, устроенную не по их правилам. Как Мэйбл. Хоть что-то ей досталось от матери.

– Каждому отведена своя роль. И невольнику, и охотнику на беглых. И хозяину, и десятнику из цветных. И тем, кого привозят на кораблях, и политикам, и шерифам, и газетчикам, и матерям, которые растят крепких сыновей. Такие, как ты и твоя мать, – цвет вашей расы. А слабаков выкорчевывали, как дурную траву. Они дошли в трюмах. Их косила черная оспа. Они падали замертво на полях хлопчатника и индиго. На плантации выживают лучшие. Борова откармливают не себе на радость, а себе на пользу. Лучшие из вас должны сделать нас еще могущественнее. Но слишком умных нам не надобно. И слишком сильных, за которыми не утонишься.

Справив нужду, она из стопки нарезанных газет выбрала бюллетень о розыске беглого, чтобы потереться. Потом помедлила. Жалкая, конечно, передышка, но другой у нее не будет.

– Ты мое имя слышала с младенчества. Не имя, а бич божий, карающий поползновение к побегу, мысль о бегстве. Из-за каждого раба, которого я возвращал хозяину, двадцать остальных раз и навсегда выбрасывали из головы планы побега в полнолуние. Я – символ порядка. Невольник, который бежит и не возвращается, – это тоже символ. Символ надежды. Глядя на него, раб с соседней плантации решит, что тоже сможет бежать, то есть моя работа насмарку. Допустить такое значит допустить, что в американском императиве есть погрешность, а этому не бывать!

В соседнем салуне теперь играли что-то медленное. Пары, сплетясь, покачивались и извивались в объятиях друг друга. Вот что

значит общаться с другим человеком, не словами какими-то, а плавным танцем. Она это твердо знала, хотя самой танцевать с этим другим человеком ей не доводилось ни разу, и даже Цезарю на его приглашение она ответила отказом. Даже ему, единственному, кто когда-либо протянул ей руку и сказал: «Не бойся, подойди поближе». Может, все, что говорил тут охотник на беглых, правда? Все их объяснения – правда? И то, что сыны Хама прокляты, и то, что хозяин над рабом поставлен свыше и творит волю Божию? А может, он просто болтает свое перед закрытой дверью нужника, ожидая, пока та, кто внутри, подотрет задницу.

Когда Кора и Риджуэй вернулись к фургону, Хомер уже перебирал маленькими пальцами вожжи, а Боусман отхлебывал виски из горлышка.

– В городе зараза, – сказал он заплетающимся языком. – У меня на это дело нюх.

Торопясь покинуть город, он скакал первым и жаловался. С баней и бритьем все прошло как надо, его посвежевшее лицо казалось почти мальчишеским. Но вот в борделе он оплошал.

– С хозяйки пот лил в три ручья, и я точно знал, что у нее лихорадка, у нее самой, и у ее шлюх.

Риджуэй позволил ему самому определить, как далеко от города им следует проехать, чтобы остановиться на ночлег.

Она заснула ненадолго и спала, когда Боусман вполз в фургон и зажал ей рот ладонью. Она ждала этого.

Боусман предостерегающе поднес палец к губам. Кора кивнула, насколько ей позволял ошейник. Кричать она не собиралась. Можно было поднять шум и разбудить Риджуэя, но Боусман наверняка отговорился бы, и на этом все. Она ждала этого момента все эти дни, ждала, когда желания плоти возьмут над ним верх. Никогда еще Кора не видела его настолько пьяным. Он даже отпустил комплимент по поводу ее нового платья, когда они решили сделать привал для ночлега. Только бы ей удалось убедить его снять с нее кандалы. Ночь-то для побега как на заказ, темная.

Хомер громко храпел. Боусман осторожно, чтобы не звякали, вытащил цепи из кольца в полу, снял с нее ножные кандалы, а цепи, крепившиеся на запястьях, перехватил рукой. Из фургона он вылез

первым и помог Коре спуститься. Дорога, до которой было несколько ярдов, практически тонула во мраке.

Риджуэй с рычанием швырнул его на землю и принялся пинать сапогами. Боусман пытался отбиваться и получил ногой в зубы.

Она почти бежала. Ей почти удалось. Но стремительное, как удар ножа, нападение парализовало ее. Риджуэй внушал ей ужас. Когда Хомер подошел к задней стенке фургона с фонарем и выхватил из темноты лицо Риджуэя, на нем была написана неподдельная ярость, адресованная Коре. Ей выпал шанс, она его упустила, но при взгляде на его лицо ей стало легче.

– Что ты делать-то теперь будешь, псих! – вопил валяющийся на земле Боусман.

Он цеплялся рукой за колесо и смотрел на свои перемазанные кровью руки. Ожерелье лопнуло, и из-за разлетевшихся во все стороны ушей казалось, что грязь подслушивает их.

– Псих! Самодур! Всех разогнал! Когда я уйду, будешь Хомера лупить, больше некого. Давай, он это любит!

Хомер прыснул и достал из фургона Корины ножные кандалы. Риджуэй, тяжело дыша, потирал костяшки пальцев.

– А платьишко красивое, – сказал Боусман и выплюнул зуб.

– Не двигаться, иначе остальные тоже зубов не досчитаются, – произнес мужской голос, и из темноты выступили трое.

Голос принадлежал молодому негру, с которым Кора вечером в городе перекинулась взглядом. Но на нее он сейчас не смотрел, его внимание было приковано к Риджуэю. На стеклах очков в металлической оправе плясал свет фонаря, словно этот внутренний огонь извергали глаза. Ствол револьвера медленно двигался, словно выбирая между Боусманом и Риджуэем.

Рядом с ним стоял еще один, с ружьем в руках, здоровенный, мускулистый детина в грубой робе, но Кора почему-то сразу приняла его за ряженого. Длинные волосы цвета темной меди, зачесанные назад от широкого лица, напоминали львиную гриву. По повадкам было видно, что он не привык, чтобы им командовали. Во взгляде дерзких глаз сквозила не жалкая дерзость раба, отчаянно имитирующего свободу, а жесткая уверенность. Третий из нападавших сжимал в руке тесак. Его тело вибрировало от напряжения, короткое дыхание вспарывало ночную тишину, вклиниваясь между словами

негра-вожака в очках. Кора мгновенно поняла, что он беглый, не знающий, что ждет его в следующую минуту. Эту напряженную позу она много раз видела у Цезаря, у многих вновь прибывших в дормиторий, да и себя на подобном ловила не раз. Вздрагивающее лезвие ножа было нацелено на Хомера.

Ей прежде не приходилось видеть цветных с оружием в руках, и это зрелище потрясло ее.

– Идите своей дорогой, ребята, – сказал Риджуэй.

Он был без оружия.

– Мы туда и идем, – отозвался вожак. – В Теннесси нам не понравилось, дома лучше. А вот вы, видать, добегались.

Боусман кашлянул, обменялся взглядами с Риджуэем и осторожно сел. Оба ствола теперь смотрели в его сторону.

– Так что мы пойдем, – продолжал главарь, – но сначала спросим у барышни, может, она захочет пойти с нами. Может, мы как попутчики ей больше по вкусу?

– А вы сами-то откуда? – спросил Риджуэй.

По его голосу Кора поняла, что он тянет время и что-то замышляет.

– Да отовсюду, – ответил вожак.

Он точно с Севера. Она узнала выговор, у Цезаря был такой же.

– Вот, нашли друг друга, теперь вместе работаем. Я сказал, не двигаться, мистер Риджуэй!

Он перевел глаза на Кору.

– Он называл тебя Корой. Тебя так зовут?

Она кивнула.

– Она Кора. Меня вы знаете, – произнес Риджуэй. – Это Боусман, а вот этот – Хомер.

При звуке своего имени Хомер швырнул фонарь в беглого с ножом. Ударив его в грудь, фонарь отлетел в сторону. Стекло разбилось, и огонь вырвался наружу. Вожак выпустил пулю в Риджуэя, но не попал. Риджуэй бросился на него, и оба рухнули на землю. Медноволосый оказался более удачливым стрелком, и Боусман осел. У него на рубахе медленно распускался красный цветок.

Хомер рванулся за пистолетом. Человек с винтовкой кинулся следом. Цилиндр слетел с головы негритенка и покатился в огонь. Риджуэй и его противник, хрипя и бранясь, лупили друг друга. Сцепившиеся тела вот-вот готовы были угодить в пылающую лужу

масла, натекающего из расколотого фонаря. Кора вновь оцепенела от ужаса – уроки Риджуэя даром не прошли. Охотник на беглых явно одерживал верх над пригвожденным к земле противником.

Но она-то могла двигаться, скованы были только руки.

Прыгнув Риджуэю на спину, она принялась душить его цепью, закручивая ее так, чтобы она глубже впивалась в горло. Вопль рвался у нее из самого нутра – эхо паровозного гудка, оглашавшего своды подземных туннелей. Дергая цепь, словно вожжи, она давила все сильнее. Он повернулся на бок и сбросил ее на землю. Но тут потерявший в драке очки негр снова взял его на мушку.

Беглый с ножом помог Коре подняться на ноги.

– Что это за мальчишка?

Ни Хомера, ни его преследователя видно не было. Вожак, продолжая целиться в Риджуэя, велел беглому посмотреть, где они.

Риджуэй ощупывал толстыми пальцами рану на горле. На Кору он не смотрел, от этого сердце у нее снова ушло в пятки.

Боусман застонал.

– Он вглубь души твоей заглянет и все грехи твои прочтет, – пробормотал он.

В неверном свете горящей ворвани было видно, как растекается вокруг него лужа крови.

– Он кровью изойдет, – бросил Риджуэй.

– Его дело, – ответил негр в очках. – У нас страна свободная.

– Это нарушение права собственности!

– Да, в законе так и написано. В законе белых. Но есть и другие законы.

Повернувшись к Коре, он произнес более вежливым тоном:

– Мисс, если желаете, я его пристрелю.

Лицо его было совершенно спокойным.

Для Боусмана с Риджуэем она желала всего самого страшного. А для Хомера? Она не могла ответить, чего хочет ее сердце для этого странного чернокожего мальчишки, казавшегося посланцем из неведомых краев.

Прежде чем она открыла рот, негр продолжил:

– Но мы обычно заковываем таких в кандалы.

Кора подняла очки, протерла стекла рукавом и протянула их владельцу. Они втроем ждали возвращения преследователей Хомера,

но те вернулись ни с чем.

Когда ночные гости приковывали Риджуэя за запястья к колесу фургона, на губах его бродила ухмылка.

– Мальчишка – пропащая душа, сразу видно, – сказал вожак. – Ну что, пошли? – спросил он Кору. – Мы уходим.

Она трижды пнула Риджуэя в лицо ногой, обутой в новый деревянный башмак.

Почему же небо не обрушивается на головы творящих зло, крутилось у нее в голове. Никто ее не удержал. Потом она будет рассказывать, что каждый из трех ударов был возмездием за убиенного, и перечислять имена Милашки, Цезаря и Джаспера, чтобы воскресить их хотя бы на тот миг, пока про них говорят. Только это все неправда. Мстила она только за себя.

Цезарь

На дне рождения Пройдохи царила такая суматоха, что Цезарь без труда улизнул в свое единственное убежище на плантации Рэндаллов. В полуразрушенной школе рядом с конюшнями днем не было ни души. По ночам туда прокрадывались парочки, но он ходил в старую школу только днем. Ему нужен был свет, а жечь ночью свечу он опасался. В школу он шел, чтобы читать книгу, которую после долгих препирательств выдал ему Флетчер. Шел, когда становилось тошно, а тут можно было выплакать горе. Шел, чтобы смотреть, как передвигаются по плантации другие невольники. Взгляд сквозь окно словно отделял его от остальных горемык, он просто наблюдал за их возней со стороны, как смотрят на идущих мимо прохожих. В старой школе он, нынешний, словно бы переставал существовать.

Порабощенный. Испуганный. Приговоренный к смерти.

Если бы его план удалось привести в исполнение, это был бы последний день рождения Пройдохи на его памяти. Бог свидетель, старикан вполне способен закатить еще один уже через месяц. Невольничья деревня с ликованием цеплялась за крохи удовольствий, которые им удавалось выцыганить на плантации Рэндаллов. Липовый день рождения да после тяжелой страды танцы в полнолуние накануне осеннего равноденствия – негусто. Виргиния на празднества была куда щедрее. Цезарь с отцом и матерью ездили в хозяйской коляске по фермам вольных негров, навещали родню на плантациях на Рождество, Пасху и Новый год. Свиные отбивные, оленина, имбирные коврижки, кексы из кукурузной муки. Игры с утра до вечера, пока Цезарь и его товарищи не падали от изнеможения. Виргинские плантаторы во время таких празднеств держались на расстоянии, не то что тут. Какое уж тут веселье, когда в двух шагах притаилась немая угроза, в любую минуту готовая обрушиться на тебя? Как они могут радоваться? Они даже дней рождения своих не знают, поэтому должны их себе придумывать. Половина вообще не знает ни отца, ни матери.

Я родился 14 августа. Мою мать звали Лили Джейн, отца – Джером. Где они сейчас, я не знаю.

Из окна школы в проеме между стенами двух старых хижин с замызанной серой побелкой – ветхих, как те, кто в этих стенах

обитал, – видна Кора. Болтает со своим любимчиком перед стартом. Паренька зовут Честер, он вечно носится по деревне, аж завидки берут, никаких забот! Сразу видно, не пробовал, что такое порка.

В ответ на какие-то Корины слова Честер смущенно потупился. Она улыбается Честеру, улыбается Милашке, улыбается соседкам по хижине скупно и прицельно. Улыбка – как тень от промелькнувшей птицы, поднимешь глаза, а ее уже нет. Все у нее по крупичкам, выверенными дозами. Они никогда не разговаривали, просто Цезарь понял это про нее. Почувствовал. Она знала цену той малости, про которую могла сказать «мое». Мои радости, моя грядка и тот кленовый чурбачок, на котором восседала, словно хищная птица.

Как-то ночью они с Мартином в амбаре пили кукурузную самогонку – Мартин так и не выдал, где ею разжился, – и разговор пошел о женщинах на плантации. Кто не прочь дать себя полапать, кто будет орать на всю деревню, кто никогда рта не откроет. Тут Цезарь спросил про Кору.

– Да к этому бабью из хижины Иова только сунься, – замахал руками Мартин. – Оторвут тебе хозяйство подчистую и суп из него сварят.

Он рассказал Цезарю давний случай про собачью будку, который Блейк хотел построить на Кориной грядке, и Цезарь подумал, что все сходится. Но потом Мартин стал ему рассказывать, как она по ночам бежит на болота, чтобы блудить там с лесными тварями, и Цезарь понял, что его собутыльник куда глупее, чем кажется.

Невольники Рэндалла умом не отличались. Плантация всех искорежила. Под взглядом десятника они хорохорились и бодро собирали хлопок, но по ночам в хижинах рыдали, кричали от кошмаров и невыносимых воспоминаний. Это происходило в хижине Цезаря, и в соседней, и в той, что за ней, и в любой невольничьей деревне. После целого дня трудов, после дневных наказаний их ждала ночная схватка с одиночеством и отчаяньем.

Вопли, крики – забег окончен. Кора стоит, подбоченясь и чуть склонив голову вправо, словно пытается в общем шуме расслышать какой-то мотив. Вот бы вырезать ее профиль из дерева, ухватить это сочетание грации и силы, но он вряд ли справится, напортачит, чего доброго. Хлопок загубил ему руки, они не годились теперь для тонкой работы резцом. Для овала девичьей щеки, для жарко шепчущих губ. К

концу дня на поле он чувствовал дрожь от пальцев до плеч, все мышцы пульсировали.

Провела его сука старая, хозяйка его. А то жил бы он сейчас с отцом и матерью, ладил бы бочки у бондаря или обучился бы еще какому ремеслу. Конечно, с его цветом кожи выбор был небогат, но он рос в полной уверенности, что может сам выбрать себе будущее.

– Ты можешь стать, кем захочешь, – говорил ему отец.

– И даже поехать в Ричмонд?

По рассказам, Ричмонд казался чем-то манящим и недостижимым.

– Даже в Ричмонд, коли пожелаешь.

Но старуха их обдурила. И из всех когда-то лежавших перед ним путей остался только один – медленно подыхать в Джорджии. Ему. Его семье. Мать была хрупкой, невесомой, для работы в поле совершенно не пригодной, где ей с ее добротой выдержать всю жестокость жизни на плантации. Отец же здоровый как бык, он наверняка продержался дольше, но ненадолго. Старуха извела всю семью подчистую, намеренно, и дело не в алчности ее племянницы – это она сама, карга старая, всю жизнь водила их за нос. Это она, каждый раз, когда сажала Цезаря на колени и учила его уму-разуму, затягивала все ту же удавку на его шее.

Цезарь представлял себе отца в аду флоридских сахарных плантаций, плетку-девятихвостку, впивающуюся в кожу на спине матери, рухнувшей под тяжестью мешка с хлопком. Кто не способен согнуться, ломается. Его семья слишком долго жила в северных штатах, среди добреньких белых. Добреньких, потому что быстро уморить черномазого им невыгодно. А на Юге с этим тянуть не принято. Тут у них раз-два – и готово.

Глядя на стариков и увечных, он видел будущее, ожидавшее его отца и мать, а со временем и его самого. По ночам его охватывала уверенность, что их уже нет в живых, при свете дня они представлялись ему полумертвыми калеками. Так или иначе, он был один в целом свете.

После бега взапуски Цезарь подошел к Коре. Ясное дело, она его отшила. Знакомы они не были. Может, он ее дурачит. Или заманивает в ловушку, расставленную Рэндаллами со скуки. Побег был слишком серьезным делом, с которым надо было свыкнуться, как-то уложить в голове. Понадобились месяцы, прежде чем Цезарь смог впустить эту

мысль в свое сознание, а чтобы она по-настоящему прижилась, потребовалась поддержка Флетчера. Без посторонней помощи такие вещи не происходят. Она еще сама не знала, что согласится, но он знал наверное. Он тогда сказал, что берет ее на удачу, как заговоренную – ее матери единственной удалось вырваться с плантации. Зря он так, она обиделась. Таких, как она, не на удачу берут с собой, как охотник заячью лапку. Она была главной движущей силой, без нее ничего не получилось бы.

Жуткая сцена на гулянье лишний раз это подтвердила. Кто-то из лакеев шепнул Цезарю, что братья Рэндаллы пьянствуют в большом доме. Он сразу почувствовал, что быть беде. Как только в невольничьей деревне возник негритенок с фонарем, за которым следовали хозяева, в воздухе словно запахло бедой. Честера до этого не били ни разу. Вот он получил свое, а на следующий день его ждет настоящая порка. Конец детским играм, беготне взапуски, пряткам, для него начиналась тяжкая невольничья доля. И никто даже не попытался вступить – кто ж посмеет? Каждый житель деревни сталкивался с таким сотни раз – и на чужой шкуре, и на собственной – и еще сотни раз столкнется, пока смерть не приберет. Вступилась только Кора. Закрыла мальчишку своим телом и приняла на себя обрушившиеся удары. Отщепенка, настолько отбившаяся от остальных, будто давным-давно существовала вне плантации.

После порки Цезарь впервые пришел в старую школу ночью. Просто чтобы подержать в руках книгу. Чтобы убедиться, что она никуда не делась. Памятка о том времени, когда у него были какие хочешь книги и сколько угодно времени, чтобы их читать.

«Не знаю, что случилось с моими спутниками, находившимися в лодке, а также с теми, кто искал спасения на скале или остался на корабле. Думаю, что все они погибли».^[9]

Флетчер предупреждал, что эта книга может стоить ему жизни. «Путешествия в некоторые отдаленные страны света», замотанные в два слоя мешковины, Цезарь зарыл в землю за школой. «Потерпи, пока мы все подготовим к твоему побегу, – говорил ему Флетчер, – и потом у тебя будут любые книги». Но если он не читает, он раб. До этой книги ему нечего было читать, кроме слов, намалеванных на мешке с рисом. Или клейма изготовителя на кандалах, впечатанного в металл, как обещание грядущей боли.

Отныне прочитанные урывками страницы, залитые золотым предвечерним светом, поддерживали его. Хитрость и отвага, хитрость и отвага. Белый путешественник по имени Гулливер уходил от одной опасности, но его тут же подстерегала другая, каждый следующий остров оказывался новой головоломкой, отвлекавшей его от дороги домой. И самым ужасным были не столкновения с дикарями или жителями неведомых стран, а то, что он все время забывал про главное. Эти белые, они всегда так. Выстроят школу, а потом бросают, пусть себе гниет; обзаведутся домом, а самих носит невесть где. Да если бы Цезарь нащупал дорогу домой, странствиям пришел бы конец. Иначе он обречен до скончания времен мучительно скитаться с одного чужого острова на другой, не узнавая ничего вокруг себя. Если только Кору не будет рядом. С ней он найдет дорогу домой.

Индиана

Вознаграждение 50 долларов

Разыскивается бежавшая из моего дома в 10 вечера пятницы, сентября 26-го дня, принадлежащая мне негритянка по имени Сьюки. Подозрительных намерений не выказывала. Лет ей около 28, светлокожая, с высокими скулами, стройная, себя держит чисто. При побеге была одета в полосатое холщовое платье. Ранее принадлежала Л. Б. Пирсу, эсквайру, а по бумагам числилась в собственности у ныне покойного Уильяма М. Херитиджа. Является (по виду) рьяной приверженкой Методистской церкви, без сомнения имеет обширные знакомства среди местных прихожан.

Джеймс Эйкроид

октября 4-го дня

Среди столь ретивых учеников Кора почувствовала себя отстающей. Она очень гордилась своими успехами в грамоте, которую осваивала в Южной Каролине и на чердаке у Мартина. Подступы к каждому новому слову, неизвестная земля, через которую надо пробиваться от одной буквы до другой. Каждый покорившийся ей год в календарях-альманахах Дональда она воспринимала как победу и вновь возвращалась на первую страницу, чтобы начать новый круг.

Уроки в классе Джорджины доказали, сколь тщетны ее успехи. «Декларацию независимости» она просто не распознала. Выговор школьников, собравшихся в молельном доме, был отчетливым и осмысленным, он не имел ничего общего с затверженным лепетом Майкла, который она слышала у Рэндаллов. Теперь в словах обитала музыка, мелодия, все властнее заявлявшая о себе, как только вступал следующий детский голос, смелый и уверенный. Мальчики и девочки, сидевшие на церковных скамьях, поднимались со своих мест, переворачивали страницы, на которых были записаны слова, и нараспев произносили обеты отцов-основателей.

Вместе с Корой в классе стало двадцать пять учеников. Малышей – шести- и семилеток – от декламации освобождали, и они вертелись и шушукались на скамьях, пока Джорджина не шикала на них. Кора тоже участвовала. Класс, ферма, уклад – все ей пока было внове. Она чувствовала, насколько отличается от остальных, самая великовозрастная и самая отстающая. Теперь ей были понятны слезы старого Говарда, всхлипывавшего на уроках у мисс Хенджер. Она чужая, прокрадываясь в эту комнату, будто крыса, прогрызшая обшивку стены насквозь.

Одна из кухарок ударила в гонг, возвещая конец урока. После обеда младшие снова вернутся к занятиям, а старших ждали другие обязанности.

По дороге из молельного дома Кора нагнала Джорджину и сказала:

– Негритят вы выучили разговаривать как надо.

Учительница убедилась, что остальные их не слышат, и ответила:

– Нам больше по душе слово «дети».

Чувствуя, как к щекам приливает кровь, Кора пробормотала:

– А они хоть понимают, что значат все эти умные слова?

Сама она в них сильно путалась.

Джорджина родилась в Делавэре, и ее хлебом было не корми, только дай порассуждать позаковыристее. Кора повидала таких делавэрских дамочек на ферме Валентайнов и породу эту не жаловала, хотя стряпухи среди них попадались отменные. По словам Джорджины, дети понимали, что могли. То, что непонятно сегодня, станет понятно завтра.

– «Декларация» – как карта. Ее истинность надо принять на веру, а убедиться в этом можно, только если пойти по ней. Только на собственном опыте.

– Вы сами-то в это верите? – спросила Кора.

Прочитать ответ на свой вопрос по лицу учительницы ей не удалось.

С того первого урока минуло четыре месяца. Урожай собрали. На ферме Валентайнов появились новоприбывшие, так что Кора перестала считаться зеленым новичком. К занятиям в молельном доме присоединились два паренька ее возраста, беглые живчики, еще более невежественные, чем она. Их пальцы перебирали страницы, словно книги были заговоренными и оттуда вот-вот вырвется колдовская сила. Кора уже освоилась и знала что к чему: когда лучше готовить самой, потому что дежурная стряпуха наверняка испортит суп, когда прихватить с собой шаль, потому что вечерами в Индиане зуб на зуб не попадал, так она еще никогда не мерзла; знала укромные места, где можно побыть одной.

На уроках Кора садилась в первый ряд и, когда Джорджина пеняла ей – за почерк, за ошибки в счете или в речи, – уже не терзалась. С Джорджиной они подружились. Учительница оказалась завзятой сплетницей, так что в ходе уроков то и дело образовывались антракты из-за бесконечных отступлений по поводу происходящих на ферме событий. *Этот крепыш из Виргинии на вид – суций пройдоха, правда? Мы оглянуться не успели, а Патриция уже уплела все свиные ножки.* Делавэрские дамочки любят почесать языком, что верно, то верно.

В тот вечер, едва ударил гонг, Кора вышла из молельного дома вместе с Молли. С Молли и ее матерью они жили в одном доме. Этой девочке с миндалевидными глазами было лет десять. Очень сдержанная, близко к себе никого не подпускает. Друзей вроде много, но чаще сама по себе. В комнате у Молли стояла зеленая банка с крышечкой, где хранились ее сокровища: мраморные шарики,

наконечники для стрел, пустой медальон, – и раскладывать их на полу, чувствуя прохладный отсвет голубого кварца на щеках, нравилось девочке куда больше, чем играть со сверстниками.

Вот поэтому их недавно сложившиеся совместные привычки доставляли Коре такое наслаждение. По утрам, когда мать Молли уходила на работу, Кора всегда заплетала девочке косы, а теперь, выходя из молельного дома, Молли хватала Кору за руку. Раньше такого не бывало. Она стискивала ей пальцы и буквально тащила за собой, а Кора упивалась ролью вedomой. После Честера к ней впервые привязался ребенок.

Обед отменили по случаю грандиозного субботнего ужина, который ждал впереди. Запахи, поднимавшиеся над костровыми ямами, манили к себе учеников. Свиные туши, жарить которые начали с прошлой ночи, распространяли аромат по всей округе, так что не одному человеку во сне привиделось обильное застолье, закончившееся разочарованным пробуждением с пустым желудком. Томиться предстояло несколько часов. Кора и Молли присоединились к голодной толпе.

Над сильно дымившими углями из свежесрубленных стволов молодых деревьев висели две свиные туши, нанизанные на длинные жерди. Главным костровым был Джимми. Его отец, вывезенный с Ямайки, передал сыну огненную премудрость маронов. Джимми тыкал пальцами в поджарившийся свиной бок, ворошил угли, крадучись двигался вокруг костровых ям, приглядываясь к огню, словно к партнеру по борцовской схватке. На ферме он был одним их самых старых жителей, имевший в прошлом Северную Каролину с ее зверствами, и по причине всего двух оставшихся во рту зубов мясо предпочитал такое, чтобы во рту таяло.

Один из его подручных тряс в руках кувшин со смесью перца и уксуса, потом поманил к себе вертевшуюся возле костровой ямы девушку, и она под его руководством принялась обмазывать метелкой свиную тушу изнутри содержимым кувшина. Брызги падали на угли в яме. Вырвавшиеся оттуда султаны белого дыма заставили толпу отпрянуть, а девочка весело взвизгнула. Угощение готовилось славное.

Кора с Молли торопились домой. Как и большинство служб на ферме, первые бревенчатые хижины жались к восточному краю. Их

возводили в спешке, когда никто толком не знал количества будущих обитателей. Люди прибывали из разных краев, в каждой невольничьей деревне строились по-своему, так что первые дома по форме получились очень разными. Те, что возвели позднее, после уборки урожая, отличались бóльшим единообразием: типовые домики с комнатами попросторнее, – и распределялись по территории более равномерно.

С того времени, как Гарриет вышла замуж и съехала, Кора, Молли и Сибил остались единственными обитателями, разместившимися в двух задних комнатах. Вообще-то каждый дом предназначался для трех семей. Порой в Кориной комнате ночевал кто-то из новоприбывших или приезжих, но по большей части она спала там одна, а две другие койки пустовали.

Это был еще один невероятный подарок, уготованный для нее на ферме Валентайнов после всех ее узилищ: отдельная комната.

Сибил и Молли очень гордились своим домом. Они побелили его известью, которую чуть подкрасили розовым. Просторная гостиная звенела от солнечного света, плясавшего на желтых стенах с белым бордюром. Весной и летом ее украшали полевые цветы, но и по осени в гирляндах золотистых и багряных листьев она была чудо как хороша. Окна обрамляли фиолетовые шторы. Парочка живших на ферме столяров то и дело снабжала их какой-никакой мебелишкой – оба мастера неровно дышали к Сибил и, желая заглушить тоску по равнодушной к их воздыханиям красавице, работали не покладая рук. Пол устилал ковер из крашеной мешковины, Кора ложилась на него, когда у нее начинался приступ головной боли. Через открытую входную дверь в гостиную врвался сквознячок, и от свежего воздуха становилось легче.

Поднявшись на крыльцо, Молли позвала мать. Запах отвара сарсапарели – его Сибил готовила для своих снадобий – перебивал аромат жареного мяса. Кора напрямиком направилась к креслу-качалке, с первого же дня с молчаливого согласия Молли и Сибил считавшемся ее законным местом. Это творение не самого рукастого обожателя Сибил немилосердно скрипело, и, как подозревала сама Сибил, мастер сделал его таким намеренно, чтобы громким скрипом напоминать даме сердца о своей любви и верности.

Сибил вышла из кухни, вытирая руки о передник.

– Джимми сегодня раздухарился не на шутку, – сказала она, сглатывая голодную слюну.

– Я тоже жду не дождусь, – отозвалась Молли.

Она открыла сосновый сундучок у очага и достала оттуда недошитое лоскутное одеяло, которое им предстояло непременно закончить до ужина.

Работа закипела. Коре почти не случалось держать в руках иголку со времен побега Мэйбл, ну разве что дырку зашить. Кое-кто из ее товаров по хижине Иова пытался научить ее рукодельничать, но безуспешно. Сейчас, как и на уроках Джорджины, она наблюдала, как работают остальные, и делала то же самое. Вот она вырезала из ткани птичку, кардинала с красным хохолком, выглядевшего так, словно его подрали собаки. Сибил и Молли ее нахваливали – им очень хотелось увлечь ее своим занятием, – но одеяло не задалось. Кора утверждала, что ватин кишит блохами. Швы сбороили, концы лоскутков не желали сходиться к краю, словно обнажая подноготную ее искривленного сознания: все шалей-валяй, все наспех, главное – успеть воткнуть флаг в неведомую землю. Ее так и подмывало бросить эту затею, но Сибил была непреклонна:

– Дошьешь, тогда берись за что-то новое. Но сперва дошей.

В проповедях о том, что упорство и труд все перетрут, Кора не нуждалась, однако пришлось опять корпеть над одеялом.

Сибил была старше Кору на двенадцать лет. В одежде она казалась хрупкой, но Кора понимала, что это – результат благотворных перемен, вызванных прекращением работы на плантации. В новой жизни ей требовалась сила иного рода. Вся фигура Сибил излучала нацеленность, словно живое копье, сработанное из того, чему от роду суждено было гнуться, но уже никому не согнуть. Ее хозяин был чудовищем. Она рассказала Коре: табачный плантатор, который каждый год тягался с соседями, у кого урожай выше, проигрывал, а от проигрыша зверел.

– Света белого не видели, – вздыхала Сибил, погружаясь мыслями в былые невзгоды.

Молли тут же подходила к матери, забиралась к ней на колени и прятала лицо у нее на груди.

Все трое какое-то время шили молча. Со стороны костровых ям долетали восхищенные вопли, которые следовали всякий раз, когда

подрумянившиеся туши поворачивали над огнем. Кора была не в состоянии сосредоточиться на том, где и почему напортачила. Безмолвное зрелище материнско-дочерней любви всегда было для нее потрясением. Девочка без единого слова просила поддержки, и мать мгновенно откликнулась, направляя ее жестом, кивком, мимикой. Кора не привыкла к домашней тишине – на плантации Рэндаллов любое действие непременно сопровождалось криком, плачем или хотя бы вздохом, – но и само материнское участие было ей в диковинку.

Сибил бежала, когда Молли было всего два года, и всю дорогу тащила девочку на себе. По деревне поползли слухи, что хозяин, влезший в долги из-за неурожая, намерен продать часть невольников. Сибил собирались выставить на торги. Той же ночью она бежала по благословению полной луны, осветившей дорогу в чаще.

– И Молли, – рассказывала Сибил, – не издала ни звука. Она понимала, что нас ждет.

Оказавшись в Пенсильвании, они рискнули попросить приюта у чернокожего фермера, чье хозяйство было в трех милях от границы штата. Он накормил их, понаделал для малютки Молли игрушек и через нескольких посредников вышел на связь с агентами подземной железной дороги. Потом недолгое пребывание в Массачусетсе, где Сибил служила у модистки в Вустере, а после они с Молли добрались до фермы Валентайнов в штате Индиана, где их уже ждали.

Через ферму прошло множество беглых – всех и не упомнишь. Однажды вечером Кора спросила, не приходилось ли Сибил встречать тут женщину из Джорджии. Она сама к тому времени уже жила в их доме несколько недель. Ей удалось пару раз поспать, не просыпаясь среди ночи, и даже чуть-чуть округлиться, не сравнить с тем, как она отошала, скрываясь у Уэллсов на чердаке.

Стрекот цикад смолк, оставив в вечерней темноте паузу для вопроса. Женщина из Джорджии, беглая, могла назваться Мэйбл, но это не обязательно. Может, была тут такая?

Сибил покачала головой.

Ясное дело, не было. Женщина, бросившая ребенка, чтобы скрыть эту постыдную тайну, наверняка изменит имя. Но Кора продолжала расспрашивать всех и каждого, ведь ферма – своего рода конечная станция, куда стекаются те, кого помотало по разным местам. Она спрашивала старожилов, спрашивала всех вновь прибывших,

приставала к посетителям, которые приезжали на ферму Валентайнов, чтобы убедиться в истинности того, о чем были наслышаны: цветные мужчины и женщины, живущие свободно; беглые, осевшие на ферме; беглые, пожелавшие ехать дальше. Один и тот же вопрос она повторяла снова и снова, когда они переставали петь за работой на кукурузном поле, когда тряслись в телеге по дороге в город: женщина, сероглазая, на правой руке шрам от ожога, могла назваться Мэйбл, но это не обязательно, не встречали такую?

– Может, в Канаде она? – предположила Линдси, когда и до нее дошла очередь.

Линдси была хрупкой птичкой-невеличкой, прямиком из Теннесси. Она источала совершенно идиотскую жизнерадостность, которую Кора не могла понять, потому что штат Теннесси в ее памяти навсегда был связан с пепелищем, эпидемией и кровью, хотя Рой с товарищами спасли ее именно там.

– Сейчас полно людей, которым Канада по душе. Хотя там дикий холод.

Холодному сердцу любые холода нипочем.

Кора сложила одеяло, которое шила, и прошла в свою комнату. Она свернулась калачиком. Думать про все эти дочки-матери было выше ее сил. Рой вот уже три дня как должен был вернуться. Ее терзал страх. Головная боль надвигалась, как грозовая туча. Кора повернулась лицом к стене и застыла, боясь пошевелиться.

Ужин накрывали перед молельным домом, самой большой постройкой на ферме. По легенде его возвели за одну ночь, накануне одного из первых общих сходов, когда стало понятно, что хозяйский дом не в состоянии вместить всех присутствующих. По будням там учились, по воскресеньям молились, а субботними вечерами собирались для общей трапезы и развлечений. Возвращались оголодавшие каменщики, возводившие на окраине штата здание суда, приходили портнихи, обшивавшие местных белых леди и переодевавшиеся к ужину в нарядные платья. Умеренность и воздержание на субботы не распространялись, так что любители промочить горло могли себе это позволить, получая тем самым пищу для покаянных размышлений во время воскресной проповеди.

Первым номером программы шли свиные туши, порубленные на куски и щедро обмазанные горчичным соусом. Рядом с ними на длинном сосновом столе выстроились парадные блюда Валентайнов, на которых красовалась тушеная листовая капуста, репа, пироги со сладким картофелем и прочие яства. Обитатели фермы были людьми сдержанными – за исключением тех дней, когда Джимми готовил угощение, – тогда даже воспитанные дамы пускали в ход локти. Восхищенные отзывы герой вечера встречал потупившись, его мысли были заняты приготовлениями к следующему барбекю. Кора проворно урвала зажаренное до хруста свиное ухо – любимое лакомство Молли – и протянула девочке угощение.

Валентайн давно бросил считать, сколько семей поселилось на его земле, он предпочел остановиться на круглой цифре в сотню душ – при любом раскладе цифре совершенно фантастической – это без учета цветных фермеров, прикупивших себе надель по соседству и начавших хозяйничать самостоятельно. Из пятидесяти с лишним детишек большинство были не старше пяти лет.

– Где воля, там и приплод, – сказала Джорджина.

Да еще сознание, что приплод не продадут, добавила про себя Кора.

В Южной Каролине цветные обитательницы дормитория верили, что вкусили воли, только вот нож хирурга решил по-другому.

Когда мясо было съедено, Джорджина и другие девушки повели детей в сарай, где малышей ждали игры и песни, а иначе пришлось бы сидеть тихо на собрании. В их отсутствие взрослые беседовали о самом наболевшем: что делать дальше. По большому счету, все затевалось только ради детей. Взрослые, даже сбросившие тяжелые оковы, все равно носили их слишком долго, лучшие годы жизни прошли в кандалах. И только дети могли сполна вкусить плоды родительских мечтаний. Если белые позволят им это сделать.

Молельный дом заполнялся народом. Кора опустилась на скамью рядом с Сибил. Сегодня все должно было пройти по-домашнему. В следующем месяце после уборки кукурузы ферма станет местом грандиозного схода, где пройдут дебаты об их будущем, по какой дороге двигаться дальше. На ферме заблаговременно сбавили размах субботних гуляний. Ясная погода и мысли о надвигающейся суровой зиме, внушавшей трепет тем, кто в жизни не видал снега, и так не

давали обитателям фермы скучать. Поездки в город по делам перетекали в развлекательные прогулки. Визиты по знакомым и родственникам растягивались до вечера, ведь к этому времени в штате Индиана успели осесть и пустить корни множество цветных переселенцев – первые ласточки Великой миграции.

Большинство руководителей сейчас отсутствовали: Валентайн-старший уехал в Чикаго по банковской надобности, поскольку в работу активно впряглись оба его сына, которым по возрасту уже можно было доверить дела фермы. Ландер разъезжал по Новой Англии с лекциями – турне по приглашению какого-то новоиспеченного аболиционистского комитета. Впечатления, полученные от поездки по стране, несомненно, повлияют на его позицию во время грядущего схода.

Кора разглядывала соседей. Она лелеяла надежду, что хотя бы приготовленное Джимми угощение заставит Роя вернуться вовремя, но они с товарищами были слишком заняты работой на подземной железной дороге. От их группы все еще не было ни слуху, ни духу. До фермы долетели невеселые вести о банде, вздернувшей прошлой ночью нескольких чернокожих смутьянов в тридцати милях к югу. Возможно, погибшие работали на подземной железной дороге, но подробностей никто не знал. Веснушчатая женщина, которую Кора видела впервые – на ферме теперь все время появлялись новички, – громким голосом распространялась о том, как именно их линчевали. Сибил, обернувшись, шикнула на нее и быстрым движением притянула Кору к себе. На кафедру уже поднялась Глория Валентайн.

Когда-то Глория была прачкой на плантации индиго, где ее и встретил Джон Валентайн.

– Самое упоительное зрелище, которое видели эти глаза, – любил говаривать Джон Валентайн, растягивая ударный слог в слове «упоительный» словно тягучую горячую карамель.

В те времена он нечасто ездил по плантациям, к хозяину Глории прибыл в связи с контрактом на поставку фуража, к концу недели выкупил ее на волю, а еще через неделю обвенчался с ней.

Она и сейчас казалась упоительной, исполненная изящества и достоинства, словно выпускница благородного пансиона для белых леди. Глория часто повторяла, что не любит замещать супруга, но легкость, с которой она держалась перед толпой, говорила об

обратном. Как она ни старалась изжить в своей речи отголоски невольничьей деревни, они иногда прорывались – Кора сама слышала ее оговорки, когда языки развязывались, – но неважно, говорила она как белая или как черная, в ее речи была врожденная выразительность. Когда у Валентайна практическая жилка брала верх над щедростью и в его обращениях к обитателям фермы звучали строгие ноты, вмешательство Глории все сглаживало.

– Надеюсь, у всех сегодня был хороший день, – начала она, когда публика угомонилась. – Я целый день работала в погребе и выползла только к вечеру, а тут такая благодать – закат. И угощенье...

Она извинилась за отсутствие мужа – Джон Валентайн решил воспользоваться богатым урожаем, чтобы попросить банк пересмотреть условия кредита.

– Видит Бог, в обозримом будущем нас ждет такое множество событий, что сейчас надо ловить каждый миг душевного покоя.

Глория кивнула Минго, восседавшему в первом ряду. Место рядом с ним, сегодня пустовавшее, обычно принадлежало Джону Валентайну. Минго был плотным креолом среднего роста; на фоне темной кожи его красный в клетку костюм казался еще ярче. Он одобрительно кивнул в ответ и обернулся, ища глазами своих сторонников. При этом демонстративном признании особого статуса Минго и одновременном признании существующих на ферме политических трений Сибил пихнула Кору локтем в бок. Сейчас много говорилось о курсе на запад, где вдоль западного берега реки Арканзас один за другим, словно грибы после дождя, вырастали «цветные» города. Главной приманкой были земли, не тронутые скверной рабства, не имеющие общих границ с рабовладельческими штатами. Минго же стоял за то, чтобы пускать корни в Индиане, но для этого следовало беспощадно сократить число привечаемых на ферме пришлых: беглых и заблудших. Таких, как Кора. Паломничество именитых гостей, способствовавших тому, что ферма Валентайнов была у всех на слуху, превращало ее в эмблему аболиционизма и в удобную мишень. В конце концов, именно из-за жупела цветного бунта и злобных взглядов чернокожих белые принимали решение уезжать из южных штатов. Они перебирались в Индиану – и что же? Прямо у них под боком поднимало голову чернокожее население. А такое рано или поздно начинает пахнуть кровью.

Сибил презирала Минго – его изворотливость и вечное желание словчить; за личиной рубахи-парня ей виделся тиран и властолюбец. Его оведал ореол легенды: слыханное ли дело, работая по выходным, он сумел выкупить на волю сперва жену, потом детей, а потом и себя самого. У Сибил этот титанический труд на отхожем промысле доверия не вызывал: просто Минго сказочно повезло с хозяином. На ферме он прослыл оппортунистом, донимавшим остальных собственными теориями о пути развития цветного населения. Не пройдет и месяца, как с этой кафедры Минго и Ландер обратятся к общему сходу, который должен будет решить, с кем их будущее.

Кора по большей части разделяла чувства Сибил по поводу Минго. Сам он ее не жаловал, поскольку беглые, по его мнению, привлекали к ферме дополнительное внимание, а когда узнал, что на Коре, кроме всего прочего, висит убийство, она просто перестала для него существовать. Но все-таки человек вытащил из рабства семью, хотя сам до воли мог и не дожить, – и это был подвиг. В первый день занятий дочери Минго – Аманда и Мария – прочувственно декламировали Декларацию независимости, обе такие душеньки! Но хитрым речам их отца Кора не верила. Что-то в ухмылке Минго напоминало ей Блейка, самовлюбленного кобеля из прошлого. Минго не отбирал у нее грядку, чтобы построить будку для своей собаки, но было понятно, что ему тоже палец в рот не клади.

Глория объявила, что совсем скоро их ждут музыка и танцы. Нынче вечером в зале не было «высоких гостей» – так Валентайны называли янки с северным выговором в дорогом платье, – хотя кое-кто из жителей округа приехал. Глория попросила гостей встать, когда представляла их присутствующим. Но вот с формальностями было покончено.

– На десерт после вкусного ужина мы приготовили еще одно угощение, – продолжала Глория. – Это молодой талант, который выступает здесь не в первый раз, так что вы его узнаете.

В прошлую субботу перед ними выступала беременная оперная дива из Монреаля. В позапрошлую – скрипач из Коннектикута, который довел половину присутствовавших женщин до слез – так они расчувствовались. А сегодняшний вечер принадлежал поэту по имени Рамси Брукс, строгому, стройному, облаченному в черный костюм с

черным бантом, повязанным на шее, отчего он смахивал на заезжего проповедника.

Три месяца назад поэт уже приезжал на ферму с делегацией из округа Огайо. Поездку с целью выяснить, соответствует ли ферма Валентайнов своей репутации, организовала престарелая белая леди, посвятившая жизнь делу освобождения негров. Эта вдова богатого бостонского адвоката собирала средства на разнообразные рискованные предприятия, уделяя особое внимание печати и распространению «цветной» литературы. После одного из выступлений Ландера она организовала публикацию его автобиографии, причем привлекла к этому типографию, прежде бесперебойно печатавшую трагедии Шекспира. Первый тираж красивого томика с тисненым золотом именем автора – Элайжа Ландер – разошелся в считанные дни. А сборник стихов самого Рамси, по словам Глории, должен был выйти в следующем месяце.

Поцеловав хозяйке руку, поэт попросил у присутствующих позволения познакомиться их со своим творчеством. Обаяния ему было не занимать, тут Кора ничего не могла сказать. По рассказам Джорджины, он строил куры одной из девушек, работавших на мызе, но, судя по обилию расточаемых комплиментов, этот юноша был открыт для сладких тайн бытия.

– Кто знает, что уготовано нам судьбой, – вздохнул он, обращаясь к Коре, в день своего первого приезда на ферму, – и что за люди будут дарить нас своим вниманием...

В этот момент рядом словно из-под земли вырос Рой и утащил ее прочь от медовых тенет поэта.

Тогда Кора еще не догадывалась о намерениях Роя. Знай она заранее, какой мукой обернутся его отлучки, ни за что бы его не привечала.

После благосклонного согласия Глории поэт откашлялся и приступил к декламации:

– Светлый образ мне явился, чрез поля стремясь, Серафимовы крыла, щит с мечом разящим...

Голос его то взмывал, то срывался, словно уносимый в сторону встречным ветром.

Посетители молельного дома согласно кивали и вздыхали в такт. Наблюдая за реакцией публики, Рамси едва сдерживал улыбку. Кора разбирала его стихи через слово: вот явление какого-то высшего существа. Страждущий, в ожидании знамения свыше. Беседа, в которой участвуют желудь, молодой побег и могучий старый дуб. Приношение инженерному гению Бенджамина Франклина. Все эти вирши, так похожие на молитвы, творимые в душевном сокрушении, ее совершенно не трогали. Легко сказать, уповай на Божий промысел. Поэзия и молитва отвлекают человека от беспощадности механизмов мироздания и закладывают ему в голову гибельные мысли.

После декламации пришло время музыки – среди новых обитателей фермы были те, кто умел играть. Заворожив публику картинками полета и освобождения, поэт отменно подготовил ее к танцам. А если от этих слов людям становилось веселее, кто такая Кора, чтобы их разуверять? В его героях они стремятся увидеть частицу себя, приделывая к его поэтическим образам собственные лица. Кем они видят себя: Бенджамином Франклином или одним из его изобретений? Скорее вторым, ведь раб – бездушное орудие труда. Но здесь рабов не было. Были те, кого числят чьей-то собственностью. Где-то. Но не здесь.

Ничего подобного ферме Валентайнов Кора даже представить себе не могла. Они сотворили чудо, и сейчас вокруг нее находились материальные подтверждения этого чуда, более того, она сама стала его частью. Она поторопилась принять на веру лживые посулы Южной Каролины, и теперь бóльшая часть ее души отторгает сокровища фермы Валентайнов, несмотря на то что каждый день уцелевшая часть расцветает новой благодатью: прикосновением детской ладони, страхом за человека, который пришелся по сердцу.

Рамси завершил приготовления к танцам призывом утолить тягу к прекрасному, которой подвластны и стар, и млад, «дабы священный Аполлонов пламень возгорелся в сердце каждого смертного». Кто-то из новеньких отпихнул кафедру – знак для музыкантов и для Кору, что пора. Сибил, уже изучившая привычки подруги, поцеловала ее на прощанье. После духоты молельного дома снаружи было холодно и темно. До Кору доносился скрежет скамей, которые отодвигали к стенам, чтобы освободить место для танцев. Человек, мимо которого она прошла по дорожке, воскликнул:

– Куда же вы, барышня? Вам в другую сторону!

Подойдя к дому, она увидела Роя, привалившегося к столбику крыльца. Она сразу узнала его в темноте.

– Как только заиграло банджо, я сразу понял, что ты вот-вот появишься.

Засветив лампу, Кора тут же увидела у него синяк под глазом, большую изжелта-фиолетовую припухлость.

– Господи, – выдохнула она, ткнувшись лицом ему в шею.

– Обычная драка. Мы легко отделались.

Кора содрогнулась, а Рой прошептал ей в ухо:

– Я знаю, как ты волновалась, но решил подождать тебя здесь, чтобы не попадаться сегодня никому на глаза.

Они сидели на веранде на стульях, сработанных влюбленными столярами, и вглядывались в ночь. Рой чуть придвинулся, и их плечи соприкоснулись.

Она рассказала ему про угощение и декламацию, которые он пропустил.

– Не беда. На наш век хватит, – отозвался он, роясь в плоской кожаной сумке. – Я тут привез тебе кое-что. Это на этот год, но хоть сейчас и осень, я решил, что тебе понравится, даже если на дворе октябрь. А когда я попаду туда, где есть новые, на будущий год, то обязательно возьму для тебя.

Кора стиснула ему запястье. От альманаха шел странный мыльный запах, а страницы при перелистывании потрескивали, словно дрова в очаге. Ей ни разу не доводилось держать в руках нечитанную книгу.

Через месяц после появления Кору на ферме Рой показал ей призрачный туннель. Она приступила к работе на следующее же утро, без конца возвращаясь мыслями к провозглашенному Валентайном девизу: «Твой дом, твой вклад». В этом было и наставление, и исцеление. Вкладываясь и выкладываясь ей сперва пришлось в прачечной, находившейся под началом Амелии, которая познакомилась с Джоном и Глорией в Виргинии, а пару лет спустя поехала за ними на ферму. Она деликатно попросила Кору «обращаться с платьем бережно». На плантации Рэндаллов у Кору все буквально горело в руках. Ручной труд пробуждал в ней прежнее испуганное усердие, так что скоро они с Амелией решили, что ей лучше заняться чем-нибудь другим. Неделью она помогала работницам на мызе и в очередь с другой женщиной нянчила грудничков, пока матери работали. Потом, когда листья сладкой кукурузы пожелтели, разбрасывала навоз на полях. Нагибаясь над бороздой, Кора всякий раз оглядывалась, ища глазами надсмотрщика, и страх этот было не истребить.

– У тебя усталый вид, – сказал ей Рой августовским вечером после того, как Ландер закончил свою речь.

Речи Ландера больше напоминали проповеди и неизменно говорили о сложностях обретения истинной цели, когда иго рабства сброшено. О множестве разочарований, таящихся в свободе. Подобно большинству обитателей фермы, Кора относилась к Ландеру с благоговением. Он казался заморским принцем, прибывшим из неведомых земель, чтобы научить их, как человеку подобает вести себя в благодатных странах, которые так далеко, что ни на одной карте их не найти.

Отец Элайджи Ландера был богатым белым адвокатом из Бостона, который открыто жил в законном браке с темнокожей женщиной. У людей своего круга они встречали порицание, а по ночам, шепотом, они называли своего отпрыска плодом союза черной африканской богини и бледнолицего смертного. Полубогом. Если верить пространным вступлениям, которыми «высокие гости» из белых предваряли речи Ландера, он с молодых ногтей демонстрировал блестящую одаренность. Детской для хилого мальчугана стала семейная библиотека, где он корпел над томами, которые с трудом мог сдвинуть с полки. В шесть лет играл на рояле, как европейский виртуоз, исполняя в пустой гостиной концерты и раскланиваясь под

воображаемые овации воображаемой публики. Благодаря протекции друзей семьи Элайджа стал первым студентом-мулатом, зачисленным в один из самых престижных колледжей.

– Невольнику выдали пропуск, – вспоминал об этом времени Ландер, – а он, неблагодарный, обманул доверие белых хозяев.

Поскольку ни один из соучеников не желал делить с ним комнату, ему пришлось жить в чулане. Через четыре года однокурсники удостоили его наивысшей почести – он как лучший из лучших произнес от лица выпуска прощальную речь на церемонии вручения дипломов. Ландер стремительно обходил любые препятствия, этот первозданный сын природы, оставивший современную цивилизацию в дураках. Он мог стать кем угодно: хирургом, судьей. Потомственная бостонская аристократия мостила ему дорогу на Капитолийский холм, в политику. Он сумел пробиться в некий закуток американской мечты, где цвет его кожи перестал быть преградой для успеха. Другой бы на его месте жил-поживал в этом закутке, возделывая собственный садик. Но Ландер хотел, чтобы с ним рядом нашлось место остальным. Временами люди – превосходная компания.

В конце концов он избрал карьеру оратора. Сначала ораторствовал в гостиной отчего дома перед сливками бостонского общества, потом в молельных домах для цветных, в методистских церквях и лекционных залах по всей Новой Англии. Подчас он был первым цветным, переступавшим порог этих зданий (те, кто строил и убирал их, не в счет).

Краснорожие шерифы арестовывали его за подстрекательства к мятежу. Его сажали за решетку по обвинению в призывах к бунту, хотя он призывал к мирным собраниям. Судья Эдмунд Харрисон из штата Мэриленд подписал ордер на его арест за «проповедь сатанинской доктрины, подрывающей основы добропорядочного общества». Толпа белых чуть не растерзала его, пока не подросли те, кто пришел послушать в его исполнении отрывки из сочиненной им «Декларации прав американского негра». От Флориды до штата Мэн полыхали костры, на которых жгли его памфлеты, книжки с автобиографией, а потом и его чучела.

Он пожимал плечами:

– Хорошо, что чучела, а не меня самого.

Если какая-то душевная боль и снедала его, об этом никто не догадывался. Для посторонних глаз он оставался невозмутимым и непостижимым.

Кора запомнила его слова, когда впервые слушала его речь:

– Таких, как я, в ботанике называют «гибридами». Плод скрещивания двух различных семейств. В цветке подобное смешение ласкает глаз. Но облеченное во плоть и кровь, может чей-то взор сильно оскорбить. Сегодня в этом зале мы шлем такому смешению свое признание: в мир явилась новая красота, и она расцветает вокруг нас.

Той августовской ночью после выступления Ландера Кора и Рой сидели на ступеньках молельного дома. Остальные обитатели фермы спешили мимо. Слова Ландера настроили Кору на печальный лад.

– Ну, а вдруг они меня... с поля вон? – спросила она.

Рой взял ее за руку и провел большим пальцем по свежим мозолям на ладони, а потом сказал, что беспокоиться незачем. Ей нужен отдых, и он покатает ее по окрестностям, покажет ей Индиану.

На следующий день они уселись в коляску, запряженную парой пегих лошадей. Кора купила себе на жалованье новое платье и шляпку. Шляпка прикрывала шрам на виске, по крайней мере его бóльшую часть. Из-за этого шрама она в последнее время сильно мучилась. Никогда прежде ей не доводилось так много размышлять обо всех этих трилистниках или литерах, которыми рабовладельцы клеймили свою живую собственность. На шее Сибил бугрилась подкова – уродливая, багровая – ее первый хозяин разводил тяжеловозов. Кора благодарила Бога, что ее кожа не знала прикосновения раскаленного металла. Но ни один из них не избежал тавра – даже если его не было видно снаружи, оно пряталось внутри, – и шрам от набалдашника Рэндалловой трости был той же отметиной, которой хозяин клеймит свою собственность.

Кора уже не раз ездила в город, даже поднималась на крыльцо булочной, принадлежавшей белому пекарю, чтобы купить пирожное. Но Рой правил в противоположном направлении. Небо напоминало кусок свинца, хотя погода стояла теплая, августовский вечер словно давал понять, что осень не за горами. На обочине выгона под дикой яблоней они остановились перекусить. Рой захватил хлеб, варенье и колбасу. Она позволила ему положить голову ей на колени. Ей даже

захотелось запустить пальцы в мягкие завитки волос у него на висках, но она отдернула руку – с ужасом вспомнила, как ее насиловали.

На обратном пути Рой направил лошадей по заросшей тропе, почти неразличимой из-за густой поросли виргинского тополя. Он сказал, что хочет ей что-то показать. Она подумала, что это пруд или какой-то укромный уголок, о котором никто не знает. Но коляска повернула в сторону и остановилась перед обветшавшей заброшенной сторожкой, серой, как кусок полупережеванной говядины. Ставни покосились, с крыши кивали сорняки. Развалюха, по-другому не сказать, домишко буквально разваливался на глазах. От вида гнили и мха на душе стало пусто, пусть даже Рой был рядом. Помедлив на пороге, она неохотно зашла внутрь.

Сквозь доски пола проросла трава. В нос ударил смрадный запах.

– По сравнению с этим навоз просто благоухает, – проворчала она, зажимая нос.

Рой с хохотом сказал, что ему всегда нравилось благоухание навоза. Потом он отворил дверцу подпола и запалил свечку. Заскрипели ступеньки. Заметалась потревоженная непрошеным вторжением живность. Рой отсчитал от лестницы шесть шагов и вонзил в землю лопату. Он перестал копать, когда их глазам открылся еще один люк, ведущий на подземную станцию. Туда надо было спускаться по осклизлым от серого налета ступенькам.

Из всех виденных Корой станций эта была самая убогая. Ногу поставить было некуда: рельсы начинались от лестницы и уносились в черноту тоннеля. На путях стояла небольшая дрезина с металлическими рычагами, которые можно было оживить прикосновением человеческих рук. Стены и потолок поддерживали деревянные стойки, как в слюдяной шахте в Северной Каролине.

Судя по всему, станцией давным-давно не пользовались.

– Видишь, какой тоннель низенький? Паровозу тут не пройти, – пояснил Рой, – поэтому с остальной железной дорогой этот участок не соединяется.

– А куда же он ведет? – спросила Кора.

Рой хмыкнул.

– Он существует с незапамятных времен. Проводник, который работал тут до меня, когда передавал дела, показал мне станцию. Я попробовал проехать по туннелю несколько миль, но приятного в этом

было мало. Стены обступают тебя со всех сторон, кажется, еще чуть-чуть, и раздавят...

Кора почла за лучшее не спрашивать, кто построил эту станцию. Все работавшие на железной дороге, начиная с Ламбли и кончая Роем, отвечали вопросом на вопрос: «Кто построил? А кто у нас все строит?» Ничего, когда-нибудь она у него выведает.

По словам Роя, этот тоннель-призрак не использовался ни разу. Когда его прорыли, так никто и не знает, кто жил в сторожке над станцией, неизвестно. Механики рассказывали, что хижина могла принадлежать кому-то из первопроходцев, наподобие Льюиса или Кларка, исследовавших и наносивших на карты те места Америки, где не ступала нога человека.

— Получается, парень повидал на своем веку всю страну, от Атлантики до Тихого океана, от Ниагары до Рио-Гранде, а под конец решил поселиться в лесах Индианы. Другого места не нашел? — недоумевал Рой.

По словам же другого старичка-смотрителя, выходило, что после Войны за независимость тут поселился некий генерал, который, устав от кровопролития, предпочел держаться подальше от юной нации, становлению которой сам и споспешествовал.

История про отшельника хоть как-то смахивала на правду, но с генералом выходил явный перебор. Кроме того, в хижине не чувствовалось даже малейших следов обитания: ни вбитого в стену гвоздя, ни оброненной зубочистки, ничего.

А Кору, словно тенью, накрыло догадкой: это не начальная станция железнодорожной ветки, а ее конец. Строить начали не с этой стороны черной норы, а с противоположной. Слово убежать в этом мире можно не куда-то, а только откуда-то.

Вспугнутые обитатели подпола снова заскреблились над их головами. Сырая темная нора. Любое путешествие отсюда было изначально обречено. Последняя станция, с которой уходил ее поезд, была залита светом, радовала удобствами и в конечном итоге привела ее под кров Валентайнов с их щедротами. Это была станция в Теннесси, где после отчаянной эскапады с Риджуэем они ждали, что их заберут. События той ночи до сих пор заставляли сердце колотиться.

Когда фургон охотников на беглых с прикованным Риджуэем остался позади, ее спасители представились. Парня в очках, который заметил ее в городе, звали Рой. У медноволосого из-за цвета курчавой гривы было прозвище Рыжий. Тот, что сильно нервничал, – Джастин, тоже из беглых, как Кора, поэтому размахивать тесаком перед белыми не привыкший.

После того как Кора согласилась пойти с ними – никогда прежде неизбежное не предлагалось ей в столь учтивой форме, – трое ее спасителей поспешно замели следы стычки. Где-то поблизости в темноте прятался Хомер, что заставляло всех торопиться с удвоенным рвением. Пока Рой и Джастин приковывали Боусмана и Риджуэя к фургону, Рыжий с ружьем на взводе сторожил их. Охотник на беглых, глумливо поглядывая на Кору, не проронил ни слова.

– Вот к этому, – сказала она, показывая на кольцо в днище, к которому раньше был прикован Джаспер.

Рыжий пропустил через него цепь Риджуэя.

Фургон они отогнали к дальнему краю выгона, чтобы с дороги было не видно. Рыжий сковал Риджуэя по рукам и по ногам, использовав все имевшиеся в наличии пять пар кандалов, ключи не глядя зашвырнул в траву, а потом лошадям дали кнута, чтоб бежали шибче.

Хомер так и не появился, но этот бес мог хорониться совсем рядом, сразу за пределами очерченного фонарем круга света.

Как ни мала казалась полученная ими фора, другой никто не предлагал. Боусман, когда они поворотили прочь, отчаянно хватал ртом воздух. Кора приняла это за предсмертный хрип.

До тарантаса, принадлежавшего ее спасителям, от места, где Риджуэй велел своим остановиться на ночь, надо было немного пройти вдоль проселка. Потом Кору с Джастином уложили на дно, завалили толстыми одеялами, и лошади рванули вперед, что, учитывая непроглядную тьму и разбитую дорогу, было делом весьма рискованным. В ажитации после схватки Рой и Рыжий забыли завязать пассажирам глаза и спохватились, только проехав несколько миль.

– Так полагается ради безопасности, мисс, – сконфуженно объяснил ей Рой.

Третье в ее жизни путешествие по подземной железной дороге началось под конюшной. Невероятно длинная череда ступеней уходила

в немыслимую глубину, где их взору должна была предстать новая станция. Владелец помещения вечно разъезжал по делам, замечая, так сказать, следы, хмыкнул Рой, развязывая им глаза. Кора так никогда и не узнала ни названия пункта отправления, ни имени этого человека. Очередной неведомый подпольщик-любитель, да еще, очевидно, любитель белой заморской керамической плитки. Ей были облицованы стены.

– Каждый раз, как мы сюда попадаем, тут что-то новенькое, – продолжал Рой.

В ожидании поезда Рой, Рыжий. Джастин и Кора сидели в массивных мягких креслах с пунцовой обивкой вокруг покрытого белой скатертью стола. По стенам развешаны сельские пейзажи, в вазе кивают головками свежие цветы, хрустальный кувшин полон воды, рядом корзинка с фруктами и ржаной каравай, чтобы было чем утолить голод и жажду.

– Хозяин, видать, богатый, – вымолвил Джастин.

– Настроение любит создать, – улыбнулся Рой.

Рыжий одобрительно рассматривал кафель. Такая облицовка ему нравилась больше, чем сосновая доска, которой прежде были обшиты стены.

– Одного не пойму, неужто он сам все это сделал?

– Надеюсь, мастера умеют держать язык за зубами, – ответил Рой.

Джастин сидел оцепенев. В серванте нашелся кувшин вина, которое беглый негр жадно глотал.

– Вы прикончили белого, – выговорил он.

– А вот пусть девушка тебе расскажет, чем он это заслужил, – бросил Рыжий.

Рой стиснул ему руку повыше локтя, чтобы унять дрожь. Его другу ни разу не приходилось убивать. За непреднамеренное убийство полагалась виселица, но за преднамеренное с них, прежде чем вздернуть, семь шкур должны были спустить.

Когда позднее Рой узнал, что в штате Джорджия Кора разыскивается по обвинению в убийстве, он не мог поверить своим ушам, а придя в себя, сказал:

– Значит, с того момента, как я положил на тебя глаз на этой загаженной улице, все было предрешено.

Рой был первым свободным от рождения негром, которого Кора встретила. В Южной Каролине хватало вольных, переселившихся в поисках пресловутой лучшей доли, но они успели отходить свое в кандалах. Рой получил первый глоток свободы вместе с первым глотком воздуха.

Он вырос в Коннектикуте, в семье цирюльника и повитухи, двух свободных от рождения выходцев из Нью-Йорка. Это по их воле Рой, как только подрос, пошел подмастерьем в типографию. Его родители хотели, чтобы он избрал себе солидную достойную профессию, в мечтах им рисовались будущие ветви семейного древа, каждое следующее поколение совершеннее предыдущего. Если на Севере рабство уже упразднено, то рано или поздно эта гнусная институция падет повсеместно. И пусть история негров в Америке начиналась в пыли и прахе, им суждены триумф и процветание.

Понимай мать с отцом, насколько их воспоминания о Нью-Йорке повлияют на мальчика, свой родной город они бы расписывали в куда более сдержанных выражениях. В восемнадцать лет Рой рванул на Манхэттен, и первый же вид на мегаполис с палубы парома решил его судьбу. Вместе с еще тремя парнями он снял комнату в пансионе для цветных в Чайна-тауне и подвизался цирюльником, пока не познакомился с легендарным Юджином Вилером.

Этот белый джентльмен заговорил с Роем на каком-то собрании противников рабства, и собеседник заинтересовал его настолько, что на следующий день их разговор продолжился уже в кабинете Вилера. Рой был наслышан о его деятельности: адвокат, аболиционист, объявивший крестовый поход против рабства, бичующий рабовладельцев и их приспешников. Рой стал искать по городским тюрьмам беглых невольников, нуждавшихся в адвокатской защите, бегал с какими-то загадочными поручениями, принимал участие в распределении средств между аболиционистскими группами, занимавшимися укрывательством и переправкой в безопасные места бежавших от хозяев рабов. Задолго до начала работы на подземной железной дороге он стал важной частью ее механизма.

«Мое дело поршни подмазывать, – была его любимая присказка, – чтоб ходили без сучка, без задоринки». Рой размещал среди газетных рекламных объявлений зашифрованные сообщения, благодаря которым беглые и проводники узнавали о датах отправки, подкупал моряков и

полицейских, садился на весла утлого ялика и переправлял беременных теток, у которых зуб на зуб не попадал от ужаса, с одного берега реки на другой, самолично доставлял кривившим недовольные мины помощникам шерифов судебные ордера об освобождении арестованных из-под стражи. Как правило, Роя подстраховывал кто-то из белых, но благодаря его природной смекалистости и гордой осанке очень скоро выяснилось, что цвет кожи препятствием не является.

– Раб и свободный чернокожий даже ходят по-разному, – объяснял он. – Другая походка, другой разговор, другая манера себя держать – и любому белому это моментально передается. Это все изнутри.

Полицейские его никогда не задерживали, охотники за невольниками предпочитали держаться подальше.

С Рыжим они начали вместе работать поле того, как Роя направили в Индиану. Рыжий был из Северной Каролины. Патрульщики повесили его жену и ребенка, а ему удалось уйти. Он шел по Тропе свободы мило за милей, пытаюсь отыскать их тела, чтобы попрощаться. Не отыскал. Увешанная трупами тропа тянулась бесконечно, что в одну сторону, что в другую. Добравшись до Севера, Рыжий вышел на людей с подземной железной дороги и стал преданно служить их делу с какой-то дьявольской изобретательностью. Услышав от Кору про убийство мальчика в Джорджии, он сказал:

– Это хорошо.

С переправой Джастина все пошло не по плану. Рой в Теннесси никогда не работал, это был не его участок, но тамошний сотрудник железной дороги с начала пожаров как в воду канул. Пропустить поезд было немыслимо, и за неимением кого-либо еще руководство дороги скрепя сердце отправило двух темнокожих агентов в самый ад штата Теннесси.

Идея с оружием принадлежала Рыжему. Рою до этого не приходилось держать в руках пистолет.

– В руку ложится как родной, – объяснял он Коре, – но тяжелый, гад, что твоя пушка.

– Выглядел ты грозно, – сказала она.

– А у самого поджилки тряслись, – в тон ей ответил Рой.

Хозяин Джастина частенько отпускал его на отхожий промысел, каменщиком, и вот некий сочувствующий из подражавших договорился про него на подземной железной дороге, но с одним

условием: никаких попыток к бегству, пока не закончит кладку стены вокруг его поместья. Ширина незаделанного проема, на который клиент соглашался, равнялась трем камням, и только с условием, что Джастин оставит подробные инструкции по их укладке.

В назначенный день Джастин в последний раз отправился якобы на отхожий промысел, так что на плантации его должны были хватиться только под вечер. По настойчивой просьбе клиента, желавшего отвести от себя подозрение, каменщик в то утро у него вообще не появился. В десять он уже затаился в повозке Роя и Рыжего, но когда в городе они наткнулись на Кору, планы пришлось поменять.

Поезд подкатил к станции Теннесси. Коре не доводилось видеть более великолепного локомотива, красная краска сияла даже сквозь толстый слой сажи. Машинист оказался весельчаком с зычным голосом, который без лишних церемоний распахнул перед цветными дверь пассажирского вагона. Кора давно заподозрила, что все машинисты без исключения тронулись на «тоннельной почве».

После щелястого товарняка и открытой грузовой платформы, доставивших ее в Северную Каролину, ступить в настоящий мягкий вагон – комфортабельный, с роскошной отделкой, как те, про которые она читала в альманахах, – доставляло особое наслаждение. В этих глубоких уютных креслах могло бы разместиться человек тридцать. Из-за запаха свежего лака Кора сама себе казалась пассажиром, избранным для волшебного «крещения» новенького поезда. Улегшись поперек трех сидений, она впервые за долгие месяцы заснула не в кандалах и не в чердачной мгле.

Когда она проснулась, стальной конь все еще с грохотом мчал по тоннелю. Ей вспомнились слова Ламбли: «Я всегда говорю: чтобы понять, что мы за народ, надо сесть в поезд, и вперед. Мчишься, смотришь по сторонам – вот тебе и истинное лицо Америки». Но во время всех ее путешествий за окнами была чернота без конца и края, так что он, конечно же, сказал это в насмешку.

С сидений впереди раздался голос Джастина. Он сообщил, что где-то в Канаде у него живут брат и трое племянников, которых он ни разу не видел, так что вот переждет на ферме несколько дней и подастся на Север.

Рой заверил беглеца, что подземная железная дорога всегда к его услугам. Когда Кора поднялась и села, он повторил ей слова, которые

только что произнес, обращаясь к ее товарищу по несчастью: она сможет либо дождаться в Индиане следующего поезда, который повезет ее дальше, либо остаться на ферме Валентайнов.

По рассказам Роя, у Джона Валентайна была до того светлая кожа, что белые принимали его за своего, но любому цветному было достаточно одного взгляда, чтобы тут же распознать эфиопскую кровь. Нос, губы, шапка волос говорили сами за себя. Мать его шила на заказ, отец был заезжим белым коммивояжером, которого она видела раз в несколько месяцев. После смерти он оставил все имущество сыну, открыто признав тем самым свое отцовство и прижитого ребенка.

Валентайн пробовал выращивать картофель. У него было шесть батраков, все вольные. Выдавать себя за белого он не стремился, но и развеивать заблуждения людей на свой счет считал излишним. Когда он купил Глорию, ни у кого и малейших сомнений не возникло в его намерениях. Обладать негротянкой можно лишь в качестве рабыни, особенно если у купившего ее мужчины по любовной части опыта маловато, а у Джона Валентайна его почти не было. Так что о том, что Глория не рабыня, знали только они двое да судья на другом конце штата Виргиния. Валентайн был книголюбом и обучил жену грамоте. Она родила ему двоих сыновей. Соседи, решив, что он дал детям вольную, подивились широте его взглядов и расточительству.

Когда старшему сыну исполнилось пять, одного из работников Валентайна, возчика Джо, вздернули и сожгли – чтоб не паялился на белую женщину. Друзья Джо утверждали, что он в тот день вообще не ездил в город. Симпатизировавший Валентайну банковский служащий рассказал, что обвинявшая возчика женщина распускала эти слухи, чтобы вызвать ревность у своего любовника.

Валентайн понимал, что с годами расовая ненависть станет только беспощадней в своих проявлениях. В обозримом будущем она не уляжется и не исчезнет, по крайней мере здесь, на Юге. Джон и Глория решили, что Виргиния – не подходящее место, чтобы растить детей. Они продали ферму и тронулись в путь. Земля в Индиане стоила недорого. Там тоже жили белые, но можно было найти тихое место подальше от них.

Джон изучил нрав излюбленного растения индейцев – кукурузы. Результат – три небывалых урожая подряд. Навещая родню в Виргинии, он расписывал достоинства своей новой родины. Он позвал

к себе закадычных друзей, пообещав, что они смогут жить на его земле, пока не встанут на ноги, акров он прикупил достаточно.

Так на ферме появились гости, которых он пригласил. История же самой фермы, как позднее узнала Кора, началась зимней ночью после густого снегопада. На постучавшую в дверь их дома полуживую от холода женщину было страшно смотреть. Маргарет – так звали несчастную – бежала из штата Делавэр. Дорога до фермы Валентайнов оказалась тяжелой: на извилистом пути от хозяйского порога ей встретилась вереница сомнительных личностей. Сперва траппер, потом шарлатан, торгующий лекарствами на ярмарках, потом бродячий зубодер, с которым она скиталась из города в город, пока он не начал поднимать на нее руку. Метель застала ее в чистом поле. Маргарет молила Бога о спасении и дала обет покончить со злом и пороками, искушавшими ее с момента бегства. В ответ во мраке сверкнули огни фермы Валентайнов.

Глория как могла выхаживала неожиданную гостью. Послали за доктором, который приехал верхом. Но лихорадку, трепавшую Маргарет, было не унять. Через несколько дней она скончалась.

В следующий раз, когда Джону Валентайну пришлось ехать на восток по делам, он по объявлению случайно забрел на собрание аболиционистов. Замерзшая в снегу несчастная была вестницей племени обездоленных. Он добровольно стал их предстоятелем.

Уже осенью его ферма превратилась в новое отделение подземной железной дороги, где было полно и «проводников», и «пассажиров». Кое-кто из беглых не спешил уезжать. Если ты впрягался в работу, можно было оставаться и жить, сколько душе угодно. На ферме выращивали кукурузу. На заросшем травой пяточке беглый каменщик поставил кузню для беглого же кузнеца, и тот гвозди ковал как выплевывал. Из напиленного леса понаделали домов. По пути в Чикаго на ферму заехал знаменитый аболиционист и задержался на неделю. Знаменитые ораторы и люди искусства стали приезжать на субботние дискуссии по негритянскому вопросу. У некой свободной гражданки США в Делавэре жила сестра, которой приходилось несладко, и эта сестра решила в поисках лучшей доли переехать на Запад. Валентайны и прочие обитатели фермы, имевшие детей, предложили платить ей за уроки с малышами, и недостатка в учениках не было.

По словам Роя, светлая кожа Джона Валентайна, позволила ему быстро прикупить в округе земли для тех, у кого лица были куда темнее: бывших негров с плантациями, подавшихся на Запад, беглых невольников, для которых его ферма стала землей обетованной. Стала смыслом и целью. Когда Валентайны прибыли в Индиану, часть штата, где они осели, была практически необитаема. Это потом на волне неистребимой американской жажды экспансии одно за другим стали появляться новые поселения. К тому времени негритянская ферма успела превратиться в извечную часть ландшафта – как холм или рукав реки. Чуть не у половины всех магазинов Валентайн числился в постоянных поставщиках; обитатели его фермы со своими товарами заполняли рыночные площади и воскресные ярмарки.

– Вот место, чтобы набраться сил, – говорил Коре Рой, когда поезд мчал их на север. – Там можно оглядеться и начать готовиться к следующему отрезку пути.

Давеча за ужином пьяный Риджуэй утверждал, что Кору с матерью надо извести, чтоб «в императиве не было погрешности». Что же это за миропорядок, если две женщины могут его перевернуть?

Рой тогда ничего не рассказал ей о философских диспутах, которые разгорались на субботних собраниях. О Минго с его программой следующей ступени развития цветного населения. О Ландере, чьи изящные, но сложные умопостроения не сулили простых решений. Он также обходил молчанием истинную причину нарастающей неприязни белых поселенцев к негритянскому аванпосту в сердце Индианы. Противоречия, о которых он ни словом не обмолвился, вскоре сами проявятся.

А пока состав, подобно утлону суденышку в немислимо огромном море, дребезжал себе по подземному тоннелю, рассуждения Роя возымели действие: шлепнув ладонями по диванным подушкам, Кора заявила, что ферма – это то, что ей нужно.

Джастин погостил на ферме несколько дней, чуть отъехал и отправился к родне на Север. Потом от него пришло письмо с описанием встречи и его новой должности в строительной компании. Ниже стояли сделанные цветными чернилами подписи его племяшек. От них веяло задором и простодушием. Ферма Валентайнов предстала перед Корой во всем своем соблазнительном многообразии, так что ей

и в голову не приходило ехать куда-то дальше. Она влилась в работу. Этот труд был ей знаком, она чувствовала ритмы сева и уборочной, понимала задачи, которые диктовали, сменяя друг друга, времена года. Картины городской жизни стирались из памяти – что она знала о таких городах, как Нью-Йорк и Бостон? Кора с рождения возилась с землей.

Через месяц после приезда, стоя в зеве призрачного тоннеля, она по-прежнему не сомневалась в правильности сделанного выбора. Они с Роем собрались было возвращаться на ферму, как из мрачных подземных глубин дохнул порыв ветра, словно что-то надвигалось на них, темное, прошлое. Кора стиснула локоть Роя:

– Зачем ты привел меня сюда?

– Нам не положено говорить про то, чем мы тут занимаемся. И пассажирам не стоит распространяться о работе железной дороги, чтоб не ставить под угрозу множество хороших людей. Говорить-то им никто не запрещает, все сами молчат.

Так оно и было. Историю своего побега Кора описывала в самых общих чертах, обходя молчанием тоннели. Это касалось только ее, ее тайна, которую и в голову не придет кому-то рассказывать. Не постыдная тайна, просто глубоко личная, настолько тесно связанная с внутренним естеством, что делиться ей становилось невозможным.

– Я привел тебя сюда, потому что ты видела больше участков железной дороги, чем все остальные. Я хотел, чтобы ты поглядела, как все складывается. Или не складывается.

– Но я же просто пассажирка!

– О том и речь, – отозвался Рой, протирая очки полой рубахи. – Подземная железная дорога – это не только те, кто на ней работает. Она куда больше. Это и все вы тоже. Крупные ветки и крохотные ответвления. У нас есть новые локомотивы, есть развалюхи-паровозы, а есть и дрезины вроде этой. Они ходят всюду: в места, которые мы знаем и которых не знаем. Прямо под нами лежит тоннель, а куда он ведет – неизвестно. Мы не можем этого понять, хотя работаем на этой дороге. Но вдруг тебе удастся?

Она ответила, что не понимает, откуда взялся этот тоннель и зачем он тут. Ей было понятно только одно: дальше бежать ей не хочется.

Ноябрь принес с собой изматывающий холод, но в этом месяце произошли два события, заставившие Кору позабыть о климате Индианы. Первым был приезд на ферму Сэма. Когда он постучал в дверь ее хижины, она так стиснула его в объятиях, что он взмолился о пощаде. Оба рыдали навзрыд. Пока они пытались успокоиться, Сибил заварила им травяного чая.

В его грубой бороде серебрилась седина, живот стал куда больше, но перед ней стоял все тот же говорун, который много месяцев назад уболтал их с Цезарем. Ночь, когда в городе появился охотник на беглых, расколола всю жизнь Сэма на «до» и «после». Предупредить Цезаря он не успел, и Риджуэй схватил парня прямо на фабрике. Запинающимся голосом Сэм рассказывал Коре, как ее друга мучили в тюрьме. Он никого не выдал, но кто-то донес, что несколько раз видел, как ниггер разговаривает с Сэмом. Выяснилось, что в середине смены Сэм бросил работу и ушел из салуна. Одного этого, да еще его вечно довольного вида, который многим с самого детства был поперек горла, оказалось достаточно, чтобы спалить его дом дотла.

– Дом моего деда. Мой дом. Все, что у меня было.

К тому времени, как толпа выволокла Цезаря из камеры и принялась рвать на части, Сэм успел уйти далеко на север. Бродячий торговец за мзду согласился его подвезти, и утром следующего дня он сел на пароход до Делавэра. Месяц спустя под покровом ночи вход в тоннель под его домом был завален. Таковы были методы на подземной железной дороге. Со станцией, где смотрителем был Ламбли, поступили так же.

– Это чтобы не рисковать лишний раз, – объяснил Коре Сэм.

Сэму передали памятку из родного дома – оплавившуюся медную кружку. Кружку он не вспомнил, но сохранил на память.

– Тогда я был стационарным смотрителем. Потом пришлось заниматься другими вещами.

Сэм отвозил беглецов в Нью-Йорк и Бостон, корпел над сводками и отчетами, разрабатывая маршруты, отвечал за устройство на месте, от чего зависела жизнь его подопечного. Пару раз даже выдавал себя за охотника на беглых по имени Джеймс Олни, чтобы легче было вытаскивать бывших рабов из-за решетки под предлогом доставки их законным хозяевам.

– Ох уж эта полицейская и чиновничья тупость! Расовые предрассудки неизбежно отражаются на умственных способностях, – заявил он, демонстрируя, к вящей радости Сибил и Кору, свой «охотничий» голос и выправку.

На ферму Валентайнов он только что доставил самую крупную свою «партию» – семью из трех человек, скрывавшуюся в Нью-Джерси. Они там пытались выдавать себя за местных, но вокруг начал крутиться охотник на беглых, так что пришлось сматывать удочки. Для Сэма это был заключительный аккорд, он решил податься на Запад.

– Все первопоселенцы, которых я встречал, любили заложить за галстук. Так что бармен в Калифорнии без дела не останется.

У Кору при взгляде на него только сердце пело, такой у нее друг веселый да гладкий. Хоть одного она не погубила. Скольких из тех, кто помогал ей, постигла ужасная участь.

Потом Сэм поведал ей о последних новостях на плантации, где она прежде жила, и от этого мороз Индианы словно бы выдохся.

Терренс Рэндалл умер.

По слухам, время лишь усугубило помешательство плантатора на Коре и ее побеге. Дела он вконец забросил. Его жизнь состояла из ежедневных оргий в большом доме и омерзительных развлечений, во время которых он истязал своих невольников, вымещая на них свою злобу на Кору. Терренс продолжал размещать объявления о ее побеге с перечислением примет и подробным описанием совершенных ею преступлений. Он несколько раз поднимал сумму вознаграждения за поимку – Сэм видел сообщения собственными глазами и не мог им поверить. Каждого заезжего охотника на беглых Рэндалл привечал и излагал ему сперва полную картину Кориных злодеяний, а потом костерил неумеху Риджуэя, который подвел сперва его отца, а потом и его самого.

Смерть настигла его в Новом Орлеане, в номерах креольского борделя. Сердце, ослабевшее за месяцы беспутства, сдало окончательно.

– Злодеяний его не выдержало, вот и сдало, – отрезала Кора.

Переварив то, что рассказал ей Сэм, она спросила про Риджуэя.

Сэм пренебрежительно отмахнулся.

– Да об него теперь только ноги вытирать. Дела у него не слишком хорошо шли еще до... – тут Сэм сделал паузу, – ну... до того случая в

Теннесси.

Кора кивнула. Убийство, совершенное Рыжим, все старались обходить молчанием. Когда на подземной железной дороге узнали подробности, от его услуг отказались. Рыжего это не сильно огорчало. У него были свои представления о том, как покончить с узами рабства, и складывать оружие он не собирался. «Он коли пошел по борозде, его не своротить», – говорил про товарища Рой. Ему не по душе была отставка Рыжего, но отныне их пути разошлись, особенно после того, что случилось в Теннесси. Убийство, совершенное Корой, можно было оправдать самообороной, но неприкрытая кровожадность Рыжего – дело совсем другое.

Риджуэю с его зверствами и навязчивыми идеями, которые мало кто мог понять, и раньше найти себе напарников было непросто. Теперь сомнительная репутация вкупе со смертью Боусмана и публичным унижением – чтоб рейнджер позволил черномазым бандитам взять над собой верх! – превратили его в парию, которого чурались свои же. Конечно, шерифы штата Теннесси объявили преступников в розыск, но Риджуэй оказался не у дел. С самого лета о нем ничего не было слышно.

– А мальчонка, Хомер?

Об этом чудике Сэм кое-что слышал. Говорили, сперва прятался в лесу, а потом привел к Риджуэю подмогу. Но чудик-слуга репутацию хозяина несколько не улучшил – связь Хомера с Риджуэем породила множество досужих толков. Что бы там ни было, эта связь и после нападения осталась нерушимой, и с глаз долой они исчезли на пару.

– Отсиживаются в какой-нибудь канаве подзаборной, где такому, как они, дерьму самое место, – заключил Сэм.

Он пробыл на ферме три дня, безуспешно пытаясь добиться благосклонности Джорджины. Зато успел поучаствовать в состязаниях по лущению кукурузы.

Состязания начались в первую ночь полнолуния. Накануне дети целый день складывали срезанные початки в две гигантские кучи, которые разграничивала дорожка из алых листьев. Во главе одной команды стоял Минго – уже второй год подряд, как кислым тоном заметила Сибил, – и, нимало не заботясь о том, чтобы обитатели фермы были представлены во всем многообразии, к себе взял

исключительно своих сторонников. Капитан другой команды, Оливер, старший сын Валентайнов, набрал пеструю компанию из вновь прибывших и старожилов.

– И, конечно же, мы приглашаем нашего почетного гостя, – с этими словами Оливер поманил к себе Сэма.

По свистку маленького мальчика луцильщики лихорадочно принялись за работу. В этом году главным призом состязания было серебряное зеркало, которое Джон Валентайн привез из Чикаго. Перевязанное голубой лентой, зеркало стояло между двумя грудями початков, отражая оранжевые всполохи вырезанных из тыкв фонарей. Капитаны зычно выкрикивали команды, а публика, подбадривая луцильщиков, вопила и хлопала в ладоши. Все это шло под аккомпанемент развеселого, резвого мотивчика, который наярывал скрипач. Малышня сновала между грудями, ловя на лету вышелушенные початки и оттаскивая их в сторону.

– Вот тот держи!

– А ну, давай, шевелись!

Кора в состязании не участвовала, она смотрела со стороны. Ладонь Роя лежала у нее на бедре. Накануне вечером она позволила ему себя поцеловать, что он небезосновательно воспринял как знак перехода ухаживаний на новый этап. Она заставила его ждать. Он был готов ждать еще. Но рассказ Сэма о смерти Терренса почему-то смягчил ее сердце, хотя и вызвал в воображении злобные видения. Кора представляла себе бывшего хозяина запутавшимся в простынях, с посиневшим языком, вывалившимся изо рта. Вот он молит о помощи, которая не приходит. Вот превращается в гнилое месиво в гробу, а потом проходит через все муки адовы по Апокалипсису. В эту часть Священного писания Кора верила нерушимо. В ней иносказательно описывалась жизнь невольника на плантации.

– У Рэндаллов не устраивали праздника урожая, – сказала она. – Мы тоже собирали его в полнолуние, но все было через кровь.

– Ты больше не у Рэндаллов, – возразил Рой. – Теперь ты свободна.

С трудом сдерживая захлестывающие ее чувства, Кора прошептала:

– Разве? У земли есть собственник. У орудий труда тоже. Плантация и невольники пойдут с молотка, их выставят на аукцион, а покупатели найдутся. Каждый раз, стоит кому-то помереть, мигом

объявляются родственники. И я, пусть даже здесь, в Индиане, до сих пор чья-то собственность.

– Он мертв. Дальние родственники не станут, как он, из кожи вон лезть, чтобы тебя вернуть. Ты свободна!

Чтобы прекратить этот разговор, Рой принялся подтягивать песню, желая показать Коре, что есть земные радости. Есть люди, есть их совместный труд, от сева до сбора урожая. Но эту песню у Рэндаллов пели на хлопковом поле, и в памяти тут же всплыли зверства на плантации, отчего сильно заколотилось сердце. Петь начинали по приказу Коннелли, это был сигнал, что порка закончена и можно опять переходить к уборке.

Неужто труд из горечи может обернуться радостью? У Валентайнов все было непривычно. Работа не была истязанием, она спланировала. Умный парнишка вроде Честера мог расти всем на радость, как росли Молли и ее приятели. Мать могла растить свою девочку в любви и заботе. Замечательный человек, такой, как Цезарь, мог заниматься всем, чем пожелает, и это было право каждого: взять надел, пойти в учителя, начать бороться за права цветных. Даже стать поэтом. Томясь в Джорджии, Кора рисовала себе в воображении свободу, но тогда она представляла ее совсем по-другому. Свобода оказалась общим трудом на благо чего-то исключительно замечательного.

Победил Минго. Его команда с хриплым ревом пронесла своего капитана, подхватив его под ноги, вокруг горы вылущенных початков. Джимми Валентайн сказал Сэму, что впервые видит белого, который работал бы столь усердно, и Сэм засиял от гордости. На Джорджину, однако, это никакого впечатления не произвело.

В день отъезда Кора обняла его и поцеловала в щетинистую щеку. Он пообещал написать, как только устроится, сам пока не зная, где именно.

Дни стояли короткие, ночи длинные. С наступлением холодов Кора зачастила в библиотеку. Когда получалось затащить туда Молли, они ходили читать вместе и сидели рядом, Кора с книгой по истории или любовным романом, а Молли со сказками. Один раз на пороге их остановил возница с фермы:

– Хозяин мой как-то сказал, что есть только одна штука страшнее ниггера с ружьем: это ниггер с книжкой. А тут уж не

ружье, а целая пороховая бочка!

Когда обитатели фермы в знак благодарности решили сделать пристройку к дому Валентайна, где стало тесно от книг, Глория предложила поставить библиотеку особняком.

– Тогда каждый, кто пожелает сесть за книгу, сможет сделать это в свободное время.

Семье Валентайнов это давало хоть какое-то личное пространство. Даже у их великодушия были свои пределы.

Библиотеку построили рядом с коптильной, поэтому в ней всегда аппетитно пахло дымком, когда Кора устраивалась в одном из глубоких кресел с какой-нибудь книжкой, принадлежавшей Валентайну. По словам Роя, это было самое большое собрание негритянской литературы к югу от Чикаго. Правда это или нет, она не знала, но книг действительно было не счесть. Кроме трактатов по земледелию и растениеводству тут были целые полки книг по истории. Притязания древних римлян, победы мавров, кровавые междоусобицы в Европе. Гигантские фолианты раскрывались на картах земель, о которых Кора прежде не слыхивала, обозначая границы непокоренного пока мира.

И разнородные сведения о цветных племенах. Рассказы об африканских царствах, фантастические пирамиды, возведенные египетскими рабами. Столяры с фермы Валентайна оказались настоящими кудесниками – как иначе им удалось удержать все эти распираемые чудесами тома на полках и не дать им вырваться наружу. Брошюры со стихами негритянских поэтов, автобиографии цветных ораторов. Филлис Уитли^[10] и Джупитер Хэммон^[11]. Или был такой Бенджамин Баннекер^[12], составитель календарей-альманахов, от которых ее было не оттащить, – снискавший доверие самого автора Декларации независимости Томаса Джефферсона. Кора читала биографии рабов, рожденных в колодках, но выучившихся грамоте. Читала о выходцах из Африки, похищенных, оторванных от родины и семьи, описавших выпавшие на их долю страдания в неволе и обстоятельства побега, от которых леденела кровь. Их истории становились частью ее собственной. Это были истории всех известных ей цветных, истории чернокожих, которым лишь предстояло появиться на свет, – истории, заложившие фундамент их будущих побед.

Все это люди в тесных комнатках написали чернилами на бумаге. У кого-то из них была темная кожа, совсем как у нее. Всякий раз на пороге библиотеки Кору охватывало смятение. Чтобы прочесть все это, как она решила, придется потрудиться.

Однажды ранним вечером в библиотеку зашел Джон Валентайн. Глория Валентайн и Кора успели сблизиться, из-за тяжких перипетий ее жизненного пути Глория шутливо прозвала ее «авантюристкой поневоле», но с ее мужем девушка только здоровалась, они ни разу не разговаривали. Точнее, она откровенно избегала Джона Валентайна, слишком уж неоплатным казался ей долг перед ним.

Он взглянул на обложку книги, которую читала Кора, – роман о жизни мавританского юноши, ставшего грозой семи морей. Из-за несложного языка чтение шло споро.

– А я, признаться, этого не читал, – сказал Валентайн. – Как я слышал, вы часто сюда приходите. Вы ведь из Джорджии?

Кора кивнула.

– Ни разу там не был, – улыбнулся Валентайн. – Мне туда нельзя. Про этот штат рассказывают такие ужасы! Я наверняка тут же ввяжусь во что-нибудь, и жена моя останется вдовой.

Кора улыбнулась в ответ. Все лето он был в поле, посадки кукурузы требовали внимания. Его работники знали, что такое индиго, табак и, конечно же, хлопок, но ведать не ведали, как обращаться с непонятным индейским подарком – кукурузой. Валентайн любезно и терпеливо наставлял их. Но с приближением зимы его все реже было видно. Поговаривали про нелады со здоровьем. Большую часть времени он проводил в доме, корпя над счетами.

Он подошел к шкафу с атласами. Теперь, оказавшись с ним в одной комнате, Кора вынуждена была прервать свое многомесячное молчание. Она спросила его о подготовке собрания.

– М-м-м, – протянул Валентайн, – вы думаете, оно состоится?

– А как же иначе? – спросила Кора.

Собрание пришлось дважды переносить из-за публичных выступлений Ландера в других местах. За столом на кухне Валентайнов начались дебаты на ферме – там Валентайн и его друзья, а позднее и специально для этого приезжавшие философы и известные аболиционисты засиживались за полночь, споря по «негритянскому вопросу». Нужда в коммерческих училищах. В медицинских школах

для цветных. В конгрессмене, пусть даже не представляющем их интересы напрямую, но хватило бы и надежного альянса с либеральными кругами белой общественности. Что делать с тавром рабства в головах – ведь многие вольноотпущенники по-прежнему поработаны пережитыми ужасами.

Эти беседы за ужином перерастали в традицию, мало-помалу им стало тесно на кухне, и их вели уже в молельном доме, после чего Глория бросила кормить-поить спорщиков, решив, что сами разберутся. Сторонники постепенного прогресса цветного населения были в контрах с теми, кто не собирался долго ждать. Когда приезжал Ландер – самый прославленный и красноречивый цветной оратор из всех известных, – дискуссии сразу же приобретали предметный характер. Одно дело говорить о судьбах нации, другое – обсуждать будущее конкретной фермы.

– Минго обещает, что это будет незабываемое событие, – хмыкнул Валентайн. – Триумф полемики. Дай бог, чтобы они с этим триумфом не затягивали и можно было лечь спать в человеческое время.

Устав от закулисных игр Минго, Валентайн полностью устранился от организации дебатов.

Когда требовалась оппозиция Ландеру, проще было выставить против него кого-то из местных, а Минго жил на ферме целую вечность. Он был не очень речист, но как бывший раб мог говорить за большую часть обитателей.

Воспользовавшись возникшей отсрочкой, Минго активно упирал на необходимость налаживать отношения с белым городским населением. Ему удалось заронить сомнения в душу нескольких человек сторонников Ландера – а вдруг Ландер ведет свою игру? Говорит-то он вроде откровенно, но кто знает, что у него на уме?

– А если они решат, что мы должны уехать? – спросила Кора, поражаясь, с каким трудом ей даются эти слова.

– Кто «они»? Теперь вы одна из нас, – произнес Валентайн, усаживаясь в кресло, куда всегда забиралась Молли, приходя в библиотеку.

Вблизи стало очевидно, что тяжкая ноша ответственности за множество чужих жизней не прошла бесследно. Вид у него был очень усталый.

– Мы можем все потерять, все, что здесь построили. Есть множество белых, которым наше хозяйство покоя не дает. Даже если они не подозревают о нашем сотрудничестве с подземной железной дорогой. Достаточно просто посмотреть вокруг. Если они готовы линчевать раба только за то, что он выучился грамоте, что они почувствуют при виде библиотеки? Эта комната набита мыслями от пола до потолка. Слишком много мыслей для негра. Или негритянки.

Кора так упивалась невероятными сокровищами фермы, что почти забыла, до какой степени они невероятны. Ферма и прилегающие к ней земли, где все делалось цветными и на благо цветных, были слишком обширны по размеру, и жилось там чересчур припеваючи. Такой вот черный анклав на территории молодого штата. Негритянское происхождение Валентайна уже несколько лет как перестало быть тайной. Кое-кто чувствовал себя уязвленным, что его провели и заставили обращаться с черномазым как с ровней. А теперь этот вконец обнаглевший черномазый еще и тычет им в нос свое процветание.

Кора рассказала Валентайну о случившемся на прошлой неделе, когда она шла по дороге в город и ее чуть не переехал белый возчик на телеге. Почти сбив Кору с ног, он осыпал ее чудовищной бранью. И это был не единичный случай.

Стоило обитателям фермы приехать куда-то за покупками, как переселенцы, недавно осевшие в ближайших городках, хулиганье и белое отребье, тут же затевали драки. Приставали к молодым девушкам. На прошлой неделе фуражный склад-магазин украсила табличка «Только для белых» – настигший их кошмар с Юга.

– Мы как граждане США имеем законное право находиться здесь, – успокоил ее Валентайн.

Но Закона о беглых рабах никто не отменял, его надо было соблюдать. Дело еще больше осложнялось сотрудничеством с подземной железной дорогой. Охотники на беглых сюда особенно не совались, но случаи бывали. Прошлой весной к Валентайну явилась парочка таких деятелей с ордером на обыск всех построек. Тех, на кого они охотились, и след давно простыл, но напоминание об облавах живо продемонстрировало всю шаткость положения обитателей фермы. Пока хижину переворачивали вверх дном, одна из кухарок в столовой обмочилась от ужаса.

– Индиана была рабовладельческим штатом, – продолжал Валентайн. – Зло тут пропитало саму почву. Некоторые говорят, что с годами оно въедается все глубже и становится только сильнее. Может быть, мы с Глорией ошиблись с выбором места. Может, из Виргинии надо было бежать еще дальше.

– Я чувствую это, когда бываю в городе, – сказала Кора. – Я знаю такое выражение глаз, я его уже видела.

Она видела его не у таких, как Терренс, Коннелли или Риджуэй, не у отпетых злодеев. Перед ее глазами стояли лица людей, фланировавших по городскому парку в Северной Каролине днем и собиравшихся там для расправ по ночам. Круглые белые лица, одно к одному, словно бескрайнее поле созревших хлопковых коробочек.

Заметив, как она сжалась и понурилась, Валентайн сказал:

– Я очень горжусь тем, что мы тут построили, но если мы смогли однажды начать все с нуля, начнем еще раз. Теперь у меня есть помощники, два взрослых сына, за землю можно будет выручить хорошие деньги. Глория всегда мечтала побывать в Оклахоме, хотя я не понимаю, чего там хорошего, но мне важно, чтобы ей было хорошо.

– Если мы останемся, Минго таких, как я, не потерпит. Беглых. Которым идти некуда.

– Вот и поговорим, – отозвался Валентайн. – Разговоры – вещь хорошая. От них и яснее все, и понятнее, кто чем дышит. Мы сможем узнать, какие на ферме настроения. Ферма ведь не только моя. Она принадлежит всем, вам, Кора, в том числе. Я подчинюсь общему решению.

Кора видела с каким трудом далось ему это решение, совершенно его измотавшее.

– Но почему, – прошептала она, – зачем вы все это делаете? Вы один для всех нас, зачем?

– Да неужто вы не знаете? А я почитал вас за светлую голову, – ответил Валентайн. – Кто же еще будет это делать? Белые? Дудки! Нам придется делать все самим.

Неизвестно, приходил ли Валентайн за какой-то книгой, но уходил он из библиотеки с пустыми руками. В открытую дверь ворвался ветер, и Кора плотнее закуталась в платок. Если она продолжит чтение, то, пожалуй, до ужина успеет начать новую книгу.

Заключительное собрание на ферме Валентайна прошло морозной декабрьской ночью. Много лет спустя все уцелевшие будут излагать свои версии и причины случившегося. До последнего вздоха Сибил утверждала, что наводчиком стал Минго. К тому времени она состарилась и жила на озере Мичиган в окружении кучи внуков, которым рассказывала семейные предания. По словам Сибил, Минго донес полицейским, что на ферме укрывают беглых и снабдил их конкретной информацией, чтобы все прошло гладко. Внезапный налет был призван положить конец связям фермы с подземной железной дорогой и бесконечному потоку нуждающихся в помощи негров, тем самым обеспечив старожилам безбедную жизнь. На вопрос об участии Минго в бойне Сибил ничего не отвечала и только поджимала губы.

Другой уцелевший, кузнец Том, уверял, что власти долгие месяцы вываживали Ландера, так что самой лакомой добычей был именно он. Его речи будоражили страсти, он вызывал брожение умов, способное привести к бунту, такого гордеца нельзя было оставлять на свободе. Грамоту Том так и не постиг, но с радостью показывал желающим экземпляр «Призыва» Ландера с автографом автора.

Джоан Уотсон родилась на ферме Валентайнов. Когда все произошло, ей было шесть лет. После нападения ей удалось скрыться в лесах, по которым она блуждала три дня, питаясь желудями, пока ее не подобрал караван переселенцев. Став старше, она называла себя исследователем американской истории, в которой ей виделось неизбежное. Она утверждала, что белые города, стремясь к агломерации, просто изживали из своей среды черные анклав. Управлять ими они не могли, поэтому стирали их с лица земли. Старые методы европейских варваров.

Даже если кто-то на ферме знал о готовящемся нападении, виду они не подали. Суббота выдалась дремотно ленивой. Большую часть ее Кора провела в своей комнате с новым календарем-альманахом, который Рой привез из Чикаго. Чтобы передать его, он постучал в дом около полуночи, зная, что она не спит. Было поздно, и, не желая тревожить Сибил и Молли, Кора впервые провела его к себе. При виде альманаха на будущий год, толстого, словно часослов, в ней вдруг что-то надломилось. Она уже рассказывала Рою про свою жизнь под крышей дома Уэллсов, но напечатанный на обложке год, говоривший о том, что это предмет, очевидно перенесшийся сюда из будущего,

словно влил ей в кровь колдовское зелье. Кора рассказала Рою про свое детство у Рэндаллов, где она собирала хлопок в волочащийся по земле мешок. Про свою бабушку Аджарри, похищенную и оторванную от родных в Африке, когда все, что она могла назвать «мое», было крохотным клочком земли, над которым она тряслась.

Кора говорила про свою мать, Мэйбл, как она вдруг исчезла и бросила ее на переменчивую милость посторонних. Про Блейка с его собачьей будкой, которую она порубила тесаком.

Потом рассказала Рою, что с ней делали за коптильней, и когда просила у него прощения, что поддалась, он велел ей замолчать. Потому что это у нее надо было просить прощения за все нанесенные ей обиды. Потому что каждый из ее врагов, все хозяева, все надсмотрщики, причинившие ей страдания, понесут наказание, если не на этом свете, так на том. Правосудие может вершиться медленно и незаметно, но в конце всем воздается по заслугам. Он закрыл ее собой, чтобы погасить сотрясавшую ее дрожь и рыдания, так они и заснули в дальней комнате одной из хижин на ферме Валентайнов.

Его словам о правосудии она не поверила, но то, что он так сказал, ей понравилось.

Утром, когда она проснулась, ей стало легче, и пришлось сознаться, что на самом деле она всему поверила, пусть даже не до конца.

Решив, что Кора слегла с одной из своих мигреней, Сибил в обед принесла ей поесть. Она поддразнивала Кору по поводу того, что Рой остался у нее на ночь. Только она села починить платье, которое собралась надеть нынче вечером на собрание, а этот, глядь, «поджавши хвост, улепетывает, держа ботинки в руках, ни дать ни взять пес, который стянул со стола мясные обрезки». Кора в ответ только улыбнулась.

– Вчера кроме твоего еще кое-кто приехал, – сказала Сибил.

На ферму вернулся Ландер.

Вот почему Сибил была настроена так игриво. Ландер всегда поражал ее воображение, после каждого приезда она жила, лелея в памяти его сладкие как мед речи. И вот наконец он снова тут.

Собрание точно состоится, хотя исход его неведом. Сибил не хотела бросать свой дом и ехать на Запад, а именно это, по общему мнению, намеревался нынче вечером предложить Ландер. Едва

начались все эти разговоры про переселение, она сразу выступала против. Но и условия Минго, требовавшего прекратить укрывать беглых, были ей не по вкусу.

– Это ж единственное такое место на всем белом свете, а он его под корень!

– Валентайн ему не позволит, – успокоила ее Кора, хотя после их разговора в библиотеке поняла, что он мысленно уже пакует вещи.

– Посмотрим, – отрезала Сибил. – раз на то пошло, я и сама могу от себя речь сказать, чтобы все эти люди слышали чего следует.

Этим вечером Рой с Корой сидели в первом ряду, возле Минго с его семейством – женой и детьми, которых он выкупил из рабства. Жена Минго, Анджела, как всегда хранила молчание. Чтобы услышать ее голос, надо было притаиться под окном их хижины, где она без свидетелей вправляла супругу мозги. Дочери Минго нарядились в ярко-голубые платья, в черных косах блестели белые ленты. С младшей, пока обитатели фермы заполняли зал, Ландер играл в угадайку. Девочку звали Аманда. В руках она сжимала букетик искусственных цветов. Ландер отпустил на этот счет какую-то шутку, и они с Амандой засмеялись.

В подобные моменты кратких пауз между выступлениями Ландер неизменно напоминал Коре Молли. Она была уверена, что, несмотря на всю свою оживленную болтовню, этот человек более всего желал бы оказаться у себя дома и разыгрывать там концерты в полном одиночестве.

У него были длинные породистые пальцы. Странно, что человек, в жизни не державший в руках мотыги, не знавший, что такое собирать хлопок или подставлять спину под удар плетки-девятихвостки, стал голосом тех, кто делал это всю свою жизнь. Он был сухощав, бронзовая кожа говорила о негритянской крови матери. Ни разу Кора не видела, чтобы Ландер суетился или торопился. Он двигался с изысканной грацией, подобно листу, скользящему по поверхности пруда, выписывающему собственную траекторию среди кротких течений. Но стоило ему открыть рот, как становилось понятно, что силы, пригнавшие его сюда, кроткими не были.

На этот раз белых гостей не было. Пришли все те, кто жил и работал у Валентайнов, а также семьи с прилегающих «цветных» ферм. Только увидев всех участников одновременно, Кора поняла, как

же их много. Были те, с кем она прежде не встречалась, вроде маленького бесенка, лихо подмигнувшего ей, когда они встретились глазами. Незнакомые друг с другом, а все же одна семья, седьмая вода на киселе, а какая ни есть родня. Сидя среди мужчин и женщин, родившихся в Африке или в колодках и либо вырвавшихся на свободу, либо купивших себе эту свободу, Кора чувствовала, как по ее спине ползут мурашки. Их клеймили, пороли, насильовали. Но вот они здесь. Черные. Свободные. Распоряжающиеся собственными судьбами.

Валентайн, чтобы не потерять равновесия, оперся ладонями о кафедру.

– Я рос не так, как большинство из вас, – произнес он. – Моей матери не приходилось дрожать за мою жизнь. За то, что среди ночи за мной придут и продадут на Юг. Белые судили только по цвету кожи, этого было достаточно, чтобы меня не трогали. Я убеждал себя, что не делаю ничего дурного, но всю жизнь пребывал в заблуждении. До тех пор, пока не пришли вы и моя жизнь не превратилась в нашу.

Он рассказал, как уехал из Виргинии, чтобы оградить детей от разрушительных расовых предрассудков и их страшных спутников – зверства и жестокости. Но когда Господь так милостив в своих щедротах, нельзя спасти только двоих детей.

– Лютой зимой в нашу дверь постучалась больная несчастная женщина, которую мы не спасли, – продолжал он дрогнувшим голосом. – Это было мое упущение. Пока кто-то из членов нашей семьи страдал в ярме рабства, я лишь формально мог называть себя свободным. И всем здесь присутствующим мне хочется сказать слова благодарности за то, что наставили меня на путь истинный. Неважно, пробыли вы с нами много лет или несколько часов, вы спасли мою жизнь...

Он покачнулся. Возникшая рядом Глория подхватила его.

Валентайн откашлялся.

– А теперь некоторые из членов нашей семьи поделятся с вами своими мыслями, и, надеюсь, слушать их вы будете так же, как слушали меня. Должно быть место для разных точек зрения, когда речь идет о выборе пути через дремучие дебри. В ночном мраке легко сделать неверный шаг.

Отец-основатель фермы отошел от аналоя, и на его место двинулся Минго, которого сопровождали дочери, целующие отцу руки на

счастье.

Когда девочки вернулись на свои места, Минго начал с рассказа о пройденном пути, о бессонных ночах, когда он молил Бога не оставлять его, о годах работы, которые понадобились, чтобы выкупить семью на свободу.

– Кто-то себя спасал, а я честным трудом выкупал их одну за другой, – говорил он, утирая кулаком слезы.

Но потом сменил тон.

– Мы сотворили невозможное, но по себе мерить не следует. Спасутся не все. Для некоторых это недостижимо. Рабство растлевает их души, лукавый вкладывает в их головы скверну. Они ищут забвения в виски. В неверии и дьявольских соблазнах. Мы видим этих заблудших на плантациях, на улицах городов и поселков, – тех, кто не может и никогда не сможет себя уважать. Мы видим их здесь, им открывается благодать этого места, но они не способны ее принять. И они уходят всегда под покровом ночи, потому что в глубине души знают, что недостойны, что уже слишком поздно.

С задних скамей сторонники Минго кивали и выкрикивали: «Аминь!»

Минго продолжал. Теперь он говорил о действительности, на которую нельзя закрывать глаза. Мечты Валентайна, пусть благородные и справедливые, можно осуществить только постепенно. Белые в один день не переменятся.

– Всех спасти нельзя. Пытаться спасти каждого – это обречь себя на гибель. Вы что думаете, белые, до которых всего пара-тройка миль, вечно будут мириться с нашим самоуправством? Мы же без конца козыряем тем, что они нам не указ. Беглых укрываем. С подземной железной дороги вооруженные люди шастают туда-сюда. Попадаютются и настоящие преступники. Которых за убийства разыскивают.

Почувствовав, что взгляд Минго устремлен на нее, Кора стиснула кулаки.

– Ферма Валентайнов – это славный шаг в будущее. Белые благодетели собрали для негритянских детей книжки – так, может, попросить их собрать денег на школы? И не на одну-две, а на десять! Ведь если негр докажет свой ум и бережливость, что мешает ему стать полноправным и полезным членом американского общества? Разве можно ставить такую возможность под удар? Поэтому никакой

поспешности! Надо прийти к соглашению с соседями и перво-наперво прекратить любую деятельность, которая может восстановить их против обитателей фермы.

В заключение Минго сказал:

– Мы построили здесь чудо. Но такое сокровище надо беречь, его надо холить и лелеять, иначе оно зачахнет, как роза от внезапных заморозков.

Во время аплодисментов Ландер о чем-то шептался с младшей девочкой Минго. Она вынула из своего букетика искусственный цветок и вставила его в петлицу зеленого сюртука, а Ландер, притворяясь, что вдыхает аромат, комически закатил глаза.

– Наша очередь, – сказал Рой, когда Ландер, пожав Минго руку, занял его место за аналоем.

Рой провел с ним весь этот день, они вместе ходили по окрестностям и беседовали. О чем Ландер собирался говорить на собрании, Рой Коре не рассказывал, но выглядел он обнадеженным.

Раньше, когда заходила речь о переезде, он говорил, что лучше подаваться не на Запад, а в Канаду.

– Там к свободному негру относятся как надо.

А что делать с работой на железной дороге?

Но ведь когда-то надо и осесть, семьей обзавестись. А какая тут семья, если все время мотаться с поручениями от железной дороги? Стоило ему оседлать этого конька, как Кора переводила разговор на другую тему.

Теперь Коре и всем присутствующим предстояло своими ушами услышать, что было на уме у бостонского гостя.

– Брат Минго сказал немало правильных вещей, – начал Ландер. – Всех спасти невозможно. Но это не значит, что не надо пытаться. Порой полезная иллюзия лучше бесполезной правды. Пусть в этом проклятом холоде ничего не вырастет, но цветы, возможно, у нас все равно будут. То, что из рабства можно вырваться, – это иллюзия. Куда бежать? Есть шрамы, которые никогда не изгладятся. Человек, на глазах которого продавали мать и пороли отца, который видел, как хозяин или надсмотрщик издеваются над его сестрой, разве такой человек сможет сбросить оковы и сидеть тут, в новой семье, свободный от всякого ига? Весь прошлый жизненный опыт должен был бы убедить вас, что свобода – это западня, но, тем не менее, вы

здесь. И побеги продолжают, когда с небес смотрит полная луна, указующая путь в убежище.

И ферма Валентайнов – еще одна иллюзия. Где это слыхано, что у негров должно быть убежище? Где это слыхано, что они имеют на это право? Каждый миг вашей наполненной страданиями жизни говорит об обратном. Логика исторического процесса утверждает, что такого просто не может быть. Что это мираж, иллюзия. И все-таки мы здесь.

Да и Америка – это тоже иллюзия, причем величайшая из всех. Представители белой расы верят – и верят всем сердцем, – что имеют право забрать эту землю себе. Убивать индейцев. Развязывать войны. Порабощать своих братьев. Если бы в мире существовала хоть какая-то справедливость, эта нация была бы стерта с лица земли, поскольку жидется на убийстве, грабеже и жестокости. Ан нет!

Мне следует высказать свою точку зрения на призыв Минго к постепенному развитию и к тому, что надо закрыть *наши* двери перед теми, кто нуждается в помощи. Мне следует ответить тем, кто полагает, что это место слишком досягаемо для тяжелых последствий рабства, и поэтому *нам* лучше будет перебраться на Запад. Я не должен решать за вас. Я не знаю, что *мы* должны делать. Я говорю «*мы*». Потому что единственная вещь, которая роднит нас, – это цвет нашей кожи.

Мы – потомки людей из разных краев Африканского континента. А он весьма велик. В замечательной библиотеке брата Валентайна есть множество атласов и карт, так что вы можете это увидеть. У наших предков были совершенно разные средства существования, разные обычаи, они говорили на сотнях разных языков и наречий. И все это великое разнообразие попало в Америку в трюмах невольничьих судов. На Юг и на Север. Их сыновья и дочери собирали табак, выращивали хлопок, работали на гигантских плантациях и крохотных фермах. Черные руки построили Белый дом, где теперь сидит правительство нашего народа. Среди нас есть мастеравые и повитухи, священники и торговцы. И опять я говорю «*мы*». Мы – это множество разных людей, и мы не единый народ. Как может один человек говорить за огромное дивное племя, которое к тому же не едино, это множество разных племен, с миллионом чаяний, надежд и желаний и для себя, и для своих детей?

Мы – африканцы в Америке. Вещь в мировой истории новая, поэтому образцов, по которым мы будем жить дальше, не существует.

Нам довольно цвета нашей кожи. Это он собрал нас здесь сегодня ночью и заставил говорить, это он поведет нас в будущее. Большая цветная семья будет жить рядом с большой белой семьей, и я абсолютно убежден, что взлеты и падения нам суждены общие. Пути сквозь дремучие дебри нам неведомы, но если кто-то упадет, другие его поднимут, и вместе мы дойдем до конца.

Когда бывшие обитатели фермы Валентайнов, рассказывая детям и внукам о том, как они когда-то жили и чем все закончилось, их голоса даже годы спустя дрожали. В Филадельфии, в Сан-Франциско, в крохотных городишках или на ранчо, в конце концов ставших им домом, они оплакивали тех, кто погиб в тот вечер. Они рассказывали родне, как воздух в комнате стал колючим, его словно разгоняла невидимая сила. Все родившиеся что на воле, что в окопах были едины в тот миг. Миг, когда Полярная звезда ведет за собой и возникает решимость бежать. Возможно, они стояли на пороге какого-то нового порядка, или лязгнул затвор беспорядка, или все уроки прошлого перевесило их будущее. Или, может быть, время по собственной прихоти придало всему происходящему весомость, совсем ему не свойственную, и все стало, по слову Ландера, иллюзией, у которой они были в плену.

Иллюзией, которая вполне могла оказаться правдой.

Выстрел попал Ландеру в грудь. Он повалился навзничь, потянув на себя аналой. Рой первым вскочил на ноги. Когда он бежал к упавшему Ландеру, три пули попали ему в спину. Рой задергался, как в падучей, и рухнул. Воздух разорвал хор ружейных залпов, воплей, звук бьющегося стекла; молельный дом захлестнул бешеный водоворот.

Снаружи раздавался вой и улюлюканье белых, упивавшихся побоищем. Обезумевшие обитатели фермы рвались к выходу, протискиваясь между скамьями, наступая на них, наступая друг на друга. К дверям было не пробиться, и люди стали вылезать в окна. Грянули еще выстрелы. Сыновья Валентайна, поддерживая отца, пытались вывести его наружу. Глория склонилась над бездыханным Ландером, но поняв, что ему не поможешь, поспешила следом за детьми и мужем.

Голова Роя лежала у Кора на коленях, совсем как тогда, на пикнике. Перебирая пальцами его кудри, она баюкала его и рыдала. Он улыбался ей сквозь кровавую пену, вскипавшую на губах, и говорил, что бояться не надо, что тоннель снова спасет ей жизнь.

– Иди в лес... к сторожке... узнаешь, куда он ведет... потом расскажешь мне...

Его тело обмякло.

Двое мужчин подняли и оттащили ее от Роя. Ей было сказано, что тут оставаться нельзя, опасно. Она узнала Оливера Валентайна, вернувшегося внутрь, чтобы вывести остальных. Он громко кричал, по лицу его текли слезы. Но едва Кора вышла на улицу, она тут же оказалась оторвана от своих спасителей. На ферме царил хаос. Белые налетчики с пьяными от восторга рожками волокли мужчин и женщин в темноту.

Ружейный выстрел подкосил одного из ухажеров Сибил, столяра, с ребенком на руках, и оба рухнули на землю. Никто не знал, где прятаться, куда бежать. Не было разумного голоса, способного перекрыть ор и направить людей. Каждый был сам по себе, как прежде.

Младшая дочь Минго, Аманда, упала на ослабевшие колени: семья неизвестно где. Поднять ее из грязи некому. Матерчатые цветы из букета порастеряли лепестки, ее пальцы сжимали голые стебли из металлических прутьев, которые кузнец на наковальне вытянул и выгнул специально для нее только на прошлой неделе. Они впились в ладонь так сильно, что выступила кровь. Еще больше крови, окропившей землю.

В старости, читая о Великой войне в Европе, она вспомнит эту ночь. К тому времени у нее появится домик на Лонг-Айленде, где она будет жить с боготворящим ее моряком из индейского племени шиннекок. А до этого ее помотает по Америке: придется пожить и в Луизиане, и в Виргинии, где ее отец откроет образовательные учреждения для цветных, и в Калифорнии. Потом недолго в Оклахоме, куда переберутся Валентайны. Своему моряку она скажет, что война в Европе и страшная, и беспощадная, но вот по поводу одного слова у нее есть возражения: Великая война была и есть всего одна – это война между черными и белыми. Была, есть и будет.

Кора звала Молли. Она не узнавала лица людей вокруг себя, до такой степени их искажил ужас. Вокруг расползался жар от пламени, это полыхал дом Валентайнов.

В окно второго этажа влетела банка с ворваньё. Теперь вспыхнула спальня Джона и Глории. В окнах библиотеки с дребезгом лопались стекла, на полках пылали ряды книг. Она невольно сделала шаг, и тут ее схватил Риджуэй. Его ручищи сомкнулись на ней, она вырывалась, болтая и взбрыкивая ногами в воздухе, словно висельник на суку.

Рядом с Риджуэем крутился Хомер – это он давеча подмигнул ей, сидя на скамье в глубине молельного дома. Белая рубаха и штаны на помочах придавали ему вид невинного дитяти, каким он был бы в другой жизни. При виде него Кора издала жалобный вопль. Ее голос влился в хор стенаний, расстилающийся над тем, что осталось от фермы.

– Тут есть тоннель, сэ, – сказал Хомер. – Он ей сказал, я слышал.

Мэйбл

И ее первые, и последние слова, обращенные к дочери, были мольбой о прощении. Кора, размером с кулачок, еще спала у нее во чреве, когда Мэйбл просила у нее прощения за мир, в который ее принесет. Десять лет спустя Кора будет спать рядом с матерью в хижине, а мать будет просить прощения за то, что бросает ее на произвол судьбы. Ни того, ни другого Кора не услышит.

На первой же вырубке Мэйбл нашла Полярную звезду и взяла верное направление. Она собралась с силами и снова пустилась в путь через топь, глядя только вперед, потому что, стоило оглянуться, перед глазами вставали лица тех, кого она оставила позади.

Она видела лицо Мозеса. Она помнила его с младенчества, извивающийся узел тряпья, до того немощный, что никто и представить себе не мог, что он выживет и примется за обычные дела негрятят на плантации – рыться по помойкам да подносить воду тем, кто горбатится на хлопке. Никто не ждал этого, ведь дети на плантации Рэндаллов умирали, так и не сделав первых шагов. Это все знахарские снадобья, припарки да зелья из корней, которые варила Кэти, его мать, баюкая его в хижине. Качая сына, она нараспев тянула колыбельные, песни, что поют рабы в поле, а также свои материнские заговоры: ты не срыгивай еду, лихоманка, уходи, до утра хоть додыши. Он пережил большинство мальчишек-одногодков. Все знали, что это Кэти выходила его от недугов и уберегла от отсева во время первого в жизни смотра, которому подвергаются невольники на плантации.

Мэйбл помнила, как старик Рэндалл продал Кэти, когда у нее отнялась рука и работать на хлопке она больше не могла. Помнила первую порку Мозеса за кражу картофеля. И вторую, за лень, когда Коннелли велел посыпать ему раны на спине жгучим перцем, пока не завоет от боли. Ни то, ни другое не сделало из него злодея. Он превратился в молчуна и стал сильным и быстрым, куда быстрее любого сборщика в своей команде. Он не был злодеем, пока Коннелли не поставил его десятником, не превратил в шпиона за своими же, в хозяйские глаза и уши. Вот тогда-то и появился на свет монстр по имени Мозес.

Когда он велел ей прийти за старую школу, она плюнула ему в лицо и пыталась выцарапать глаза, но он только ухмыльнулся и сказал: не желаешь побаловаться, так можно и другую найти, Коре-то твоей сколько? Коре было восемь. После этого Мэйбл не пыталась сопротивляться. Он свое дело сделал быстро и после того раза к ней особо не цеплялся. «Что баба, что лошадь, ее надо разок переломить» – это его слова. Так со сломанным хребтом и останется.

Все эти лица, живые и мертвые. Аджарри, бьющаяся среди хлопка с кровавой пеной на губах. Полли, болтающаяся на веревке, подружка Полли, с которой они родились в одном месяце, Мэйбл опередила ее всего на недельку. В один и тот же день Коннелли перевел их с дворовых работ на хлопок. И все у них совпадало, только вот Кора живая, а дочурка Полли нет. Обе разродились с разницей в две недели – одна новорожденная кричала, когда ее принимала повитуха, другая не издала ни звука. Мертворожденный плод, окаменелый в утробе. Когда Полли повесилась в амбаре на пеньковой веревке, старый Пройдоха сказал Мэйбл: «Вы ж все завсегда вместе делали!» – словно ждал, что она рядом с подругой повесится.

Когда Мэйбл увидела лицо Кору, она побежала, не в силах смотреть ей в глаза.

Человек рождается хорошим, а потом мир делает из него злодея. Мир всегда был злым и становится только злее. Он высасывает из тебя все силы, пока ты не начинаешь молить о смерти. Мэйбл не желала умирать на плантации Рэндалла, несмотря на то что за всю жизнь ни разу не отошла от нее даже на милю. Однажды ночью в душевной лачуге она решила: я вырвусь! – и через сутки уже шла по болотам за полной луной в краденых башмаках. Весь день до этого она прокручивала свой побег в голове, чтобы не допустить туда никакой другой мысли или сожаление. В трясине есть островки, иди через них к земле свободы. Она взяла с собой овощи, которые вырастила, кресало, трут и тесак. Все остальные пожитки бросила, все, что нажила, включая дочку.

Кора осталась в хижине, где родилась, где когда-то родилась и сама Мэйбл. Еще ребенок, не ведающая страшного, не успевшая познать размера и тяжести женского бремени. Будь сейчас в живых Корин отец, разве шастала бы сейчас Мэйбл по болотам? Ей было четырнадцать, когда Грейсон появился на южной половине плантации,

после того как пьяница хозяин, разводивший индиго в Северной Каролине, продал его в Джорджию. Высокий, черный, ласковый, с веселыми глазами. После самого трудного дня ходил гоголем. Ничто его не брало.

В первый же день Мэйбл поняла – он, и никто другой. Когда он улыбнулся, она стояла, залитая лунным светом, словно с небес на нее снисходило чье-то благословение. Он подхватил ее, и они закружились в танце. «Я выкуплю нас на свободу», – сказал он. В волосах у него запутались сухие травинки с сеновала, где они лежали. Старик Рэндалл, конечно, начнет упираться, но он его уговорит. Он жилы из себя вытянет, станет лучшим сборщиком на плантации – он заработает себе свободу. И ей тоже.

– Честно? – спросила она, веря и не веря, что ему это удастся.

Ненаглядный Грейсон, умерший от лихорадки до того, как она узнала, что носит его дитя. Чье имя она более не произнесла ни разу.

Споткнувшись о кипарисовый корень, Мэйбл плашмя упала в воду. Потом сквозь камышовые заросли добрела до маячившего впереди островка и рухнула на землю. Сколько же она уже бежит? Хватая губами воздух, она чувствовала, что сил мало.

Достав из мешка репку, молоденькую и сочную, она вонзила в нее зубы. Самый сладкий из всех плодов, который принесла когда-либо грядка Аджарри, пусть даже с привкусом болотной жижи. Мать по крайней мере оставила ей в наследство землю, любовно возделанный клочок. Нужно иметь возможность передать ребенку что-то важное. Лучшие качества Аджарри – ее неукротимость, ее стойкость – Мэйбл не достались. Зато достался клочок земли в три квадратных ярда и всякая овощная радость, которая из этой земли перла. Мать билась за нее как бешеная. Самая бесценная земля во всей Джорджии. Лежа на спине, Мэйбл сунула в рот еще одну репку. Не слыша больше ни фырканы, ни всплесков, притихшие было болотные обитатели вновь оживились. Лопатоногие жабы, черепахи, всякие ползучие гады и зудящие в темноте насекомые. А наверху, выше листвы и ветвей растущих на болотах деревьев, ее глазам открывалось небо, в черноте которого, пока она собиралась с силами, раскручивались новые созвездия. Ни патрульщиков, ни надсмотрщиков, ни предсмертных хрипов, говорящих ей о чужой агонии. Их нет. Нет стен лачуги, смыкавшихся вокруг нее безбрежными ночами подобно переборкам

трюма на судне работорговцев. Канадские журавли в красных шапочках, певчие славки, ныряющие выдры. Здесь, на влажном ложе земли, ее дыхание выровнялось, а все, что отделяло ее от болота, исчезло.

Она была свободна.

В этот самый миг.

Надо возвращаться. Ей пора к дочке. Остальное пока подождет. Ночью ее обуяло отчаянье, нашептавшее ей, словно демон, лукавые мысли. То, что Мэйбл сейчас чувствовала, у нее теперь не отнять, это ее сокровище. Когда она найдет слова, чтобы рассказать о нем Коре, дочь поймет, что плантация – это не весь мир, что есть то, о чем она пока не ведает. И однажды, если ей достанет сил, это будет принадлежать ей.

Мир, может, и злой, но человека не принудить творить зло, если он не согласится.

Мэйбл подняла мешок и стала перекидывать его содержимое. Если бежать быстро, она успеет назад до рассвета, так что самые ранние пташки на плантации еще не проснутся. Побег ее был полным бредом, но даже малая его толика навсегда останется лучшим, что случилось с ней в жизни.

Она вытащила еще одну репку и надкусила ее. И правда, сладкая.

Змея нашла ее на обратном пути, в самом начале. Пробираясь сквозь заросли камыша, Мэйбл ее потревожила. Водяной щитомордник укусил ее дважды – сперва в икру, потом повыше, в мясистую ляжку. Ни звука, просто боль от укуса. Сперва Мэйбл гнала от себя эту мысль – обычная водяная змея, она жалит, но не до смерти же. Когда во рту появился мятный привкус, а ногу стало жечь, сомнений не осталось. Мешок она где-то бросила, прошла еще с милю, потом поняла, что сбилась с пути. Можно было бы идти через топь дальше – работа у Рэндаллов сделала ее сильной, по крайней мере физически, но она споткнулась о кочку мягкого мха, и все стало правильно. Она сказала себе: все, пришла. И трясина сомкнулась над ней.

Север

Разыскивается

бежавшая от законного, но несправедного владельца тому более пятнадцати месяцев молодая рабыня по имени Кора; росту среднего, цвет кожи темно-коричневый, на виске шрам от удара в форме звезды, нраву горячего, по натуре изворотлива. Может отзываться на имя Бесси.

Последний раз замечена в шт. Индиана среди преступников с фермы Джона Валентайна.

Она больше не беглая.

Награда останется невостребованной.

Она никогда не была ничьей собственностью.

Декабря 23-го дня

Отправным пунктом ее последнего путешествия по подземной железной дороге стала крохотная станция под заброшенной лесной сторожкой. Призрачная станция.

Кора привела их сюда после того, как ее схватили. Во время их отъезда кровожадные белые налетчики все еще бесчинствовали на ферме Валентайна. Ружейные выстрелы и вопли доносились издалека, с дальних границ угодий. Там новые хижины, там мельница. Похоже, погромы, захлестывая соседние фермы, тянулись до самого округа Ливингстон. Целью белых было разметать цветной анклав.

Когда Риджуэй тащил Кору в фургон, она билась и лягалась. Зарево от пылавшей библиотеки и дома Валентайнов освещало всю округу. Прикрывая лицо, Хомер сумел связать Коре ноги, только после этого им удалось затащить ее внутрь и продеть цепь, пропущенную через ручные кандалы, к вделанному в пол кольцу, ее старому кольцу. Один из белых парней, присматривавших за лошадьми, оживился и крикнул, что он тоже в очереди. Риджуэй съездил ему по морде.

Она отказывалась вести их к сторожке, пока охотник на беглых не приставил ей пистолет к глазнице. Сейчас она лежала на лавке фургона, изнемогая от головной боли. Если бы только можно было выключить мысли, задуть их, как свечку. Роя и Ландера убили. До остальных не добраться.

– Один из депутатов говорил, что ему это напоминает прежние времена Северо-западной индейской войны, вроде операций на реке Биттер-Крик или при Блю-Фоллс. Сам-то он этого помнить не может, должно быть, отец рассказывал.

Риджуэй сидел на лавке напротив Кору. Остался у него только фургон, запряженный двумя тощими клячами. Полыхающий снаружи огонь освещал дыры и длинные прорехи в парусине.

Риджуэй закашлялся. Со времен Теннесси он словно бы усох. Седой как лунь, со спутанными волосами и землистой кожей. Речь стала другой, подрастерялись командные ноты. На месте выбитых Кориным башмаком зубов теперь были вставные.

– Боусмана похоронили в общей могиле на чумном кладбище, – сказал он. – Он бы, конечно, возмутился, но его забыли спросить. А того, что на полу лежал в луже крови, я узнал. По очкам. Тот самый заносчивый выродок, что устроил на меня засаду.

Зачем она так долго гнала от себя Роя? Думала, что у них впереди много времени. Чья-то возможная жизнь, срезанная под корень, словно над ней поработал одним из своих скальпелей доктор Стивенс. На ферме она позволила убедить себя в том, что мир не такой, каким он на самом деле всегда был. Даже если она никогда ничего не говорила, Рой все-таки знал, что она его любит. Должен был знать.

Раздался скрипучий голос ночной птицы. Через какое-то время Риджуэй велел ей поглядывать, туда ли они едут. Хомер придерживал лошадей, чтобы шли помедленнее. Дважды она заводила их не туда, дорожная развилка маячила как знак, что съезд они проскочили. Риджуэй наотмашь ударил ее по лицу и сказал, что шутить не намерен.

– После Теннесси мне понадобилось время, чтобы встать на ноги. Вы с дружками сильно меня подставили. Но с этим покончено. Все, Кора, ты наконец-то едешь домой. Вот только взглянем одним глазком на эту приснопамятную железную дорогу.

Он дал ей еще одну пощечину. При следующей попытке она узнала тополя. Значит, съезд тут.

Хомер засветил фонарь, и они вошли под старые мрачные своды. Мальчишка успел переодеться, на нем опять красовался черный сюртук, на голове цилиндр.

– Это под погребом, – сказала Кора.

Риджуэй настороженно подобрался. Потянув на себя крышку, он отскочил в сторону, словно ожидал, что там в засаде притаилась шайка чернокожих разбойников. Потом он сунул Коре свечу и велел спускаться первой.

– Многие думают, что это просто фигура речи, – бормотал он, – дескать, «подземная» что «подпольная» – все равно одно название. Но меня не проведешь! Я всегда знал, что все эти тайны ведут под землю. И с этого момента мы их накроем. Всех. Каждую линию.

Живность, обитавшая в погребе, сегодня сидела тихо. Хомер пошарил по углам, извлек откуда-то лопату и протянул ее Коре. В ответ она вытянула вперед закованные в кандалы руки. Риджуэй кивнул:

– Ладно, сними. Иначе мы отсюда до утра не выберемся.

Хомер достал ключ и отомкнул наручники. У Риджуэя явно кружилась голова в предвкушении, в голосе проступала былая властность. В Северной Каролине Мартин Уэллс по прочтении

отцовского завещания полагал, что в заброшенной слюдяной шахте лежат спрятанные сокровища, а вместо них нашел тоннель. Для охотника за беглыми этот тоннель был дороже и желаннее всех сокровищ мира.

– Хозяин твой помер, – бросил Риджуэй, пока Кора копала. – Правда, меня это не удивило. Порода-то была гнилая. Уж не знаю, заплатит ли нынешний владелец плантации вознаграждение за твою поимку, но мне на это плевать.

Он сам удивился собственным словам.

– Я с самого начала должен был понимать, что дело сложное, ты ведь истинная дочь своей матери, яблочко от яблони...

Лопата ударила в крышку люка. Проступили границы квадрата, который Кора расчистила от земли. Она давно не слушала ни его разглагольствований, ни придурочного хихиканья Хомера. Кора с Роем и Рыжим во время последней встречи, конечно, спеси Риджуэю поубавили, но первым человеком, унизившим его, стала Мэйбл. Именно с нее началась мания, распространившаяся на членов ее семьи. Если бы не Мэйбл, Риджуэй не превратил бы поимку Кору в дело жизни. Та самая Мэйбл, единственная, кому удалось уйти. После всего, выпавшего на ее долю, Кора не знала, гордиться ей матерью или ненавидеть еще сильнее.

На этот раз люк поднимал Хомер. Снизу пахнуло плесенью.

– Она? – спросил Риджуэй.

– Да, сэр, она самая, – эхом отозвался Хомер.

Риджуэй повел пистолетом в сторону Кору, приказывая ей спускаться. До него уже существовали белые, которым довелось увидеть подземную железную дорогу, он не первый. Но он был первым ее ненавистником. После всего пережитого еще и этот позор предательства тех, кто сделал ее побег возможным. Кора замешкалась на верхней ступеньке. Ни у Рэндаллов, ни у Валентайнов она никогда не танцевала в кругу. Ее пугали эти мчащиеся по кругу разгоряченные тела, когда посторонний человек так близко, а ты полностью беззащитна. Много лет назад мужчины вложили в нее этот страх. Сегодня, сказала она себе. Сегодня я прижмусь к нему, как в медленном танце, тесно-тесно. словно в этом одиноком мире мы только вдвоем, и нас не оторвать друг от друга до конца мелодии. Она дождалась, когда Риджуэй спустится на третью ступеньку, крутанулась

на пятке и оплела его руками, словно железными цепями. Свеча упала и погасла. Он пытался удержаться на ногах, упираясь в стену, но Кора висела на нем всей тяжестью, прижимая его к себе, словно возлюбленного, и вот два сплетенных тела кувырком полетели по каменным ступеням лестницы в кромешную темь.

Пока падали, они продолжали бешено бороться, не размыкая хватки. Не разбирая, куда летит, Кора треснулась головой о камень, нога вывернулась в одну сторону, потом рука ушла куда-то вниз, а сама Кора рухнула сверху. Основной удар принял на себя Риджуэй. Хомер завизжал, услышав звуки, которые издавал его хозяин во время падения. Зажав фонарь в трясущейся руке, мальчик медленно спускался по лестнице, неверный свет выхватывал из темноты то один, то другой угол станции. Кора оторвала себя от Риджуэя и, преодолевая дикую боль в левой ноге, поползла к дрезине. Охотник на беглых не издавал ни звука. Она пыталась нашарить хоть что-то для обороны, но ничего не нашла.

Хомер склонился над хозяином. Его рука была перемазана кровью, заливавшей затылок Риджуэя. Из дыры на штанах торчала берцовая кость, другая нога жутким образом выгнулась под невообразимым углом. Хомер почти приник к Риджуэю лицом, и в этот момент раненый простонал:

– Ты здесь, мой мальчик?

– Да, сэр.

– Это хорошо.

Риджуэй попробовал сесть и завыл от боли. Он водил вокруг глазами, не понимая, где находится. Его взгляд безучастно скользнул по Коре.

– Где мы?

– На охоте.

– Столько ниггеров, что их не переловить. Блокнот с тобой?

– Да, сэр.

– Запиши, мне тут мысль пришла.

Хомер достал книжицу и раскрыл ее на чистой странице.

– Императив – это ... нет, нет, все не так. Американский императив – это лучшее... это маяк, сверкающий в ночи.

Он закашлялся, его тело сотрясали конвульсии.

– Это возникшее между молотом ... и наковальной порождение необходимости и добродетели ... Ты записываешь, Хомер?

– Да, сэр.

– Я начну еще раз.

Кора налегла на рукоятку дрезины, но та даже не шелохнулась, как она ни старалась. У ее ног из деревянной платформы торчала металлическая скоба. Кора вдавила ее внутрь, и рукоятка взвизгнула. Она снова налегла, и дрезина поползла вперед. Кора оглянулась: охотник на беглых диктовал свое обращение, а негритенок в цилиндре записывал каждое слово, которое шептали его губы. Она давила на рукоятку и уезжала все дальше и дальше в темноту. Вглубь уводившего в никуда тоннеля, который построил непонятно кто неизвестно когда.

Через какое-то время она поймала ритм движения, раскачиваясь всем телом и передавая толчок рукам, чтобы двигаться вперед. На Север. Всякий раз, отжимая рукоять вниз, она словно вонзала кайло в камень или била кувалдой по крепившему шпалу костылю. Она не столько ехала вдоль тоннеля, сколько пробивала его под землей. Она так и не добилась от Роя рассказа о тех, кто построил подземную железную дорогу, о миллионах мужчин и женщин, которым пришлось долбить миллионы тонн грунта и камня, копаться во чреве земли ради того, чтобы вывести на свободу невольников вроде нее. Кто стоял в одном ряду с людьми, открывавшими перед беглыми двери своих домов, кормившими их, переправлявшими на Север на своем горбу и принимавшими за них смерть. Станционные смотрители, проводники, сочувствующие. Кем вы становитесь по завершению столь величественного труда, ведь, строя эту дорогу, вы начинаете путешествие по ней из одного конца в другой. На одном конце – те, кем вы были, спускаясь под землю, а на другом на свет выходят уже новые люди. Как прозаичен внешний мир по сравнению с чудом, которое вы создаете там, внизу, чудом, политым потом и кровью. С тем тайным торжеством, которое каждый из вас хранит в сердце.

Она оставляла позади милю за милей, фальшивые убежища, бесконечные цепи, разгромленную ферму Валентайнов. Вокруг была лишь тьма тоннеля и там, где-то далеко впереди, выход. Или тупик, если так угодно судьбе, – глухая безжалостная стена. Последняя злая насмешка. Окончательно выдохшись, Кора свернулась на подножке

калачиком и погрузилась в дрему, паря во мраке, словно угнездившись в самой глубокой впадине ночного неба.

Проснувшись, она решила проделать остаток пути пешком – поклажи у нее не было. Хромая, спотыкаясь о шпалы, она брела вперед. Ее пальцы, ощупывающие стены, танцевали вдоль долин, рек, горных хребтов, очертаний новой нации, проступающей из-под старой. «Мчишься, смотришь по сторонам, – вот тебе и истинное лицо Америки». Она не видела, но чувствовала это, двигаясь через самую сердцевину. Больше всего Кора боялась, что во сне повернется и, проснувшись, пойдет в обратную сторону. Может, ее уводило вглубь? Или отбрасывало куда-то назад? Она полагалась на невольничью заповедь: бежать не куда, а откуда. Благодаря этой заповеди, она уже вон как далеко зашла, и теперь либо доберется до конечной станции, либо сдохнет на рельсах.

Еще дважды она засыпала. Оба раза ей снился Рой, они вместе были в ее комнате. Лежа на боку, Кора рассказывала ему о своей прошлой жизни, он прижимал ее к себе, потом развернул вверх лицом и они смотрели друг на друга. Он стащил с нее платье через голову, потом сбросил брюки и рубашу. Кора целовала его, пальцы бегали по его телу. Когда он раздвинул ей ноги, она была влажная, и он скользнул внутрь, шепча ее имя, как никто никогда его не произносил, так сладко и нежно. Оба раза она просыпалась в темноте тоннеля, а отрыдав свое, вставала и шла дальше.

Выход из тоннеля сначала казался крохотной дырочкой в темноте. Мало-помалу дырочка превратилась в круг, потом в свод пещеры, вход в которую снаружи скрывали заросли дикого винограда и ежевики. Отведя рукой колючие ветки, Кора вышла на вольный воздух.

Было тепло. Солнце стояло почти в зените, все тот же скупой зимний свет, но теплее чем в Индиане. Расселина вывела ее в хвойный лес из виргинских сосен и елей. Она понятия не имела, как выглядит Мичиган, Иллинойс или Канада. Может, она уже и не в Америке? А Америка осталась далеко позади?

Кора опустилась на колени, чтобы зачерпнуть воды из ручья, и замерла: чистая ледяная вода. Она оттирала с лица и рук копоть и въевшуюся грязь.

– Талая, – сказала она, вспомнив статью в одном из пыльных альманахов. – С гор.

От голода у нее кружилась голова. Солнце с неба подсказывало, в какой стороне север.

Когда Кора вышла на дорогу, плохонькую, всю изрытую колдобинами, уже смеркалось. Сев на придорожный камень, она ждала. Через какое-то время вдали послышался скрип колес, и она увидела три фургона, снаряженных для дальнего путешествия, с мощными колесами, увязанной поклажей и развешанной по бокам всякой всячиной. Путь они держали на запад.

Первым правил высокий белый человек в соломенной шляпе. Его лицо с седыми усами было бесстрастно, скала. Рядом с ним на козлах восседала жена, закутанная в плед, из которого высовывались только шея да румяное лицо. Они равнодушно мазнули по Коре глазами и проехали мимо. Кора тоже не отреагировала на их появление.

На козлах второго фургона сидел молодой рыжий парень ирландской наружности. Она почувствовала на себе взгляд синих глаз. Фургон остановился.

– Эй, красота! – окликнул ее ирландец. Голос был звонким, похожим на птичий щебет. – Что-нибудь нужно?

Кора отрицательно покачала головой.

– Может, нужно что, говорю?

Она опять помотала головой и стала растирать озябшие руки и плечи.

Третьим фургоном правил старый негр, коренастый, поседевший, одетый в тяжелую видавшую виды ковбойскую куртку. Ей показалось, что глаза у него добрые. В нем чувствовалось что-то знакомое, но что именно, она уловить не могла. Дым из его трубки пах картофелем, и у Кору заурчало в животе.

– Голодная? – спросил негр.

Судя по выговору, он был с Юга.

– Ужасно, – призналась Кора.

– Ну, так залезай, сама выберешь.

Кора вскарабкалась на козлы. Возница раскрыл корзинку с припасами. Отломив краюху хлеба, она жадно сунула ее в рот.

– Еды вдоволь, – успокоил ее негр.

На загравке у возницы было выжженное тавро в виде подковы, и, перехватив Корин взгляд, он поднял ворот повыше.

– Ну, догоняем остальных?

– Хорошо!

Он гикнул лошадям, и те потрусили по выбоинам.

– Куда вы едете? – спросила Кора.

– В Сент-Луис. Там народ с Миссури забираем и на Калифорнию.

Кора ничего не ответила. Тогда он спросил:

– Сама-то с Юга?

– Из Джорджии. Я беглая.

Она сказала, что ее зовут Кора, развернула лежавшее под ногами одеяло и закуталась в него.

– А я Олли буду, – ответил возница.

Два других фургона показались впереди на повороте.

Жесткое одеяло царапало подбородок, но ей было плевать. Она думала, откуда он бежал, чего нахлебался и сколько ему пришлось пройти, чтобы оставить это позади.

Благодарности

Спасибо Николь Араджи, Биллу Томасу, Роуз Курто, Майклу Голдсмиту, Дюваль Остин и Элисон Рич (все еще) за то, что эта книга попала к вам в руки.

В «Хансере» за долгие годы – спасибо Анне Лейбе, Кристине Кнехт и Пьеро Залабе. Также спасибо Франклину Делано Рузвельту за субсидирование «Федерального писательского проекта», благодаря которому в тридцатые годы XX века удалось собрать подлинные истории бывших рабов. Разумеется, огромное спасибо Фредерику Дугласу и Харриет Якобс. Мне очень пригодились усилия Натана Хаггинса, Стивена Джея Гульда, Эдварда Э. Баптиста, Эрика Фонера, Фергуса Бордевича и Джеймса Джонса. А также теории антрополога Джошуа Нотта о «слиянии» и «Дневник похитителя трупов». Объявления о розыске беглых рабов из электронного архива Университета Северной Каролины в Гринсборо. Первые сто страниц вдохновлялись ранними записями *Misfts* («*Where Eagles Dare*», «*Horror Business*», «*Hybrid Moments*») и *Blanck Mass* («*Dead Format*»). Дэвид Боуи живет в каждой моей книге, и когда я пишу финальные страницы, то всегда включаю «*Purple Rain*» и «*Daydream Nation*», так что спасибо ему, Принсу и группе *Sonic Youth*. И, наконец, Джули, Мэдди и Беккету за любовь и поддержку.

Примечания

1

Вида – портовый город на территории современного Бенина, расположенный в южной части страны, на побережье Гвинейского залива. (*Здесь и далее прим. пер.*)

2

Дагомея – африканское государство на побережье Западной Африки, находившееся на территории современных Бенина и Того. Основано в середине XVII в. и просуществовало до XIX в.

3

Первая хлопкоочистительная машина, созданная в конце XVIII в.

4

Фанти – народ группы акан с территории современной Ганы.

5

Мандинго – один из народов, обитающих на северо-западе Африки.

6

Уитни, Эли (1765–1825) изобрел хлопкоочистительную машину (1793).

7

Плимутский камень – гранитный камень в Плимуте, штат Массачусетс, на который, по преданию, ступили отцы-пилигримы с корабля «Мейфлауэр» в 1620 г.

8

Компромисс трех пятых: южные штаты имели право при определении численности населения прибавить к количеству свободных граждан три пятых от общего числа рабов.

9

Джонатан Свифт «Путешествия Гулливера», пер. Б. Энгельгардта.

10

Филлис Уитли (1753–1784) – чернокожая поэтесса, стоявшая у истоков афроамериканской литературы.

11

Джупитер Хэммон (1711–1806) негритянский поэт, в 1761 году стал первым афроамериканским поэтом, чьи стихи и проповеди были опубликованы в США.

12

Бенджамин Баннекер (1731–1806) – свободный гражданин США, составитель популярных календарей-альманахов, натуралист, естествоиспытатель, фермер.